

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
пространства
Научный журнал

Т. 4, № 4
2017

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 4, № 4
2017

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
пространства
Научный журнал

Т. 4, № 4
2017

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 4, № 4
2017

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д.п.н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- *Евгений Петрович Бажанов*, д.и.н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- *Анджеи Вержбицки*, д.п.н., Варшавский университет, Варшава, Польша
- *Виктор Александрович Глебов*, к.ю.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- *Майкл Глянц*, Университет Колорадо, США
- *Олег Евгеньевич Гришин*, к.п.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- *Владимир Николаевич Давыдов*, к.п.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- *Лукаш Донай*, д.п.н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша
- *Игорь Сергеевич Зонн*, д.геогр.н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации, водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия
- *Андрей Вячеславович Ишин*, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
- *Леонид Александрович Карабешкин*, к.п.н., Евроакадемия, Таллин, Эстония
- *Геннадий Владимирович Косов*, д.п.н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- *Андрей Геннадьевич Костяной*, д.ф.-м.н., Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Москва, Россия
- *Елена Михайловна Кузьмина*, к.п.н., Институт экономики РАН, Москва, Россия
- *Рустам Мамедов*, д.ю.н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан
- *Николай Павлович Медведев*, д.п.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- *Татьяна Николаевна Мозель*, д.п.н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- *Марк Афроимович Неймарк*, д.и.н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- *Ольга Алексеевна Нестерчук*, д.п.н., Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
- *Юлий Анатольевич Нисневич*, д.п.н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- *Владимир Николаевич Панин*, д.п.н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- *Лидия Александровна Пархамчик*, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан

- **Владимир Михайлович Платонов**, к.ю.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Александр Вячеславович Семенов**, д.э.н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Андрей Иванович Суздальцев**, к.и.н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д.ф.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к.и.н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Нарцисс Шукуралиева**, д.п.н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Владимир Владимирович Штоль**, д.п.н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 18 мая 2015 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61749 от 18 мая 2015 г. — печатное издание)

ISSN

2313-8920 (Print)
2587-8174 (Online)

Периодичность:

4 раза в год

Учредитель:

Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»

Типография:

Типография «Буки Веди», Москва, Партийный переулок, д. 1, корп. 58

Тираж:

500 экземпляров

Сайт:

<http://www.postsovietarea.ru>

E-mail:

postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru

Подписано в печать:

14.11.2017

© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

CHIEF EDITOR

- **Sergej S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

- **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Davidov**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland
- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA
- **Victor A. Glebov**, PhD in Law, RUDN University, Moscow, Russia
- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrej V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.
- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia
- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Andrej G. Kostyanoy**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia
- **Georgi S. Kovalev**, PhD in Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Institute of Economics (Russian Academy of Science), Moscow, Russia
- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan
- **Nikolai P. Medvedev**, RUDN University, Moscow, Russia
- **Tatjana N. Mozel**, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, Russian State Social University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Vladimir M. Platonov**, PhD in Law, RUDN University, Moscow, Russia
- **Semenov A.V.**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Vladimir V. Stoll**, Prof., PhD in Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

- **Andrej I. Suzdaltsev**, PhD in History, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine

- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia

- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland

- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology “Soyuzvodproekt”, Moscow, Russia

ISSN: 2313-8920 (Print)
2587-8174 (Online)

Publication Frequency: Quarterly

Founder: Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis “The Centre of regional research”

Printing house: “Buki Vedi”, Moscow, Partyinyi lane, 1, bld. 58

Number of Copies: 500

Web-site: <http://www.postsovietarea.ru>

E-mail: postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru

Signed for printing: 14.11.2017

© “Post-Soviet Issues”. All materials are distributed under CC BY 4.0

Содержание

Редакционная коллегия 274

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

«Гибридный ландшафт» Ближнего Востока..... 280

Игорь С. Зонн

Энциклопедический подход к морской истории России 297

Андрей В. Ишин

Турецко-грузинские отношения
в контексте региональной политики Турции на современном этапе 307

Лариса М. Алексанян

Индийский интерес к Арктике в контексте арктической политики Китая 321

Николай А. Николаев

Сравнительный анализ концепций
военной безопасности Норвегии и Дании в Арктическом регионе 336

Игорь С. Дорошенко

Внешняя политика и экономика Словакии: российский вектор 347

Гонга Иво

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Глобальные риски, как факторы,
влияющие на современную систему международных отношений 356

Ирина А. Зайцева

Энергетическая политика Кыргызской Республики: итоги и проблемы 364

Айдана М. Макилова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Политическая элита современной России: кризис формирования 373

Михаил А. Бурда

Contents

Editorial board	274
------------------------------	------------

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

“Hybrid Landscape” in the Near East	280
--	------------

Igor S. Zonn

Encyclopedic approach to Marine History of Russia	297
--	------------

Andrey V. Ishin

Turkish-Georgian relations in the context of Turkey’s regional policy at the current stage	307
---	------------

Larisa M. Aleksanyan

Indian Interest in the Arctic in the Context of China’s Arctic Policy	321
--	------------

Nikolay A. Nikolaev

Comparative analysis of military security policy of Norway and Denmark in the Arctic region	336
--	------------

Igor S. Doroshenko

Foreign Policy and Economy of Slovakia: the Russian Vector	347
---	------------

Hopta Ivo

ECONOMIC RELATIONS

Global Risks as Factors that Affect the Current system of international Relations	356
--	------------

Irina A. Zaitseva

Energy policy of the Kyrgyz Republic: results and problems	364
---	------------

Aidana M. Makilova

POLITICS

Political elite of modern Russia: crisis of formation	373
--	------------

Michail A. Burda

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

«Гибридный ландшафт» Ближнего Востока

Игорь С. Зонн

*Инженерный научно-производственный центр по водному хозяйству
Мелиорации и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия,
igorzonn@yandex.ru*

Аннотация: В 2015 г. президент Сирии обратился с официальной просьбой к российскому правительству оказать помощь в борьбе с джихадистской организацией «Исламское государство» (ИГ) (запрещена в России). Совет Федерации РФ дал президенту РФ согласие на использование вооруженных сил РФ на территории Сирии. Одной из целей участия России в боевых действиях было предотвращение распространения терроризма на дальних подступах к нашей стране. Боевые действия развернулись на просторах Сирии с ее ландшафтными и климатическими особенностями, в целом, в условиях пустынь и полупустынь. Последствия военных действий, которые неоднократно вспыхивали в этом регионе, и их влияние на состояние окружающей среды, достаточно подробно исследовались и освещались в печати. Современные военные действия приобрели особый характер, благодаря технологическим достижениям в военной сфере и трансформировались в новую так называемую «гибридную войну». Это война нового военно-технологического поколения, включающая сочетание традиционной и нетрадиционной иррегулярной войн, требующая высокотехнологического оружия. Иными словами, гибридная война потребовала гибридных методов ее ведения. Высокоточное оружие позволяет вести военные действия, не входя на территорию противника, а наносить удары за многие тысячи километров, используя авиацию и ракеты морского базирования с современными средствами объектного контроля, спутниковой навигации и т. п. В результате резко сокращается площадное и глубоководное разрушение и уничтожение природной среды, то есть речь идет о новых экологизированных боевых действиях, последствия которых рассматриваются, как гибридная экология.

Ключевые слова: Ближний Восток, пустыни и полупустыни, гибридная война, высокоточное оружие, экология

Для цитирования: Зонн И. С. «Гибридный ландшафт» Ближнего Востока. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(4):280-296. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-280-296

“Hybrid Landscape” in the Near East

Igor S. Zonn

*Engineering Research Production Center on Water Management,
Land Reclamation and Ecology «Sojuzvodproject», Moscow, Russia,
igorzonn@yandex.ru*

Abstract: In 2015 Syrian President turned to Russia with a request for military assistance to fight the jihadist organization “Islamic State” (ISIL) prohibited in Russia. The RF Council of Federation has given permission to RF President to use armed forces of the Russian Federation in the territory of Syria. One of the purposes of the Russian involvement in military actions was to prevent spreading of terrorism at the distant approaches to our country. Military actions have been waged on vast expanses of Syria with its specific landscape and climatic conditions, in deserts and semi-deserts. The consequences of military actions that flared up time and again in this region and their effect on the natural environment have been investigated in detail and discussed in mass media. Modern military actions have acquired special nature owing to technological advances in the military area and they turned into the new, so-called “hybrid war”. This war of a new military and technical generation combines traditional and non-traditional irregular wars and requires hi-tech weapons. In other words, the hybrid war required the hybrid methods of its waging. High-accuracy weapons allow for conducting military actions without intrusion to the enemy’s territory and making strikes over many thousand kilometers using aircraft and sea-based missiles equipped with the modern devices of objective control, satellite navigation, etc. As a result, the spatial and in-depth damage and destruction of the natural environment become sharply reduced. So, we are speaking here about new ecologized military actions which consequences may be termed as “hybrid ecology”.

Keywords: Near East, dosert and semidesert, hybrid War, environment, high-precision weapons

For citation: Zonn I.S. «Hybrid Landscape» in the Near East. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(4):280-296. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-280-296

ВВЕДЕНИЕ

В период с 400 г. по 2016 г. произошло 439 войн, из них 111 войн (25%) в аридных областях мира — пустынях и полупустынях. По оценкам Конвенции ООН по борьбе с опустыниванием 80% крупных вооруженных конфликтов во всем мире происходит именно в районах, подверженных опустыниванию и засухам. Большая часть театров военных действий из них приходится на пустынный Ближний Восток. Существует выражение: «В пустыне

нет времени, нет ни прошлого, ни будущего, только бесконечное настоящее, где ничего никогда не меняется». Это действительно, лишь до момента начала военных действий.

Ранее [1, 2, 3, 4, 5] в работах освещались последствия войны в зоне Персидского залива, которая носила кодовое название «Буря в пустыне» (Desert Storm). Это была крупная военная операция США во главе многонациональных сил по освобождению Кувейта, захваченного иракскими войска-

ми в 1991 г. В декабре 1998 г. скоротечная военная операция (73 час.) «Лиса пустыни» (Desert Fox) против Ирака — лишение производить и использовать оружие массового поражения. Спустя 5 лет, в 2003 г. на обширных территориях опять же в зоне Персидского залива в Ираке развернулись широкомасштабные военные действия, операции, носившие название «Иракская свобода» (Iraqi Freedom), части американской доктрины «Шок и трепет» (Shock and Awe), направленные на освобождение Ирака от режима Саддама Хусейна. Участники операции те же — США в коалиции с Англией и Австралией. В 2014 г. джихадистская организация «Исламское государство» (ИГ) (запрещена в России), ранее именовавшееся «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) объявила о создании халифата на контролируемой ее боевиками территории Ирака и Сирии. В 2015 г. волна смещения государственного руководства достигла соседней с Ираком, Сирийской Республики. Осуществление этого замысла взял на себя «террористический интернационал» — ИГ [6]. «Политический ислам, как он проявляется себя в большинстве государств Ближнего Востока — это невиданная катастрофа. Опасностью является ислам, не как религия, а как политический порядок, создаваемый исламистами у нас на глазах» отмечает немецкий философ и историк Р. Сафрански.

Почти все аналитики, подводя предварительные итоги военных действий рассматривают их политические и военные особенности и результаты, ни слова не говоря об их экологических последствиях. Это происходит лишь много лет спустя. В этом контексте, представляет интерес оценка последствий последних высокотехнологических военных антитеррористических операций, поскольку их многое объединяет — схожие географические и климати-

ческие условия, примерно аналогичный состав, применяемых средств и сил. Однако, иракские операции «Буря в пустыне», «Иракская свобода», затем сирийская — «Возмездие» (Rogue) и «Непоколебимая решимость» (Inherent Resolve), направленные на уничтожение исламского халифата, по ряду применяемых вооружений (технических аспектов) различаются достаточно сильно.

Более тридцати лет назад в Ежегодном докладе Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) о состоянии окружающей среды 1980 г., отмечалось «война является глубоко укоренившейся особенностью человечества, однако, как прямое, так и косвенное ее воздействие расширено современной технологией».

В задачу данной статьи, посвященной экологическим последствиям военных действий в специфическом аридном, пустынном регионе, и в частности, процессам деградации земли, получившим название опустынивание, не входит политическая или военная оценка действий, воюющих сторон. Это дело соответствующих профессионалов. Однако, для обоснования своих размышлений приходится их касаться.

Во второй половине XX века мир столкнулся с качественно новой реальностью, когда в результате военных действий с применением современных видов оружия наносился серьезный урон состоянию окружающей среде. До сих пор она несет на себе отпечатки применения нового смертельного атомного оружия в Хиросиме и Нагасаки (Япония), химического оружия и напалма во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Реальное уничтожение природы с использованием тактики «выжженной земли» во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже породило понятие «экоцид» — крупномасштабное уничтожение природной среды, среды обитания с помощью средств разрушительно-

го воздействия в ходе военных действий — новый вид международного преступления.

Три войны в зоне Персидского залива (первая — Иракско-Иранская 1980-1988 гг.; вторая 1990-1991 гг. — вторжение в Кувейт и его освобождение; третья — Иракская война 2003 г.) показали, что применение современного вооружения и военной техники, в которых применяются высокотоксичные и высокоагрессивные топлива, кислоты и реактивы, радиоактивные материалы, хлорсодержащие вещества и др. могут вызывать новые поражающие факторы воздействия на природную среду. Прежде всего, пожары на нефтяных месторождениях, выброс в атмосферу аэрозольных частиц, разрушение экосистем за счет нефтяного загрязнения и др.

С началом военных действий неизбежно идут преднамеренные и сопутствующие разрушения хозяйственной структуры со всеми сопутствующими последствиями. Их масштаб обусловлен, как правило, геостратегическим положением района конфликта, оперативно-тактической целесообразностью разрушения, возможностями средств поражения и т. д. Иными словами речь идет о пренебрежении негативными экологическими последствиями при решении задачи разгрома или уничтожения противника.

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ТЕРРОРА И ВОЙНЫ

Война и окружающая среда неразделимы. Наступил конец асимметрии между военными и экологическими приоритетами. В последние десятилетия военные и террористические операции охватили полностью территории Ирака, Сирии, Йемена, часть территорий Саудовской Аравии, Кувейта, Катара, стран Африканского Рога и Северной Африки. Это буферная зона обширного афро-азиатского пояса пустынь, протянувшиеся от Атлантического океана до Китая. Перечисленные государства объединяют

этнические, конфессиональные, исторические и социально-экономические факторы, являющиеся отражением аридных субтропических условий. В северо-восточной части рассматриваемого региона к зоне крупнооазисного земледелия Месопотамии вдоль р. Евфрат с севера и юга прилегает обширное каменистое пустынное плоскогорье Сирии. В южной части плато расположена Сирийская пустыня с лавовыми полями и отдельными невысокими островными горами и бессточными впадинами, расчлененная сетью сухих русел (вади) граничащие на юге с каменистой пустыней Эль-Хамад и Аравийской (Руб-эль-Хали) пустыней. Со стороны Саудовской Аравии к границе Кувейта, Нейтральной зоны и Ирака подходит ровная, серая, пыльная пустыня Эд-Дибдиба. Массивы песчаных пустынь часто сочетаются с участками щебнистых и галечниковых отложений. Рельеф песчаных пустынь представлен в основном грядовыми, барханными и барханно-бугристыми песками. Характерны значительные площади развеваемых песков, лишенных какой-либо растительности. Встречаются здесь и каменистые пустыни (хамада), развитые на пластовых равнинах и столовых плато, сложенных в основном толщами кристаллических пород юрских и меловых песчаников и известняков. Каменистый субстрат этих пустынь местами сильно расчленен эрозией.

Климат субтропический сухой. Среднегодовая температура +27°C, средняя температура в июле +36°C, поднимается в тени иногда до +50°. Зима теплая — средняя январская температура +4°-13°. Осадков выпадает мало — 100-150 мм. На четыре зимних месяца (с ноября по март) приходится до 90% годового количества осадков. К весне это количество резко сокращается и среднемесячные суммы осадков в апреле не превышают 10 мм. В последующий же

самый жаркий период в течении пяти-семи месяцев осадки отсутствуют совершенно.

Для климатического режима этой территории характерна очень большая роль ветров, дующих на протяжении почти всего года и приобретающих в условиях открытых пространств пустынь и полупустынь особую интенсивность. Зимой господствует ветер — шемаль, часто сопровождающийся сильными шквалами, иногда короткими ливнями и грозами, вызывающими резкое понижение температуры. Весной и в начале лета обычен южный знойный ветер — самум, вызывающий песчаные бури. Он приносит повышение температуры до +50° и понижение относительной влажности до нуля. Часто этот ветер приносит большие массы песка. Поднятая ввысь желто-коричневая масса резко уменьшает прозрачность воздуха и видимость. Столь же обычен весной и знойный ветер — хамсин.

Особые черты в засушливых условиях ввиду малых и непостоянных осадков и обильной солнечной энергии приобретает круговорот воды и энергии. Это же обуславливает скудный растительный покров и соответственно низкую биологическую продуктивность, слаборазвитые почвы. Огромные пространства пустынь, особенно хамад и песчаных, лишены почвенного покрова. Источники воды очень редки, а те немногочисленные, которые встречаются, имеют солоноватую воду. Только две крупных реки Евфрат и Тигр пересекают этот регион.

Экосистема пустынь ввиду многовекового постоянства природных условий весьма чувствительна к любым изменениям, а следовательно, легко ранима и хрупка. В естественных условиях экосистемы пустынь поддерживают сбалансированный водный и энергетический обмена, но это равновесие легко нарушается человеком в результате различной хозяйственной деятельно-

сти — ведения земледелия, скотоводства, добычи полезных ископаемых, создания инфраструктуры и т. д. Природные условия и хозяйственное освоение региона, которое в основном обусловлено развитием кочевого скотоводства, орошаемого земледелия, локально добычей нефти и газа, в определенной степени способствовало развитию антропогенного опустынивания, хотя сразу же нужно заметить, что в целом здесь преобладало естественное развитие пустынных экосистем. Таков естественный фон, на котором разворачивались и снова развернулись военные действия и антитеррористические операции.

ЭКОНОМИКО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ФОН ТЕРРОРА И ВОЙНЫ

Вместе с тем, существует еще и другой фон — экономико-стратегический. Он обусловлен особенностями экономического развития ближневосточных государств, которые определяются чрезвычайным богатством их недр нефтью и газом. Людвиг Денни в своей книге «Америка завоевывает Британию», вышедшей на русском языке в 1930 г. писал: «Каждая большая нация должна искать нефтяные месторождения за пределами своей собственной территории» [7]. Спустя 70 лет известный американский писатель Нельсон Демиль в своем романе «В никуда», посвященном послевоенному Вьетнаму, пишет «Если какая-то страна становилась важной для американского правительства, значит в ней появилась нефть, наркотики или она представляла стратегическую ценность». Именно нефть знаменовала символическое начало американской нефтяной гегемонии на Ближнем Востоке, когда в феврале 1945 г. состоялась встреча президента США Ф. Рузвельта с саудовским монархом Ибн-Саудом на борту крейсера «Куинси» в районе Суэцкого канала. В начале XXI века усиливается борьба

за энергетические ресурсы, в которых важную роль играют углеводороды — нефть и газ. Около 45% их запасов географически расположено в так называемых гипераридных, аридных и семиаридных территориях нашей планеты. Именно здесь сосредоточены страны, занимающие стратегическое положение на энергетической карте мира — крупнейшие производители нефти и газа — четверть разведанных мировых запасов: Саудовская Аравия (262,7 млрд. баррелей), Ирак (112,5 млрд. баррелей), ОАЭ (97,8 млрд. баррелей), Кувейт (96,5 млрд. баррелей), Иран (93,1 млрд. баррелей), Алжир, Ливия, Туркменистан и другие. Только в этих первых пяти странах находится около двух третей разведанных запасов нефти. Кроме того, государства Персидского залива обладают 40% разведанных мировых запасов газа.

Основной капитал этих стран создается в результате экспорта нефти и за счет этого — сферы обслуживающих отраслей хозяйства, инфраструктуры и т. д. Только США потребляют примерно одну четвертую часть от 80-85 млн. баррелей нефти, добываемых ежедневно. Вот почему именно нефть, борьба за этот энергоноситель является подводной частью «айсберга конфликтов», возникших в странах Ближнего Востока.

Начиная с 1970-х годов, после ввода эмбарго арабскими странами на продажу США нефти в порядке санкций против Вашингтона за его активную поддержку Израиля в арабо-израильском конфликте — войне Судного дня (война Йом-Кипур) США рассматривали важнейшие нефтепромыслы в районах Ближнего Востока и Персидского залива (уязвимый участок снабжения США нефтью) в качестве первоочередных объектов нападения и защиты.

В 1983 г. Пентагон создал Центральное командование (Сентком) США для «защиты американских интересов от любых военных

угроз» в огромном районе, простирающемся от Ближнего Востока через Персидский залив до Индийского океана. В зону действия этого командования были официально включены территории 19 государств (Афганистан, Пакистан, Ирак, Иран, Кувейт, Бахрейн, ОАЭ, Катар, Саудовская Аравия, Оман, ЙАР, НДРЙ, Сомали, Судан, Кения, Эфиопия, Джибути, Египет, Иордания). В принятом циркуляре Пентагона «Директивы по обороне», который осуществляла администрация президента США Р. Рейгана, в частности содержалось следующее указание командованию «сил быстрого реагирования» (СБР): «Наши основные цели состоят в том, чтобы в дальнейшем обеспечить доступ к нефти в районе Персидского залива. При любых обстоятельствах мы должны быть готовы ввести американские силы непосредственно в этот регион, если покажется, что создалась угроза безопасности доступу к нефти в Персидском заливе» [8]. Как отмечал Г. С. Хозин, в последние годы установка США на включение пустынь Аравийского полуострова в сферу потенциальных боевых действий СБР становится все более очевидной [9].

С тех пор утекло много нефти. Конфликты на Ближнем Востоке неизбежно содержали и содержат элементы вмешательства крупных держав и чреватые глобальным пожаром из-за международного интереса к нефти. Бывший Госсекретарь США Г. Киссинджер в своей книге «Мировой порядок» говорит о крахе баланса США на Ближнем Востоке, при этом не называя ответственного за это. Хотя именно США и ЕС привели регион к катастрофе интервенциями и уничтожением действующих режимов в Ливии, Ираке, Йемене, Египте. Расцвет террора в последние 25 лет — результат дестабилизации ситуации в Африке и Азии, прежде всего на Ближнем Востоке. Бывший руководитель израильской спец-

службы «Наатив» Яков Кедми отмечает: «Весь Ближний Восток превратился в организованный неуправляемый хаос». Напомним, что еще Советское правительство неоднократно заявляло в связи с агрессивными действиями стран Запада на Ближнем Востоке, что эти действия вблизи границ нашей страны представляют для них прямую военную опасность. В декабре 2015 г. на расширенном заседании коллегии Министерства Обороны РФ при подведении итогов деятельности ВС РФ и определении основных задач на ближайшее будущее министр обороны С.К. Шойгу обратил внимание на тот факт, что в последнее время «наблюдается резкое обострение военно-политической обстановки в мире, особенно в Европе, Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Наша главная цель определена президентом России — «остановить терроризм на дальних подступах, не дать ему перекинуться на нашу страну» [10]. Сложности и трудности в противоборстве с ним (терроризмом — И.З.) определяются его сетевым характером, который определяет свободно структурированные, практически неконтролируемые сетевые организации. «Именно в сетевом характере международного терроризма — первопричина огромных трудностей в противоборстве с ним» [11].

В докладе Комиссии по природной среде и развитию ООН «Наше будущее» — отмечалось, что правительства большинства стран, чьим землям, обеспечивающим сельскохозяйственное производство, нанесен большой ущерб, продолжают расходовать значительно более крупные средства на защиту своего населения от наступающих армий, чем от наступающей пустыни.

На Ближний Восток приходится 50% объема импорта вооружения. Здесь в начале 1980-х годов находились шесть из десяти крупнейших импортеров оружия треть-

его мира: Ирак, Египет, Сирия, Иордания, Саудовская Аравия, Израиль. Рост закупок вооружения служит косвенным показателем расходования природных ресурсов на военные цели.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ВЕДЕНИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ПУСТЫНИ

Взгляды на военное использование пустынь и планы превращения их в зоны боевых действий в настоящее время имеют в своей основе уже накопленный опыт войн. Достаточно вспомнить североафриканские походы «лиса пустыни» немецкого генерала Э. Роммеля и англо-американских войск в период Второй мировой войны. Значительная часть мест военных конфликтов после Второй мировой войны приурочена к зоне пустынь и полупустынь — это англо-египетская (1963), арабо-израильская (1973), ирано-иракская (1981-1988), иракско-кувейтская войны (1991-1992) и другие перечисленные выше. Учение и тренировка войск США и их союзников, которые постоянно проводились в последние годы с целью совершенствования подготовки живой силы и военной техники свидетельствуют об увеличении числа и масштабов подобных мероприятий в зонах пустынь. Подразделения СБР, созданные для «защиты жизненных интересов» далеко за пределами США, все чаще отрабатывают методы военных действий в пустынях, что было вызвано стратегической установкой, лежащей в основе их создания. Хорошо известны проводившиеся в 1970-х годах в пустынях юго-запада США на крупнейшем военном полигоне «Калифорния – Мохаве» маневры под кодовым названием «Дезерт страйк» и систематические учения в 1980-х годах «Брайт стар» в Ливийской пустыне [12].

Кроме того, пустыни как обширные и редконаселенные пространства давно

стали привлекательными районами наиболее интенсивных разработок и испытаний атомного, химического, геофизического и других видов оружия массового уничтожения и новых систем вооружения. Достаточно напомнить об испытаниях этих видов оружия в пустынях Мохаве в США, Гоби в Китае, Негев в Израиле, Сахара в Алжире и других.

Военные действия вносят наиболее масштабные и глубокие изменения в неустойчивое равновесие пустынной экосистемы. При этом оба параметра изменений находятся в прямо пропорциональной зависимости от характера и мощности применяемого оружия.

Ведение сухопутных военных действий в условиях пустынь требует особого подхода, при котором ведущую роль играет ее ландшафтные и климатические особенности. В США в боевых уставах вооруженных сил есть понятие подготовка пространства будущих операций (*preparation of environment*). Оно включает в себя проведение разведки, развертывания агентуры, изучение местности, климата, рельефа и т. д., обустройство инфраструктуры в районах, где в дальнейшем планируется вести боевые действия [13]. Сложность рельефа, обусловленная дюнно-барханными образованиями, и плохая проходимость пустынь, почти полное отсутствие местных ресурсов требует более высоких норм потребления энергии, горюче-смазочных материалов и воды, необходимость увеличения норм возимых и носимых запасов воды и продовольствия, боеприпасов и других предметов снабжения для личного состава и эксплуатации боевой техники. Колесные машины быстро вязнут в песках пустыни, покрывающих большую часть территории. Ведение боевых действий в пустыне затруднено из-за отсутствия развитой инфраструктуры транспортных средств и ра-

бочей силы из числа местного населения, которым можно было бы воспользоваться для обеспечения повседневной деятельности вооруженных сил.

В силу открытости местных и отсутствия естественных укрытий для военной техники и живой силы в пустыне отмечается сильная уязвимость, прежде всего от ударов с воздуха, всей инфраструктуры от боевых порядков до тыловых складов и дорог, которая создается в случае размещения войск в пустыне. Для того, чтобы этого избежать необходима быстрая переброска войск, материалов снабжения, тщательная организация контроля движения на маршрутах, выявление местных источников воды (колонцы, русла пересохших рек — узды, оазисы) и целесообразное их использование.

Особое значение имеют вопросы маскировки бронетанковых частей, создание ложных военных объектов и имитация основных видов вооружений. Значительная часть танков закапывается в песок на уровень башен, командные пункты одеваются в бетон и прячутся под песком, а на поверхности пустынь размещаются надувные или фанерные имитации танков и бронемашин.

Определенную специфику в условиях пустынь имеет эксплуатация военной техники — стрелкового и артиллерийского вооружения, автобронетанковой и инженерной техники, самолетов и вертолетов, средств связи и радиолокационных станций. Напряженная подготовка на местах (тренировочные полеты, отработка тактических задач танками и т. д.) заставила начать армию США еще до начала военных действий использовать запас запчастей. Это было вызвано тем, что песок, окутывающий вертолеты во время взлетов в пустыне, разъедает лопасти турбинных двигателей, а также роторы во время всего полета и, кроме того, турбинные лопасти танковых двигателей. Поэтому важны меры по предотвращению

перегрева всех видов двигателей, дополнительному обслуживанию систем охлаждения и вентиляции, защите от всепроникающей пыли и песка, защите боеприпасов от прямого воздействия солнечного света в течение продолжительного времени, регулярной обработке оптических приборов и смазке подвижных частей вооружения и боевой техники.

Песчаные бури в Сирийской и Аравийской пустынях могут достаточно сильно повреждать линзы систем наведения. Носовые части ракет должны постоянно проверяться на чистоту. Кроме того, в условиях пустыни отмечается отсутствие ориентиров, плохая видимость из-за пылесодержания и песка в воздухе и особенно в приземном слое, прогрев в нижних слоях атмосферы, вызывающий оптический «обман». Следует напомнить, что в 1980 г. при проведении американцами операции «Дельта» по освобождению Посольства США в Тегеране именно пыльная буря сорвала ее исполнение.

Особую значимость, обусловленную климатическими условиями в дневное время (высокая температура, дифракция света, миражи, пыльные бури и т. д.), приобретает ведение боевых действий в ночное более прохладное время. Для этого пилоты вертолетов и экипажи истребителей-бомбардировщиков, стратегических бомбардировщиков имеют приборы ночного видения (ПНВ). Тепловизионные ПНВ, инфракрасные приборы наблюдения и светоусиливающие очки превращают пустынную ночь в видимые поля огня.

Нельзя забывать и о главной фигуре боевых действий — человеке, который должен привыкнуть жить или выживать и воевать в экстремальных условиях пустыни. Без воды в летнее время человек в пустыне не может прожить более трех суток, а исследования, проведенные в свое время в пу-

стыне Каракум (Туркменистан) показали, что, не выполняя никакой работы, человек теряет за 12 часов более 8% веса тела, при этом гибельна уже 10-12% потеря веса. Для поддержания нормального водного баланса без напряжений деятельности, необходимо только для питья около 8 л воды в сутки. Ограничения приема воды (до 2-3 л в сутки) вызывают тяжелые нарушения деятельности центральной нервной системы и ряда органов, ответственных за поддержание гомеостатических параметров организма [14]. В условиях ведения военных действий гарантированный расход питьевой воды на человека — около 20 л/сут. Кроме того, еще 35-55 л воды требуется для личной гигиены и т. д. Для обеспечения такого количества воды в Саудовской Аравии работает более 35 опреснительных заводов. Смена дневного изнуряющего зноя и ночного холода подрывает физические и моральные возможности человека.

Жара — особая проблема для саперов, работающих на разминировании в Сирии в стандартных костюмах полной защиты ОВР-2 весом около 15 кг. Сапер может проработать в нем около 1,5 часов, при этом костюм перед облачением выдерживают в холодильной камере.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ПУСТЫНЕ

Почти все военные действия сопровождаются негативными экологическими последствиями. Возрастание поражающей силы постоянно совершенствующего оружия качественно изменяет характер военных целей: помимо живой силы противника, техники, укреплений, скоплений гражданского населения и городов, объектом военного нападения стала сама природная среда. Уничтожение экосистемы стало рассматриваться как особое и эффективное средство ослабления противника.

В «чистом» виде экологическая война как объявленная не ведется, поскольку объектом нападения в этом случае должна быть природная среда. Однако в процессе ведения боевых действий противоборствующие стороны в целях оказания давления на противника могут значительно усилить «экологический аспект» войны.

Особенностью современных экоцидных методов ведения боевых действий, чреватых прямым и весьма значительным ущербом природной среде, является более часто применение различных видов оружия и технических средств. Они направлены на уничтожение, в первую очередь, растительности, земельных и водных ресурсов, с целью затруднения деятельности вооруженных сил противника и нарушения функционирования его экономики, а также лишения населения страны естественных условий для жизни и деятельности. Еще 15 лет назад Рик Аткинсон в газете «Вашингтон пост» писал, что «война в Персидском заливе может стать войной, характеризующейся беспрецедентной интенсивностью и технической мощью [15], а Гамбургский «Шпигель» отмечал: «то, что разыгрывается в ночном небе над Ираком, (война «Буря в пустыне» — И.З.) открывает новую эру ведения войны, для которой уже найдено название — Эра войн высокой технологии».

Исторически известны многие примеры того, какой ущерб был нанесен природным экосистемам, в частности в аридных регионах, приведший к деградации биологического потенциала, активизации наступления пустынь и опустынивания.

В северо-восточной части Кувейта в системе обороны Ирака широко использовались инженерные сооружения в виде высоких, до 3,5 м песчаных валов, рвов, (120 км) заполненных нефтью, (3,5 млн. м³) бетонированных укрытий и окопов для боевой техники и т. д. общим числом 164153.

При этом объем вынутого грунта составил 16,7 млн. м³. Насыпные песчаные грунты разносятся ветром, а в срезанных — образуются глубокие рытвины. На переработанной поверхности формируется ветровая рябь, барханы. Подвергнутый ускоренной эрозии верхний слой почвогрунтов путем механического разрушения может переноситься в виде громадного количества пылево-песчаных частиц, что сказывается на прилегающих территориях, особенно находящихся под сельскохозяйственным освоением.

В результате многочисленных проходов тяжелых (до 50 т. и более) транспортных и боевых механизированных средств и их маневрирования переработка песков ветром приобретает огромные масштабы и вместе с тем ведет к уплотнению грунтов.

В условиях современных действий по борьбе с террористами стали в основном применяться джипы и пикапы с четырьмя ведущими колесами, так называемые внедорожники. На них монтируются крупнокалиберные пулеметы и противотанковые ракетные комплексы. Они могут за считанные минуты поменять дислокацию, нанести удар по не ожидавшему это врагу, осуществить разнообразные диверсии, постановку мин и фугасов. Именно эти внедорожники в условиях пустынь сыграли решающую роль в последней фазе чадоливийского конфликта 1978-1987 гг. известной, как «Война Тойот», обеспечив победу Чада. Но использование внедорожников ведет к огромным нарушениям пустынно-песчаной, галечниковой и каменистой поверхности за счет многочисленных проходов, иногда буксовки, превращая их в лабиринты различных эрозонных форм.

Было подсчитано, что от бомб и артиллерийских снарядов общего назначения при взрыве 1 кг вещества, которым они снаряжены, в среднем около 12,5 м² площади

наносится существенный для окружающей среды ущерб от взрывного и осколочно-го действия. При образовании воронки от взрыва 250 кг бомбы может перемещаться в среднем около 70 м² почвы, и эта величина способна изменяться в широких пределах в зависимости от типа грунтов [16].

В налетах на Ирак США использовали бомбардировщики Б-52, хорошо известные как «летающие крепости», вооруженные 900-килограммовыми бомбами. При взрыве такой бомбы образуется воронка глубиной 11 м и диаметром до 16 м. При «ковровом» бомбометании, которое применялось при налетах на иракские позиции, можно представить объемы «выемки» грунта. Такие объемы перемещения грунта могут вызвать гидродинамические нарушения при условии близкого залегания грунтовых вод. Плотность огня на некоторых участках фронта была настолько велика, что на 1 м² площади приходилось по несколько тысяч попаданий. Отсюда первичный облик рельефа коренным образом изменен и во многом стал напоминать лунный ландшафт.

В условиях пустынь вопрос об уничтожении растительности, которая незначительна или крайне редка, менее значим в плане развития опустынивания. Ее уничтожение может происходить в результате непосредственного воздействия взрывов или проходов тяжелой боевой техники. Избирательно в ее уничтожении могут быть применены зажигательные средства.

Среди современных боеприпасов, применявшихся в той войне, появились разновидности нового поколения авиабомб — так называемые жидкостно-зажигательные (ЖЗБ). Во время полета они распыляют в воздухе большое количество легковоспламеняющейся жидкости, которая при взрыве загорается. В результате все, что оказывается на земле под этим огненным облаком, выгорает моментально. Естественно, в пер-

вую очередь, это касается растительности или ее зачатков. Кроме того, в зоне огня образуется область повышенного давления, которая как бы засасывает кислород из подземных укрытий, обрекая находящихся в них людей на смерть от удушья.

Физические и химические изменения могут быть вызваны тепловыми потоками и ядовитыми смогами от горения нефти и других зажигательных веществ колонн нефтевозов, бензовозов и т. д., которые широко применялись в зоне военных действий. Рост экологичности военных действий опережает процесс экологизации. Использование в боеголовках авиабомб и снарядов (неядерных) обедненного урана вызывает радиационное поражение гражданского населения и необъяснимые заболевания военнослужащих.

Экологические последствия войн проявляются также во взрывоопасных «материальных» остатках военных действий. Это так называемое «эхо войны» — неразорвавшиеся бомбы, снаряды, мины и другие боеприпасы, оставшиеся на территории бывших военных действий. Это около 80 млн. мин, которые все еще остаются в земле в приблизительно 78 странах. Ежегодно от их действий погибает или травмируется от 15 до 20 тыс. человек [17].

Считается, что до 10% боеприпасов не взрывается на поле боя. Оценка этих остатков, загрязняющих окружающую среду, затруднена, поскольку информация об их местоположении и количестве весьма приблизительна. Эти «остатки» могут срывать в послевоенное время, затрудняя ведение сельскохозяйственных работ, бурение на воду и нефть и т. д. Особую опасность они представляют для кочевых скотоводов. В январе 1991 г. иракская сторона установила около 2 млн. мин на территории Кувейта, и эта величина далеко не определяет физическое их количество.

Что касается химического оружия, то ИГ использовала зарин, начиная с 2013 г. на севере Сирии, затем в 2015 г. — в северных районах Ирака и Сирии против курдов, действовавших против ИГ. Наконец, в 2016 г. ИГ применяли химические боеприпасы в районе Киркука, в Ираке и в районе Алеппо, в Сирии. Тем самым, повторялась ситуация, сложившаяся в Ираке во время Ирак-иранской войны в 1983-1988 гг., когда на его территории использовался зарин, горчичный газ, табун. В 1984 г. Ирак использовал бомбы наполненные нервнопаралитическим газом — табун. Тогда в период с марта 1984 г. по март 1985 г. погибло 5500 иранцев, а между 1983 и 1988 гг. погибло 16000 иранцев от горчичного газа. Кстати, ИГ получало доступ к химическому оружию после захвата ряда складов в Ираке.

В результате сильных химических, физических и механических воздействий военной техники и оружия на месте природных или природно-антропогенных комплексов возникают специфические, деградированные ландшафты, носящие название — беллигеративные ландшафты [19].

Влияние военных действий на историко-археологические объекты в Ираке, Афганистане и Сирии повлекли за собой невосполнимую потерю объектов имеющих мировую ценность и известность. Происходит разрушение исторических, многовековых памятников, археологических словес, потеря эстетической ценности в связи с дислокацией военных сил. К этому следует добавить и расхищение археологических сокровищ. Достаточно назвать уничтожения талибами в Афганистане в марте 2001 г. в Бамианской долине двух гигантских статуи Будды (55 и 37 м) VI в. н.э., разрушение игиловцами в августе 2015 г. храма Бела — величественного храма местного верховного божества в Сирийской Пальмире памятника II в. н.э. Кроме того ИГ заминировали

практически всю древнюю столицу царства королевы Зенобии — Пальмиру. Российские саперы с помощью индукционных минаискателей разминировали в Сирии более 2,5 тыс. зданий и сооружений, обнаружили и обезвредили 17,5 тыс. взрывоопасных предметов, более 400 самодельных взрывных устройств нелинейными локаторами.

Однако на смену обычным вооружениям пришло новое высокотехнологическое высокоточное оружие дальнего действия, которое используется силами альянса и ВКС РФ в Сирии. Его нужно в меньшем количестве и оно обладает более высоким качеством. Естественно, что сирийский театр военных действий рассматривается как полигон для испытания этого нового вооружения. Среди такого вооружения, впервые опробованного в боевых условиях против ИГ, следует отметить, применение авиационных комплексов Су-30СМ и Су-34, вертолетов Ми-28Н и Ка-52, российских стратегических ракетносцев Ту-22М3, новейших крылатых ракет воздушного базирования Х-101, Х-55 и крылатых ракет «Калибр-НК» и «Калибр-ПЛ» с кораблей и подводных лодок (морского базирования) с акваторий Каспийского и Средиземного морей, масштабное применение беспилотных летательных аппаратов. Тестировались и устаревшие образцы вооружения. Отработана система высококачественного бомбометания СВП-24, корректируемые (фугасные) авиабомбы КАБ-500Л (с системой наведения по лазерному лучу) и КАБ-500Кр, сбрасываемые СУ-34 и СУ-24. Точность попадания последних двух — отклонения 2-3 м, при этом зона разрушения не превышает 15 м при проникновении в грунт на 20 м и т. д. Кроме того, использовались объемно-детонирующие и бетонобойные авиабомбы и управляемые ракеты всех классов. При этом каждый тип ракеты или бомбы отвечает узкоспециальным задачам. Чтобы

исключить потери среди мирного населения объекты для ударов назначаются только вне населенных пунктов.

За более чем 92 тыс. вылетов ВКС РФ поражено свыше 100 тыс. объектов целей террористов. За это время уничтожены десятки средств с боеприпасами и боевой техникой, продовольствием и спецодеждой, лагеря по подготовке террористов, заводы по изготовлению взрывчаток, сотни бензовозов с контрабандной нефтью, трубопроводы и другие объекты военной инфраструктуры террористов. По словам Министра обороны РФ С. К. Шойгу, они являются «экономической основой ИГ, главный источник доходов, которой — контрабанда нефтью» [10]. До 2015 г., начала боевых действий, ИГИЛ на территории Сирии на нефти зарабатывала около 3 млрд. долл. в год.

К ноябрю 2017 г. в результате почти годовых совместных действий ракетных ВКС РФ и сирийской армии освобождены 95% площади, занимаемой ИГ и другими террористическими организациями, большая часть которых пустынные территории.

Вооруженные силы эффективны если они имеют возможность решать задачи с минимальным задействованием военной составляющей. С. К. Шойгу подводя итоги 2016 г. отмечал: «В боевых действия в Сирии апробировано 162 образца современного и модернизированного вооружения. Они показали высокую эффективность», проходя проверку в сложных условиях пустынной местности [20]. Вместе с тем, он указал на то, что сирийская операция раскрыла недостатки российской военной техники. Обнаружить и удалить конструктивные и производственные недостатки, которых позволила операция ВКС РФ. При этом определенная их часть недостатков была определена представителями промышленности, осуществляющих эксплуатационный контроль вооружений, которые были

направлены на российскую авиабазу в Сирии — Хмеймим. Это заставляет по-новому решать задачу военно-географических объектов, (оценки проходимости местности, пригодность транспортных средств, оружие, экипировки, рационов питания и т. д.), исходя из реальных угроз безопасности, в том числе исламского военного терроризма.

Продолжением освоения пустынных территорий стало проведение с 15 по 26 октября совместных российско-египетских антитеррористические учения «Защитники дружбы–2016» (в районе Александрии). Двести военнослужащих России и Египта десантировались на незнакомую площадку холмистой пустынной местности с песчаными холмами высотой до 1,5 м, проводя стрельбы из штатного оружия. Они использовали парашютные системы «Д-1» и «Т-10В», а также системы специального назначения «Арбалет» и «МС-5».

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА — ГИБРИДНАЯ ЭКОЛОГИЯ

Термин гибридная (или бесконтактная) война (Hybrid Warfare) возник в конце XX в., но «впервые появился в официальных документах Пентагона в 2010 г. и быстро занял ключевое место в американской стратегии [22]. Заместитель генерального секретаря НАТО А. Вершбоу дал ей следующие определение: «Гибридная война, сочетающая военную угрозу, скрытую интервенцию, тайную поставку оружия и систем вооружения, экономический шантаж, дипломатическое лицемерие и манипуляция в средствах массовой информации с прямой дезинформацией». Позже он же оценивая самые крупные маневры НАТО «Соединение трезубца – 2015» говорил, что они «продемонстрируют способность НАТО отвечать на все виды угроз — от обычных боевых действий до гибридной войны и вызовов пропаганды.

Наиболее полно определение «Гибридной войны» дано в предисловии «Military Balance 2015» — ежегодного издания Лондонского Международного института стратегических исследований: «Использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы, и получение психологических преимуществ, используемых в дипломатических действиях; масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации; прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий; в сочетании с экономическим давлением».

Гибридные войны — это новая «технологическая модель геополитики», война нового поколения, это сочетание традиционной и нетрадиционной иррегулярной войн. Если в традиционной войне основной задачей является уничтожение вооруженных сил страны, захват и удержание территории, то в иррегулярной войне необходимо захватить и удержать контроль над населением страны нетрадиционными способами. Прежде всего, через политическое давление на международной арене, экономическое давление (санкции), ведение информационной войны (искажение информационного поля, вербовка журналистов государства-неприятеля), подрывной деятельности спецслужб на территории государств-неприятеля, спонсирование оппозиции, сепаратистов и террористических сил на территории государства-неприятеля. Именно гибридные войны, оказались причиной нынешней плачевной судьбы Афганистана, Ирака, Ливии, ситуации в Сирии.

Гибридная война требует и гибридных методов ее ведения. Как отмечает начальник Генерального штаба Вооруженных сил РФ, генерал армии В. Герасимов «В современных конфликтах все чаще акцент используемых методов борьбы смещается

в сторону комплексного применения политических, экономических, информационных и других невоенных мер, реализуемых с опорой на военную силу. Это так называемые гибридные методы» [23].

Изменилась и суть военных действий. Современные коммуникационные технологии, такие как спутниковые системы и сотовая связь, Интернет и способы кодирования и шифрования, системы переработки информации высокой емкости, облегчат возможности организации, координации и осуществление операций. Во главе операции стоят разведанные. На их основе по выбранному объектам последовательно наносятся групповые или одиночные удары тактической и армейской авиации. После чего могут вводиться в страну сухопутные войска, но в своем продвижении они не входят в зону огневого воздействия противника. Опыт боевых действий в Сирии подтверждает, что гибридная война требует высокотехнологичного оружия. Боевая авиация ВКС РФ, использует помимо высокоточного вооружения, современные средства объективного контроля, спутниковую навигацию и разведку, доразведку с помощью БЛА, современную бортовую авиатехнику, новые системы прицельно-навигационного комплекса и т. п.

Точечное поражение объектов противника резко снижает площадное и глубокоэшелонированное разрушение и уничтожение природных ландшафтов. В качестве примера можно привести следующее. При использовании российскими самолетами бомб свободного падения среднего (250 кг) и крупного калибра (500 кг) решаются задачи поражения точечных объектов. Поэтому речь может идти о новых видах экологизированных боевых действий, что ведет к так называемой «гибридной экологии».

Гибридная экология — это совокупность военных, политических, эконо-

мических и информационных факторов, проектируемых на природные ландшафты, последствия точечного поражения противника с минимизированной, распыленной площадью экологического поражения с учетом сохранения окружающей среды и биоразнообразия и возможности функционирования экономик и условий проживания и ведения хозяйственной деятельности местного населения. Иными словами, это термин для определения концепции об изменении существующей экологической парадигмы в связи с ее отставанием от научно-технологического прорыва. Появление этого нового научного направления связано в первую очередь с оценкой и анализом результатов практического применения концепции влияния на окружающую среду «гибридной войны» и вклада в нее разных видов высокотехнологического вооружения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопросы военных действий в условиях пустынь рассматривались в 1977 г. при подготовке Конференции ООН по проблемам опустынивания, и на ней самой. В принятой резолюции осуждалось «использование любых технических средств, которые вызывают разрушение окружающей среды, отрицательное воздействие применения разрушительных видов оружия на экоси-

стемы; применения химического оружия, которое разрушает или уменьшает потенциал экосистем и способствует опустыниванию».

Это был пример усилий мировой общественности в укреплении и расширении мер по защите окружающей среды в военное время. Однако, по прошествии 40 лет мы невозможно дать положительный ответ на сохранение окружающей среды от военного разрушения. Как отмечает С. Тихомиров «Экологическое мышление еще недостаточно распространено в военной области и разрушения природы преподносятся (и часто воспринимаются) как неизбежная и определенная дань войне. При этом право человека на благоприятную среду обитания, связанные этим правом естественные и приобретенные права человека и гражданина незамедлительно приносятся в жертву, как только этого потребуют военные интересы» [24].

Здесь невольно возникает вопрос, как в условиях развития высокотехнологических военных информационно-компьютерных технологий обеспечить экологичность социума, при том, что «война неизбежно оказывает разрушительное действие на процесс устойчивого развития». Военные действия стимулируют появление новых сфер исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зонн И. С. Война в зоне Персидского залива и проблема опустынивания. *Проблемы освоения пустынь*. 1991;3-4:133-144.
2. Зонн И. С. Экологические последствия войны в Персидском заливе. *Известия РАН. Серия географические науки*. 1992;2:140-147.
3. Чичагов В. П. Война и пустыня. Москва: Институт географии РАН; 2007. С. 56-78.
4. Чканикова О. В., Дронин Н. М. Беллигеран- тивные комплексы на территории Ирака. Москва: ГЕОС; 2008. С. 228-238.
5. Omar A. S., Bhat N. R., Adel A. Critical Assessment of the Environmental Consequences of the Invasion of Kuwait, the Gulf War, and the Aftermath. In: *Environmental Consequences of War and Aftermath*. Eds. Tarek A. Kassim, Damiá Barceló. Berlin: Springer; 2009. PP. 141-170.

6. Федорченко А., Крылов А., Научная оценка апофеоза исламского радикализма. *Международная жизнь*. 2016;2:181-187.
7. Денни Л. Америка завоевывает Британию. Рекорд экономической войны. Москва: Госиздатство; 1930. С. 3-10.
8. Алексеев Р. Ф. Милитаризм США: военная машина, блоки, базы и акты агрессии. Москва: Политиздат; 1985. С. 112-116.
9. Хозин Г. С. Милитаризм и экология. Москва: Мысль; 1984. С. 21-34.
10. Шойгу С. К. Архитектура сплочения. *ВПК*. 2016;17:4.
11. Неймарк М. А. Стратегия «умной силы» в отношениях между Западом и Россией. Москва: Каннон+; 2016. С.189-211.
12. Heidner W. J. Preparing for War in the Desert Southwest: From the California — Arizona Maneuver Area to the Yuma Test Branch (and Beyond). Berlin: Springer; 2016. pp. 37-50.
13. Михайлов А. Звезда разведчика. *ВПК*. 2016;17:1.
14. Бабаев А. Г., Султанов Ф. Ф. Экологические условия пустынь и адаптация организма человека в аридной зоне. *Проблемы освоения пустынь*. 1985;1:3-8.
15. Робинсон Дм. П. Воздействие различных видов оружия на экосистемы. Москва: ЮНЕП; 1981. С. 9-14.
16. Westing A. H. Weapons of Mass Destruction and the Environment. London: Science; 1977. pp. 3-10.
17. Sidel V. W., Levy B. S. Slutzman Jonathan E. Prevention of War and its Environmental Consequences. Berlin: Springer; 2009. pp. 21-39.
18. Мильков Ф. Н. Физическая география. Учение о ландшафте и географическая зональность. Воронеж: Изд. ВГУ; 1986. 328 с.
19. Шойгу С. К. Плацдармы и рубежи. *ВПК*. 2017;1:4.
20. Соколов А. Зонтик над Сирией. *ВПК*. 2016;9:3-4.
21. Грачева Т. Армия на подхвате. *ВПК*. 2015;29:3.
22. Герасимов В. По опыту Сирии. *ВПК*. 2016; 9:4.
23. Тихомиров С. Н. Особый аспект экологической безопасности и международное право. Москва: Наука; 2000. с.70-79.

REFERENCES

1. Zonn I. S. War in the Persian Gulf and Desertification. *Problems of Desert Development*. 1991;3-4:133-144. (In Russ.)
2. Zonn I. S. Environmental Consequences in the Gulf War. *RAS Proceedings. Geographical Series*. 1992;2:140-147. (In Russ.)
3. Chichagov V. P. War and Desert. Moscow: Institute of the geographical of RAS; 2007. Pp. 56-78. (In Russ.)
4. Chkanikova O. V., Dronin N. M. Belligero Complexes in the Iraqi Territory. Moscow: GEOS; 2008. Pp. 228-238. (In Russ.)
5. Omar A. S., Bhat N. R., Adel A. Critical Assessment of the Environmental Consequences of the Invasion of Kuwait, the Gulf War, and the Aftermath. In: *Environmental Consequences of War and Aftermath*. Eds. Tarek A.Kassim, Damiá Barceló. Berlin: Springer; 2009. Pp. 141-170.
6. Fedorchenko A., Krylov A. Scientific Assessment of the Islam Radicalism Apotheoses. *International Life*. 2016;2:181-187. (In Russ.)
7. Denny L. America Conquers Britain. Top Score in Economic War. Moscow: Gosizdatelstvo; 1930. Pp.3-10. (In Russ.)
8. Alekseev R. F. US Militarism: War Machine, Blocks, Bases and Acts of Aggression. Moscow: Politizdat; 1985. Pp. 112-116. (In Russ.)
9. Khozin G. S. Militarism and Ecology. In: *Geography of Militarism*. Moscow: Mysl; 1984. Pp. 21-34. (In Russ.)

10. Shoygu S. Architecture of Rally Up. *VPC*. 2016;17:4. (In Russ.)
11. Neymark M. A. Strategy of “Clever Force” in West-Russia Relationships. Moscow: Kannon+; 2016. Pp. 189-211. (In Russ.)
12. Heidner W. J. Preparing for War in the Desert Southwest: From the California — Arizona Maneuver Area to the Yuma Test Branch (and Beyond). Berlin: Springer; 2016. Pp. 37-50.
13. Mikhailov A. Star of Intelligence Officer. *VPC*. 2016;17:1. (In Russ.)
14. Babaev A. G., Sultanov F.F. Desert Ecology and Man Adaptation to the Arid Zone. *Problems of Desert Development*. 1985;1:3-8. (In Russ.)
15. Robinson D. P. Impact of Different Weapons on Ecosystems. Moscow: UNEP; 1981. Pp. 9-14. (In Russ.)
16. Westling A. H. Weapons of Mass Destruction and the Environment. London: Science; 1977. Pp. 3-10.
17. Sidel Victor W., Levy Barry S., Slutzman Jonathan E. Prevention of War and Its Environmental Consequences. Berlin: Springer; 2009. pp. 21-39.
18. Milkov F. N. Physical Geography. Landscape Science and Geographic Encyclopedia. Voronezh: VGU Publishers; 1986. 328 p. (In Russ.)
19. Shoygu S. K. Springboards and Border Lines. *VPC*. 2017;1:4. (In Russ.)
20. Sokolov A. Umbrella over Syria. *VPC*. 2016;9:3-4. (In Russ.)
21. Gracheva A. Temp Army. *VPC*. 2015;29:3. (In Russ.)
22. Gerasimov V. Experience in Syria. *VPC*. 2016; 9:4. (In Russ.)
23. Tikhomirov S. N. Specific Aspect of Environmental Safety and International Law. Moscow: Science; 2000, Pp. 70-79. (In Russ.)

.....
 Статья получена 18.10.2017
 Received 18.10.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Игорь С. Зонн, доктор географических наук, академик РАЕН, Инженерный научно-производственный центр по водному хозяйству мелиорации и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия; 107005, Россия, Москва, ул. Бауманская, д. 43/1, стр. 1; igorzonn@yandex.ru

Igor S. Zonn, Doctor of Geography, Academician of RANS, Engineering Research Production Center on Water Management, Land Reclamation and Ecology «Sojuzvodproject», Moscow, Russia; bld. 43/1, Baumanskaj str., Moscow 107005, Russia; igorzonn@yandex.ru

DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-297-306

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Энциклопедический подход к морской истории России

Андрей В. Ишин

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия,
doctorvy4eslavovi4@mail.ru*

Аннотация: Морское направление внешней политики является для России одним из ключевых. Это определяется географическим положением российского государства, берега которого омывается большим количеством морей. Также это связано с тем, что на побережье российских морей проживает значительная часть населения, а промышленность, расположенная в прибрежной полосе вносит большой вклад в экономику.

Многие российские морские путешественники были первооткрывателями «новых» земель. Велик вклад российских ученых в гидрофизическое, геологическое и биологическое изучение морей и океанов.

Россия обладает Военно-морским флотом, составляющим примерно одну треть суммарного тоннажа мирового ВМФ и одним из крупных в мире рыбопромысловым флотом. Транспортные суда под флагом Российской Федерации можно встретить в самых удаленных уголках планеты. В ряде областей военного кораблестроения и гражданского судостроения Россия имела и продолжает сохранять приоритет.

Повышенный интерес к морям и океанам нашел свое отражение в основополагающих российских документах, в том числе, в Морской доктрине РФ, утвержденной Президентом России в 2015 году. В ней обозначено значение морских пространств для российского государства. В Морской доктрине РФ записано: «Кадровое обеспечение, морское обучение и воспитание играют важную роль в повышении эффективности морской деятельности. Они направлены на подготовку, привлечение и сохранение квалифицированных кадров всех уровней, поддержание профессионализма, морских традиций и равнодушного отношения граждан к морской истории страны, служат позитивному представлению, пропаганде и поддержке национальной морской политики, морской деятельности и морской службе в обществе».

Морское направление, морская регионалистика нашла отражение в публикации ряда российских авторов, посвященных исследованию политики России в таких регионах, как: Черноморский регион, Каспийский региона, Арктика, а также в серии Энциклопедий, посвященных морям России.

Ключевые слова: море, Россия, Энциклопедия, история, политика, Каспийский регион, Черноморский регион, Балтийский регион, Арктика

Для цитирования: Ишин А. В. Энциклопедический подход к морской истории России. *Проблемы постсоветского пространства.* 2017;4(4):297-306. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-297-306

Encyclopedic approach to Marine History of Russia

Andrey V. Ishin

*Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Simferopol, Russia,
doctorvy4eslavovi4@mail.ru*

Abstract: Marine direction of foreign policy is for Russia one of key. It is determined geographical position of the Russian state banks of which is washed plenty of Maureies. Also it is related to that considerable part of population lives on the coast of Russian Maureies, and industry, located in an off-shore bar brings, in a large contribution to the economy.

Many Russian marine travelers were the discoverers of «new» earths. The contribution of the Russian scientists to the hydrophysical, geological and biological study of Maureies and Oceans is great.

Russia possesses a navy, to the constituents approximately one-third of total tonnage of world VMF and one of large in the world a rybopromyslovym fleet. Transport ships under the flag of Russian Federation it is possible to meet planets in the remotest corners. In a number of areas of military shipbuilding and civil shipbuilding Russia had and continues to save priority.

Enhanceable interest to the Seas and Oceans found the reflection in the fundamental Russian documents, including, in the Marine doctrine of Russian Federation, ratified Russia President in 2015. In it the value of marine spaces for the Russian state is marked. In the Marine doctrine of Russian Federation is written: «The skilled providing, marine teaching and education play an important role in the increase of efficiency of marine activity. They are directed on preparation, bringing in and maintainance of skilled shots of all levels, maintenance of professionalism, marine traditions and not indifferent relation of citizens to marine history of country, serve positive presentation, propaganda and support of national marine policy, to marine activity and marine service in society».

Marine direction, marine science about regions found a reflection in the publications of row of the Russian authors, devoted research of policy of Russia in such regions, as: Black Sea region, Caspian region, Arctic, and also in the series of Encyclopaedias, devoted the Seas of Russia.

Keywords: Sea, Russia, Encyclopaedia, history, policy, Caspian region, Black Sea region, Baltic region, Arctic

For citation: Ishin A.V. Encyclopedic approach to Marine History of Russia. *Post-Soviet Issues.* 2017;4(4): 297-306. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-297-306.

ВВЕДЕНИЕ

Море – колыбель человечества. Оно всегда было, есть и будет сферой важнейших интересов и обширной деятельности человека. Население нашей планеты и потенциал ее экономики в значительной степени сосредоточены вдоль морской береговой черты, что также накладывает отпечаток на отношение человека к морю.

Россия традиционно, в силу географического положения и благодаря значительному вкладу в изучение, освоение морей и океанов, относится к крупнейшим морским мировым державам. На шельфе северных и дальневосточных морей, омывающих берега России и имеющих площадь 3,9 млн. км², разведаны залежи 13,7 млрд. т. нефти и 52,3 трлн. м³ газа.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОРЕЙ

Природно- и климатообразующая роль морей и океанов неопределима для жизни на Земле, для будущего всего человечества. Моря и океаны предоставляют безграничные транспортные возможности. Минеральные, биологические и энергетические ресурсы морей и океанов имеют большое значение для экономики и жизнедеятельности нашей планеты.

По мере исчерпания этих ресурсов на суше и обострения в связи с этим глобальных проблем продовольствия, энергообеспечения и экологии роль морей и океанов будет все более возрастать. Важное значение имеют моря и океаны в военно-стратегическом отношении, что необходимо уметь использовать в интересах укрепления обороноспособности государства.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МОРСКОЙ ПОЛИТИКИ

Российская политика имеет ярко выраженный региональный аспект. Так, отдель-

но говорят о политике России в Каспийском, Черноморском регионе, Тихоокеанском и Арктическом регионах. Такой же подход применим к описанию региональных проблем, которые имеют свои исторические, политические, социально-экономические и другие отличия.

Политика России в Каспийском регионе нашла отражение в ряде фундаментальных работ известных российских авторов [2, 6, 8, 10, 11, 13, 16, 18, 19]. В данных работах рассматриваются вопросы истории и культуры, экономики и политики, ключевых проблем, с которыми сталкиваются страны Каспийского региона и которые вынуждена решать Россия в реализации своей политики.

Аналогичные подходы просматриваются у авторов при исследовании Черноморского региона [1, 7, 14, 17], который отличается древней историей, а на современном этапе — значительным количеством региональных проблем, что объясняет к нему повышенное внимание.

В последние годы в фокусе внимания многих стран: как арктических, так и вне-региональных находится Арктика. Написано достаточно много статей и монографий, которые посвящены отдельным аспектам арктических проблем. Однако ряд авторов исследует Арктику в комплексе, увязывая процессы, которые происходят в мировой политике и мировой энергетике с климатическими изменениями, экологией, судоходством и добычей ресурсов. Так, работы таких авторов, как Зонн И. С. и Жильцов С. С. отличают комплексный подход, всестороннее и подробное рассмотрение всех аспектов арктической проблематики [3, 12]. Как отмечал Павел Гудев, старший научный сотрудник Центра научного сопровождения Морской коллегии при правительстве РФ в рецензии на книгу Зонна И. С. и Жильцова С. С. «Арктическая гонка. Захватить и разбудить», авторы работы продолжили

развивать такое популярное в западной и частично обойденное вниманием в отечественной науке направление, как морская регионалистика. Эти же авторы большое внимание уделяют вопросам, которые связаны с вовлеченностью указанных регионов в процессы мировой политики, экономики и энергетики, межрегионального сотрудничества и научного взаимодействия [4, 5, 9, 15].

ОТ МОРСКОЙ ПОЛИТИКИ К ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМУ МОРЕВЕДЕНИЮ

Устойчивый интерес к морской тематике вылился в написание и публикацию двенадцати томов Энциклопедий, посвященных российским морям России.

Идея создания энциклопедий морей России возникла в начале 2000-х годов. В тот период повышенный интерес вызвал Каспийский регион, где сфокусировались многие геополитические, экономические, социальные и экологические проблемы. Внимание к Каспию послужило толчком для создания «Каспийской энциклопедии» [20], которая была опубликована издательством «Международные отношения» в 2004 году. Книга получила высокую оценку и стала настольным пособием для тех, кто занимается каспийскими проблемами. За Каспием последовало Черное море, информация о котором была отражена на страницах «Черноморской энциклопедии» [21], опубликованной в 2006 году. В тот период данное издание рассматривалось в качестве составной части серии энциклопедий Южных морей России.

Идея составления третьей книги — «Аральская энциклопедия» [22] (2008 год) связана с огромным вниманием мировой общественности и научного сообщества к проблеме высыхания Аральского моря, что сопровождалось экологическими, экономическими и социальными последстви-

ями. «Аральская энциклопедия» была составлена совместно с известным американским специалистом в области исследования изменения климата, пустынь и проблем опустынивания, водных ресурсов и охраны окружающей среды Майклом Х. Гланцом.

После выпуска трех энциклопедий было принято решение о продолжении составления энциклопедий всех морей омывающих территорию России. Авторами-составителями энциклопедий явились известные ученые географы, океанологи и экономисты Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН и Московского университета им. С. Ю. Витте. В 2009 году были опубликованы «Японское море. Энциклопедия» [23] и «Охотское море. Энциклопедия» [24]. Затем были подготовлены и опубликованы «Баренцево море. Энциклопедия» [25] (2011 год), «Берингово море. Энциклопедия» [26] (2012 год), «Чукотское море. Энциклопедия» [27] (2013 год), второе дополненное издание «Каспийское море. Энциклопедия» [28] (2013 год), «Карское море. Энциклопедия» [29] (2013 год), «Море Лаптевых. Энциклопедия» [30] (2014 год), «Белое море. Энциклопедия» [31] (2014 год), «Восточно-Сибирское море. Энциклопедия» [32] (2014 год) и «Балтийское море. Энциклопедия» [33] (2015 год). В 2016 году была опубликована энциклопедия «Северный Ледовитый океан» в 2-х томах под редакцией известного российского полярника, Героя СССР и России А. Н. Чилингарова [34].

Описание каждого из морей проведено по общему плану, который включает: гидрографические, географические объекты и гидрологические особенности, острова, полуострова, заливы, реки, их географические особенности, хозяйство, культура и история, города, порты, водные, биологические ресурсы. Большое внимание уделено международным соглашениям,

научно-исследовательским учреждениям, деятельности выдающихся ученых, исследователей и путешественников, адмиралов и генералов, служивших на флоте и в армии. Кроме того, дается хронология основных событий, ставших значительными вехами в истории открытий и освоения моря с XIII–XVI вв. до наших дней.

Новизна работы заключается в том, что впервые, как в СССР, так и в России, создана Энциклопедия Морей России, в которой проведена систематизация исторических и фактических документов, дающих полное географическое представление о морях. Впервые предложен новый концептуальный подход, позволивший соединить географо-океанографические характеристики с социально-экономическими и геополитическими проблемами морей России.

Представленные Энциклопедии, содержащие анализ основных географических и океанографических особенностей морей послужит дальнейшему улучшению структуры образования и морской науки, системы подготовки управления и руководящих кадров, органов самоуправления в области морской деятельности, особенно в прибрежных регионах. Они могут быть использованы в подготовке, переподготовке и повышении квалификации специалистов с высшим и средним образованием. Востребованность такого законченного издания отвечает положениям Морской доктрины Российской Федерации 2015 года.

Таким образом, данная работа стала первой в России законченным, многотомным, универсальным изданием, в котором наиболее полно, системно и комплексно охвачены вопросы, отражающие уровень современных знаний о морях России, их истории и морском природопользовании. Показано ценностное отношение к культурно-историческому наследию морей и окружающих территорий. В статьях,

общее количество которых превысило 8 тысяч, содержатся сведения о гидрографических и географических объектах, приведены гидрологические особенности морей. Каждая книга содержит хронологию основных событий, ставших знаменательными вехами в истории открытий и освоения морей с VI века до наших дней.

Об истории открытий и изучения морей написано немало. Поэтому, не претендуя на какие-либо открытия, авторы-составители попытались на основании фактических материалов, опубликованных в исторических изданиях, соединить разрозненные сведения в одно целое.

При написании статей авторы стремились сочетать строгость и научность изложения с доступностью материала для восприятия. Именно поэтому работы носят скорее научно-популярный и познавательный характер, чтобы Энциклопедиями могли пользоваться не только специалисты, связанные с морем, но и широкий круг читателей, не имеющих специальной подготовки.

Авторами был использован опыт работы специалистов в различных областях науки, многочисленные документы, литературные источники и энциклопедические труды. В результате, в Энциклопедиях Морей России собраны и систематизированы историко-географические, региональные и международные документы, которые представляют историю изучения и освоения морей, одновременно показывая их значение в российской политике. Они лишней раз напоминают морским странам о возможности решения возникающих проблем цивилизованным путем в память о тех первопроходцах, путешественниках и исследователях, которые сделали уникальный, многоаспектный геолого-географическо-картографический задел для будущих поколений.

Дефицит комплексных научных сведений о мировом океане и экономических взаимоотношениях между странами на морях противоречит требованиям новейшего времени.

Спрос на учебные пособия, которые помогли бы студентам получить и закрепить необходимую сумму знаний о региональных особенностях морей, омывающих РФ, доказывает своевременность издания Энциклопедий Морей России.

Они синтезируют междисциплинарный подход к изучению историко-географических и океанографических основ, сопрягающих процессы в контактной системе море — прибрежные территории. Как следствие такого подхода — осознание важности социально-экономической прибрежно-морской природной среды.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ИНТЕРЕС К МОРСКОЙ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКЕ РОССИИ

В 2005 году к изданиям Энциклопедий Морей России проявило интерес крупнейшее научное издательство мира Шпрингер (Springer, Германия), которое предложило авторам издать на английском языке три книги — «Аральскую энциклопедию», «Каспийскую энциклопедию» и «Черноморскую энциклопедию». Повышенный интерес к опубликованным в России работам был связан с тем, что при всем многообразии энциклопедий, выпускаемых издательством, формат и содержание российских энциклопедий оказался привлекательным. В свою очередь, для России важно ознакомиться мировую научную общественность с географическими и океанографическими особенностями российских морей, историей их изучения и освоения, а также с их современным состоянием и проблемами. В 2016 году в издательстве «Шпрингер» была опубликована книга «Oil and Gas Pipeline in the Black-Caspian Seas Region (редакторы Жильцов С. С., Зонн И. С., Костяной А. Г.) [35].

Масштабная подготовка к изданию в немецком издательстве Энциклопедий потребовала энтузиазма и значительных усилий авторов. В 2009 году была опубликована первая книга — Zonn I. S., Glantz M., Kostianoy A. G., Kosarev A. N. «The Aral Sea Encyclopedia» [36]. Затем в 2010 году свет увидела вторая книга — Zonn I. S., Kostianoy A. G., Kosarev A. N., Glantz M. «The Caspian Sea Encyclopedia» [37] и в 2015 году третья книга — Grinevetskiy S. R., Zonn I. S., Zhiltsov S. S., Kosarev A. N., Kostianoy A. G. «The Black Sea Encyclopedia» [38].

Выполнение в сроки данных работ привело к тому, что в 2015 году издательство «Springer» приняло решение о создании специального отдела по энциклопедиям и изданию остальных Энциклопедий Морей России. Для дальнейшего развития этого проекта «Springer» специально создал новую энциклопедическую серию — «Энциклопедия морей» «Encyclopedia of the Seas».

По просьбе издательства Энциклопедии были сгруппированы в следующие книги: Восточно-Арктические моря (Лаптевых, Восточно-Сибирское и Чукотское — «The Eastern Arctic Seas Encyclopedia»), Западные арктические моря (Белое, Баренцево, Карское — «The Western Arctic Seas Encyclopedia»), Дальневосточные моря (Берингово, Охотское, Японское — «The Far-Eastern Seas Encyclopedia») и Балтийское море — «The Baltic Sea Encyclopedia».

Книга «Восточно-Арктические моря» [39] (объем 403 стр.) опубликована издательством «Шпрингер» в 2016 году, а книга «Западные арктические моря» [40] (объем 539 стр.) — в 2017 году. В 2018 году должны увидеть свет Энциклопедия, посвященная Дальневосточным морям и Балтийскому морю.

В 2017 году авторский коллектив (Зонн И. С., Костяной А. Г. и Семенов А. В.) издал работу «Арктика: Хроника исторических

событий» (Arctic: chronology of historical events) [41].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние десятилетия решение проблем, связанных с изучением природы, использованием ресурсов и охраной прибрежных областей, морей и океанов, а также их самих связано с созданием прямой деятельности целого ряда международных организаций, под эгидой которых разрабатываются актуальные проблемы и проекты, которые впервые нашли свое отражение в Энциклопедиях. Эти издания стали составным звеном различных экономических и политических наук, применительно к морской регионалистике и погранично-шельфовой деятельности.

Результатом использования указанных Энциклопедий в процессе обучения может явиться понимание исторического вклада России в развитие новых видов националь-

ной экономики, геополитических тенденций, осознание специфики экономической ситуации, повышение компетенции обучающихся в области мирового морского хозяйства.

Издание Энциклопедий направлено на воспитание чувства патриотизма и гордости за целеустремленность и самопожертвование при освоении океанов и морей, понимание героических достижений предшественников, на укрепление национального самосознания, передачу исторического, научного и культурного наследия от поколения к поколению.

Энциклопедии помогают сформировать новые поколения любителей истории, океанологии и мореплавания, которые в будущем могут стать профессиональными учеными, инженерами и капитанами. Нет сомнений, что Энциклопедии будут востребованы и в современных международно-политических коммуникациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гриневецкий С. Р., Жильцов С. С., Зонн И. С. Черноморский узел. Москва: Международные отношения; 2007. 200 с.
2. Зонн И. С., Жильцов С. С. Каспийский регион: география, экономика, политика, сотрудничество. Москва: Эдель-М; 2004. 456 с.
3. Зонн И. С., Жильцов С. С. Арктическая гонка: захватить и разбудить. Москва: Восточная книга; 2013. 264 с.
4. Жильцов С. С., Зонн И. С. Каспийский регион на перекрестке геополитических стратегий. *Центральная Азия и Кавказ*. 2014;1:37-51.
5. Зонн И. С., Жильцов С. С. Стратегия США в Каспийском регионе. Москва: Эдель-М; 2003. 200 с.
6. Жильцов С. С., Воробьев В. П., Шутов А. Д. Эволюция политики России на постсоветском пространстве. Москва: Восток-Запад; 2010. 168 с.
7. Жильцов С. С., Зонн И. С. Черноморский регион: новые очертания. Москва: МГОУ; 2010. 198 с.
8. Жильцов С. С. Политика России в Каспийском регионе. Москва: Аспект-Пресс; 2016. 240 с.
9. Зонн И. С., Жильцов С. С. Большая игра-2: стратегия США в Каспийском регионе. Москва: Эдель-М; 2002. 106 с.
10. Зонн И. С., Жильцов С. С. Новый Каспий: география, экономика, политика. Москва: Эдель-М; 2008. 456 с.
11. Жильцов С. С. Политика России на Каспии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2014;2:5-30.
12. Жильцов С. С., Зонн И. С. Политика России в Арктике: современный этап. *Вестник РУДН. Политология*. 2015;2:7-22.
13. Жильцов С. С. Ресурсы Северного Каспия и

- политика России. *Центральная Азия и Кавказ*. 2003;6:118-123.
14. Гриневецкий С. Р., Жильцов С. С., Зонн И. С. Дунайская энциклопедия. Москва: Международные отношения; 2009. Т.2. 232 с.
 15. Zhiltsov S. S. Energy Flows in Central Asia and the Caspian Region: New opportunities and new Challenges. *Central Asia and Caucasus*. 2014;4:69-79.
 16. Kosarev A. N., Kostianoy A. G., Zonn I. S., Zhiltsov S. S. The Caspian Sea and Kara-Bogaz-Gol Bay. In: *The Handbook of Environmental Chemistry*. Berlin: Springer; 2014. p. 69-94.
 17. Гриневецкий С. Р., Жильцов С. С., Зонн И. С. Дунайская энциклопедия. Москва: Международные отношения; 2009. Т.1. 304 с.
 18. Зонн И. С., Жильцов С. С. Каспийский регион: политика, экономика, сотрудничество. Москва: Аспект Пресс; 2017. 304 с.
 19. Жильцов С. С. Зонн И. С. Каспийская трубопроводная геополитика. Москва: Восток-Запад; 2011. 320 с.
 20. Зонн И. С. Каспийская энциклопедия. Москва: Международные отношения; 2004. 464 с.
 21. Гриневецкий С. Р., Жильцов С. С., Зонн И. С. Черноморская энциклопедия. Москва: Международные отношения; 2006. 664 с.
 22. Зонн И. С., Гланц М. Г. Аральская энциклопедия. Москва: Международные отношения; 2008. 256 с.
 23. Зонн И. С., Костяной А. Г. Японское море. Энциклопедия. Москва: Международные отношения; 2009. 424 с.
 24. Зонн И. С., Костяной А. Г. Охотское море. Энциклопедия. Москва: Международные отношения; 2009. 256 с.
 25. Зонн И. С., Костяной А. Г. Баренцево море. Энциклопедия. Москва: Международные отношения; 2011. 272 с.
 26. Зонн И. С., Костяной А. Г., Куманцов М. И. Берингово море. Энциклопедия. Москва: Международные отношения; 2012. 264 с.
 27. Зонн И. С., Костяной А. Г., Куманцов М. И. Чукотское море. Энциклопедия. Москва: Международные отношения; 2013. 171 с.
 28. Зонн И. С., Костяной А. Г., Косарев А. Н., Жильцов С. С. Каспийское море. Энциклопедия. Москва: Восточная книга; 2013. 765 с.
 29. Зонн И. С., Костяной А. Г. Карское море. Энциклопедия. Москва: Международные отношения; 2013. 248 с.
 30. Зонн И. С., Костяной А. Г. Море Лаптевых. Энциклопедия. Москва: Международные отношения; 2014. 200 с.
 31. Зонн И. С., Костяной А. Г., Семенов А. В. Белое море. Энциклопедия. Москва: Международные отношения; 2009. 256 с.
 32. Зонн И. С., Костяной А. Г., Семенов А. В. Восточно-Сибирское море. Энциклопедия. Москва: Международные отношения; 2014. 176 с.
 33. Зонн И. С., Костяной А. Г., Семенов А. В., Жильцов С. С. Балтийское море. Энциклопедия. Москва: Международные отношения; 2015. 576 с.
 34. Зонн И. С., Костяной А. Г., Семенов А. В. «Северный Ледовитый океан» Москва: Московский университет им. Витте; 2016. 950 с.
 35. Zhiltsov S. S. Russia's policy towards the pipeline transport in the Caspian Region: results and prospects. In: *The Handbook of Environmental Chemistry*. Berlin: Springer; 2016. p. 85-94. DOI: 10.1007/698 2015 384
 36. Zonn I. S., Glantz M., Kostianoy A. G., Kosarev A. N. The Aral Sea Encyclopedia. Berlin: Springer; 2009. 290 p.
 37. Zonn I. S., Kostianoy A. G., Kosarev A. N., Glantz M. The Caspian Sea Encyclopedia. Berlin: Springer; 2010. 525 p.
 38. Grinevetskiy S. R., Zhiltsov S. S., Zonn I. S., Kosarev A. N., Kostianoy A. G. The Black Sea Encyclopedia. Berlin: Springer; 2015. 889 p.
 39. Zonn I. S., Kostianoy A. G., Semenov A. V. The Eastern Arctic Seas Encyclopedia. Berlin: Springer; 2016. 403 p.
 40. Zonn I. S., Kostianoy A. G., Semenov A. V. The Western Arctic Seas Encyclopedia. Berlin: Springer; 2017. 539.

41. Зонн И. С., Костяной А. Г., Семенов А. В. Арктика: Хроника исторических событий. Москва: Московский университет им. Витте; 2017. 226 с.

REFERENCES

1. Grinevetskiy S. R., Zhiltsov S. S., Zonn I. S. Black Sea Node. Moscow: International Relations; 2007. 200 p. (In Russ.)
2. Zonn I. S., Zhiltsov S. S. The Caspian Region: Geography, Economics, Politics. Cooperation. Moscow: Edel-M; 2004. 456 p. (In Russ.)
3. Zonn I. S., Zhiltsov S. S. The Arctic Rush: Grab and Drill. Moscow: Vostochnaya Kniga; 2013. 264 p. (In Russ.)
4. Zhiltsov S. S., Zonn I. S. Caspian Region at the Crossroad of Geopolitical Strategies. *Central Asia and Caucasus*. 2014;1:37-51. (In Russ.)
5. Zonn I. S., Zhiltsov S. S. US Strategy in the Caspian Region. Moscow: Edel-M; 2003. 200 p. (In Russ.)
6. Zhiltsov S. S., Worobjov V. P., Shutov A. D. Evolution of the Russia's Policy in the Post-Soviet Space. Moscow: East-West; 2010. 168 p. (In Russ.)
7. Zhiltsov S. S., Zonn I. S. Black Sea Region: New Outlines. Moscow: MGOU; 2010. 198 p. (In Russ.)
8. Zhiltsov S. S. Policy of Russia in the Caspian Region. Moscow: Aspekt-Press; 2016. 240 p. (In Russ.)
9. Zonn I. S., Zhiltsov S. S. Great Game-2: US Strategy in the Caspian Region. Moscow: Edel.-M; 2002. 106 p. (In Russ.)
10. Zonn I. S., Zhiltsov S. S. New Caspian: Geography, Economics, Politics. Moscow: Edel-M; 2008. 456 p. (In Russ.)
11. Zhiltsov S. S. Policy of Russia on the Caspian. *Post-Soviet Issues*. 2014;2:5-30. (In Russ.)
12. Zhiltsov S. S., Zonn I. S. Policy of Russia in Arctic: Modern Stage. *Proceedings of RUDN. Politology*. 2015;2:7-22. (In Russ.)
13. Zhiltsov S. S. Northern Caspian Resources and Policy of Russia. *Central Asia and Caucasus*. 2003;6:118-123. (In Russ.)
14. Grinevetskiy S. R., Zhiltsov S. S., Zonn I. S. Danube Encyclopedia. Moscow: International Relations; 2009. Vol. 2. 232 p. (In Russ.)
15. Zhiltsov S. S. Energy Flows in Central Asia and the Caspian Region: New Opportunities and New Challenges. *Central Asia and Caucasus*. 2014;4:69-79.
16. Kosarev A. N., Kostianoy A. G., Zonn I. S., Zhiltsov S. S. The Caspian Sea and Kara-Bo-gaz-Gol Bay. Berlin: Springer; 2014. 69-94 p.
17. Grinevetskiy S. R., Zhiltsov S. S., Zonn I. S. The Danube Encyclopedia. Moscow: International Relations; 2009. Vol. 1. 304 p. (In Russ.)
18. Zonn I. S., Zhiltsov S. S. The Caspian Region: Policy, Economics, Cooperation. Moscow: Aspekt-Press; 2017. 304 p. (In Russ.)
19. Zhiltsov S. S., Zonn I. S. Caspian pipeline geopolitics. Moscow: East-West; 2011. 320 c. (In Russ.)
20. Zonn I. S. The Caspian Encyclopedia. Moscow: International Relations; 2004. 464 p. (In Russ.)
21. Grinevetskiy S. R., Zhiltsov S. S., Zonn I. S. The Black Sea Encyclopedia. Moscow: International Relations; 2006. 664 p. (In Russ.)
22. Zonn I. S., Glantz M. The Aral Encyclopedia. Moscow: International Relations; 2008. 256 p. (In Russ.)
23. Zonn I. S., Kostianoy A. G. The Japan Sea. Encyclopedia. Moscow: International Relations; 2009. 424 p. (In Russ.)
24. Zonn I. S., Kostianoy A. G. The Okhotsk Sea. Encyclopedia. Moscow: International Relations; 2009. 256 p. (In Russ.)
25. Zonn I. S., Kostianoy A. G. The Barentz Sea. Encyclopedia. Moscow: International Relations; 2011. 272 p. (In Russ.)
26. Zonn I. S., Kostianoy A. G., Kumanzov M. I. The Bering Sea. Encyclopedia. Moscow: International Relations; 2012. 264 p. (In Russ.)

27. Zonn I. S., Kostianoy A. G., Kumanzov M. I. The Chukchee Sea. Encyclopedia. Moscow: International Relations; 2013. 171 p. (In Russ.)
28. Zonn I. S., Kostianoy A. G., Kosarev A. N., Zhiltsov S. S. The Caspian Sea. Encyclopedia. Moscow: Vostochnaya Kniga; 2013. 765 p. (In Russ.)
29. Zonn I. S., Kostianoy A. G. The Kara Sea. Encyclopedia. Moscow: International Relations; 2013. 248 p. (In Russ.)
30. Zonn I. S., Kostianoy A. G. The Laptev Sea. Encyclopedia. Moscow: International Relations; 2014. 200 p. (In Russ.)
31. Zonn I. S., Kostianoy A. G., Semenov A. V. The White Sea. Encyclopedia. Moscow: International Relations; 2009. 256 p. (In Russ.)
32. Zonn I. S., Kostianoy A. G., Semenov A. V. The East Siberian Sea. Encyclopedia. Moscow: International Relations; 2014. 176 p. (In Russ.)
33. Zonn I. S., Kostianoy A. G., Semenov A. V., Zhiltsov S. S. The Baltic Sea. Encyclopedia. Moscow: International Relations; 2015. 576 p. (In Russ.)
34. Zonn I. S., Kostianoy A. G., Semenov A. V. The Arctic Ocean. Encyclopedia. Moscow: S.Yu. Witte Moscow University; 2016. 950 p.
35. Zhiltsov S. S. Russia's policy towards the pipeline transport in the Caspian Region: results and prospects. In: The Handbook of Environmental Chemistry. Berlin: Springer; 2016. p. 85-94. DOI: 10.1007/698 2015 384
36. Zonn I. S., Glantz M., Kostianoy A. G., Kosarev A. N. The Aral Sea Encyclopedia. Berlin: Springer; 2009. 290 p.
37. Zonn I. S., Kostianoy A. G., Kosarev A. N., Glantz M. The Caspian Sea Encyclopedia. Berlin: Springer; 2010. 525 p.
38. Grinevetskiy S. R., Zhiltsov S. S., Zonn I. S., Kosarev A. N., Kostyanoi A. G. The Black Sea Encyclopedia. Berlin: Springer; 2015. 889 p.
39. Zonn I. S., Kostianoy A. G., Semenov A. V. The Eastern Arctic Seas Encyclopedia. Berlin: Springer; 2016. 403 p.
40. Zonn I. S., Kostianoy A. G., Semenov A. V. The Western Arctic Seas Encyclopedia. Berlin: Springer; 2017. 539 p.
41. Zonn I. S., Kostianoy A. G., Semenov A. V. Arctic: chronology of historical events. Moscow: S.Yu. Witte Moscow University; 2017. 226 p. (In Russ.)
-

Статья получена 16.11.2017

Received 16.11.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Андрей В. Ишин, доктор исторических наук, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия; 295007, Россия, Симферополь, проспект академика Вернадского, д. 4; doctorvy4eslavovi4@mail.ru

Andrey V. Ishin, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Chair of the Russian History, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia; bld. 4, Vernadskogo Prospekt, Simferopol, 295007, Russia; doctorvy4eslavovi4@mail.ru

DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-307-320

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Turkish-Georgian relations in the context of Turkey's regional policy at the current stage

Larisa M. Aleksanyan

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia,
larisa.aleksanyan@mail.ru*

Abstract: The South Caucasus has always been a vital link and an artery between the West and the East. For centuries the rich lands and strategic location of this region attracted the attention of strong neighbors who tried to include the region in their borders. After the First World War and the independence of the South Caucasus states, the region turned into one of those points of the world where began a big game for influence. This game ended with the sovietization of the South Caucasus.

After the collapse of the Soviet Union, the South Caucasus has become a focus of global transformations and political upheavals. At the current age, here are appearing the profits of regional as well as global actors of international relations.

The disintegration of USSR created vast opportunities for Turkey to spread its influence not only in the South Caucasus region, but also in Central Asia. In conditions of Karabakh conflict, Armenian-Turkish, Armenian-Azerbaijani complicated relations, Georgia assumed significant role in the context of Turkey's regional policy, realizing an important function of a corridor between Turkey and Turkic speaking countries of Central Asia and South Caucasus.

Based on these facts and giving special importance to the transportation of Caspian energy resources Turkey has been developing close relations with Georgia since the mid-1990s and has successfully reached a high level of cooperation in almost all spheres.

In the article has been analyzed the role of South Caucasus in the foreign policy of Turkey. Has been reviewed the main aspects of Turkish-Georgian relations at the current stage. Special attention was paid to the place of Georgia in foreign policy of Turkey. General conclusions were made in regard to Turkey's foreign policy towards Georgia for the effectiveness of vector and further progress.

The author contends that despite the fact that Georgia is trying to diversify its foreign policy Turkish-Georgian bilateral relations will continue to develop at a fast pace.

Keywords: Turkey, Georgia, South Caucasus, regional policy, bilateral relations

For citation: Aleksanyan L. M. Turkish-Georgian relations in the context of Turkey's regional policy at the current stage. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(4):307-320. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-307-320

Турецко-грузинские отношения в контексте региональной политики Турции на современном этапе

Лариса М. Алексанян

*Дипломатическая академия МИД РФ, Москва Россия,
larisa.aleksanyan@mail.ru*

Аннотация: Южный Кавказ является жизненно важным звеном и артерией между Западом и Востоком. Богатые земли и стратегическое расположение этого региона на протяжении столетий привлекали внимание сильных соседей, пытающихся включить данный регион в свои границы. После окончания Первой мировой войны и обретения странами Южного Кавказа независимости регион превратился в один из тех точек мира, где началась «большая игра» за влияние. Эта игра закончилась советизацией Южного Кавказа. После распада СССР Южный Кавказ оказался в центре глобальных трансформаций и политических потрясений. На современном этапе в этом регионе выражаются интересы как региональных, так и глобальных акторов международных отношений. Среди этих акторов Турция также внедряется в регион с целью создания зоны своего влияния. В условиях Карабахского конфликта, армяно-турецких, армяно-азербайджанских сложных отношений Грузия приобрела заметную роль в контексте региональной политики Турции в плане реализации функцию коридора между Турцией и тюркоязычными странами Центральной Азии и Южного Кавказа. Основываясь на этих фактах и придавая особое значение транспортировке энергетических ресурсов, Турция с середины 1990-х годов стала развивать тесные отношения с Грузией и успешно достигла высокого уровня сотрудничества практически во всех сферах.

В данной статье анализирована роль Южного Кавказа во внешней политике Турции. Рассмотрены основные аспекты турецко-грузинских отношений на современном этапе. Особое внимание уделено месту Грузии во внешней политике Турции. Сделаны обобщающие выводы касательно эффективности и перспектив внешней политики Турции в отношении Грузии.

Несмотря на то, что Грузия пытается диверсифицировать свою внешнюю политику, турецко-грузинские двусторонние отношения будут продолжать развиваться быстрыми темпами.

Ключевые слова: Турция, Грузия, Южный Кавказ, региональная политика, двусторонние отношения

Для цитирования: Алексанян Л. М. Турецко-грузинские отношения в контексте региональной политики Турции на современном этапе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(4):307-320. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-307-320

INTRODUCTION

After the collapse of the USSR, cardinal changes occurred in the system of international relations. The emergence of the new states of the former Soviet Union caused a geopolitical transformation, which in turn led to the emergence of new geostrategic regions. The collapse of the Soviet Union signaled a “new world order” and forced global and regional actors to overestimate their foreign policy.

“Along with many other countries, Turkey has gone through a process of re-positioning itself in line with the new international setting” [1]. As professor Mustafa Aydin mentions, “Turkey, once a distant outpost of NATO on the European periphery, moved to the centre of the problematic post-Cold War international politics” [2]. Former Prime Minister of TR professor Ahmet Davutoğlu points out that “after the end of Cold War in the early 1990s, a new notion of Turkey emerged as a bridge country” [11]. In the context of the new world order Turkish policy makers had a fear that Turkey could lose its strategic importance to the West. The emergence of the new independent Turkic-speaking states in the post-Soviet space opened up new opportunities for Turkey in terms of spreading its influence in the South Caucasus and the Central Asian region and regain its importance in the eyes of the Western states, as a “bridge” between East and West. Using this historic opportunity and relying on the close ethnic, religious, linguistic, historical and cultural ties, that exist for centuries with the states of the Caucasus and Sentral Asia, Turkey intended to become a regional leader. To implement this policy, Turkey assumed the role of “big brother” for the Turkic-speaking states, offering them a “Turkish model” of development. The West, actively supported Turkey in terms of this policy with the aim of reducing Iranian influence and preventing the strengthening of Russian positions in the region. However, the “Turkish

model” collapsed, because “soon it became clear that Turkey’s financial and technological means were too limited to meet the immense socio-economic needs of the underdeveloped former soviet republics” [2]. Besides Turkey’s patronizing attitude did not sit well with many Central Asian officials, which after Soviet Union collapse did not want to replace one form of domination by another [24].

Despite the ambitions of the Turkish Republic, until the late 1990-s, it continued to be an outpost of Western interests and its foreign policy was passive enough. Turkey’s main foreign policy objective was Westernization and preservation of the status quo. As Murat Ülgül argues, “Turkey dealt with the neighboring areas mainly from a security perspective” [26].

The search for a new place for Turkey in world and regional politics has taken on new outlines since 2002, when the Justice and Development Party (Adalet ve kalkınma partisi, AKP) came to power. In the framework of neo-Ottoman ideology, a new approach was developed in Turkish foreign policy, based on the doctrine of “strategic depth” (“Stratejik Derinlik”, authored by professor A. Davutoğlu [11]). In the first years of the AKP government, the initiation of the EU accession process and the search for new markets for Turkish goods shaped Turkey’s regional policy. In the South Caucasus region strategic goals of the country have been building around energy projects. The years between 2009 and 2013 are considered as “golden years” of the AKP government, when Turkey’s foreign policy became more active and ambitious. M. Ülgül analyzing different opinions of western and Turkish scholars on axis-shift arguments, points out that “Turkey’s traditional policy of the preference for the status quo basically changed” [26]. During “golden years” (and also now) Turkey’s aim was to become not only a regional, but also

a global power and leader country. In regional terms a key aspect of the Turkish policy was the “zero-problem policy” with neighboring countries, involving an increase in political dialogue, economic interdependence and cultural harmony. The main goal of this strategy was the inclusion of new countries and actors in its sphere of influence, due to the active development of the economy, science, technology, education and diplomacy.

The South Caucasus has become one of those regions where Turkey began to vividly pursue its new strategy of foreign policy. In this context Turkey paid special attention to Georgia, which in conditions of Karabakh conflict, Armenian-Turkish, Armenian-Azerbaijani complicated relations, became the only corridor connecting Turkey with its most important South Caucasus partner — Azerbaijan, as well as with the Turkic-speaking countries of Central Asia. Georgia also acquired the role of an important transit country in the context of the transportation of Caspian energy resources. Based on these facts Turkey has been developing close relations with Georgia and has successfully reached a high level of cooperation in almost all spheres at the current stage.

Since 2013 the South Caucasian vector of Turkey’s foreign policy has been overshadowed in connection with the “Arab spring”, especially the “Syrian issue”. However, the South Caucasus continues to be one of the most important priorities of foreign policy of Turkey.

The article consists of 4 main sections. In the first section will be analyzed Georgia’s role in the Turkey’s South Caucasus policy. The following section will review Turkish-Georgian military-political relations. In the third section will be analyzed Turkey’s economic policy towards Georgia. The fourth section will review Turkey’s “soft power” policy in Georgia. The final section includes the main conclusions.

THE ROLE OF GEORGIA IN THE SOUTH CAUCASUS POLICY OF TURKEY

The South Caucasus region has been at the center of political interests of Turkey for centuries. “The strategic importance of the Caucasian region for Turkey can be explained by a combination of political, economic, cultural, historical and ethnical factors” [3]. Until the beginning of the 19th century, some regions of the South Caucasus were part of the Ottoman Empire and, accordingly, had historical and cultural ties with it. The Russian Empire and the USSR became a barrier for Turkey in terms of implementing its policy in the South Caucasus. The disintegration of the USSR opened up new opportunities for Turkey in terms of revitalizing its regional policy and spreading its influence not only in the South Caucasus, but also in the Central Asian region as a whole. Turkey’s interests in the South Caucasus region were due to the fact that it tried to acquire new markets for exports and also sought to meet the growing domestic demand for fuel from the energy resources of Central Asia and the Caspian region. On the other hand, Turkey was interested in transporting these energy resources to Europe through its territory [23], thereby becoming an “energy bridge and terminal between Europe and Asia” [13]. In other words, after the collapse of the Soviet Union Turkey started to view the South Caucasus region as a “transport route and supply corridor for energy resources from the Caspian basin”.

In the early 1990s, the political discourse of the leaders of Turkey towards the Caucasus (and also Central Asia) was quite ambitious. Turkey proposing the initiative of the “Turkish model” for the newly-formed Turkic-speaking republics, aimed to become a regional power [27], which in general is determined by “exercising considerable influence on the behavior of its neighbors and regional affairs in general” [22]. Many scholars view Turkey’s goals for that period as unrealistic. In particular, Efe

Çaman and Ali Akyurt characterize this phase of Turkey's foreign policy as euphoric, enthusiastic and sentimental policy [4]. Mustafa Aydın also mentions that "In the meantime, however, an atmosphere of euphoria existed in Turkey" [2]. According to Balcı Turkish regional policy in pre-AKP period was unrealistic. British researcher G. Winrow argues, that the "sudden repeated discovery of almost forgotten peoples of the Turkic origin led to the inflated hopes and unrealistic expectations on behalf of certain Turkish officials" [3].

In the context of this policy, Turkey in the South Caucasus gave priority to Azerbaijan, with which it has ethnic, cultural, historical and linguistic ties. Turkish-Armenian relations remained complicated, despite attempts at political dialogue. The normalization of bilateral relations became a hostage of the Karabakh conflict. Ahmet Davutoğlu in his book notes that Turkey perceived the South Caucasus region in the context of the Armenian-Azerbaijani conflict [11]. In these conditions, Georgia became the only springboard for Turkey in terms of penetration into Azerbaijan and Central Asia Turkic-speaking republics. This shows that the role of Georgia in regional politics of Turkey, first of all, is determined by the geographic location of the country.

During the first years of Georgia's independence, Turkey's policy towards this country was very passive. This was due to the fact that Turkey was most interested in rapprochement with Azerbaijan and the Central Asian states in the context of the "Turkish model", and the main goal of its policy towards Georgia was to maintain her internal stability, in terms of a reliable corridor.

Since the mid-1990s, Georgia's role in Turkey's regional policy increased. The reasons for the activation of Turkey's foreign policy towards Georgia were Georgia's membership in the CIS (Commonwealth of Independent states), which implied the strengthening of

Russia's influence in the region, as well as the collapse of the "Turkish model" in the Turkic-speaking countries. But the most important regulator of the activation of bilateral relations was the fact that Georgia in conditions of Karabakh conflict, Armenian-Turkish, Armenian-Azerbaijani complicated relations became a priority for Turkey in the energy projects of the region. West, especially US, began to actively support Georgia's role in terms of energy policy, as they tried to make new pipelines bypassing Russia and Iran [28]. Already in 1999, during the Istanbul Summit of the OSCE, it was decided to connect Georgia to these large-scale projects, as a transit state.

The importance of Georgia in Turkey's foreign policy was noted in the statement of Turkish former Prime Minister M. Yılmaz, who in 1998, during his official visit to Georgia, characterized this country as a state with which Turkey has common interests and Turkey is ready to develop cooperation with him in all spheres.

At that time, the main goal of Turkey's foreign policy towards Georgia was not only to maintain her internal stability, but also to spread its own influence within the country.

The regional policy of Turkey has intensified since 2002, when AKP came to power. Turkey's foreign policy was expressed in the doctrine of "strategic depth" (Stratejik Derinlik), authored by professor Ahmet Davutoğlu (former Minister of Foreign Affairs (2009-2014) and former Prime Minister of Turkey (2014-2016)). A. Davutoğlu in his interview for CNN, mentions, that if in 1990s "a new notion of Turkey emerged as a bridge country" [10], now Turkey is a central country, first of all due to its geographical position and historical assets. Turkey's regional policy is determined by several principles: establishment of high-level political dialog with other countries, economic interdependence, development of regional policies by including all actors in region, co-exist in peace, diversity

and tolerance of differences [1]. In the first years of the AKP government, Turkish regional policy became cautious and flexible. Nigyar Göksel argues that “in contrast to the early nineties, now Turkey makes sure that the rhetoric about regional domination does not outpace specific achievements in this field” [17]. This approach was due to the fact that Turkey admitted Russia’s role in region, taking into account her interests. In the “golden years” of AKP government Turkey’s foreign policy became more ambitious. K. Kardaş, in connection with this, mentions that “the pursuit of an ambitious regional policy has also dominated the discussions on AK Party’s foreign policy in the last decade” [22].

Scholars differently assess the South Caucasus policy of Turkey [10, 4, 1, 7, 21, 6, 22, 18, 19]. In particular, Şaban Kardaş, M. Çaman and M. Akyurt argue that Turkey has elaborated comprehensive regional policy in the South Caucasus, due to which it has become a regional power. K. Kirişçi and A. Moffat pointing out Turkey’s close ties with Azerbaijan and Georgia, and efforts to normalize relations with Armenia, argue that Turkey can play “role of leading policy” [21]. M. Çelikpala and Veliyev the South Caucasus policy of Turkey consider in the context of strategic axes Turkey-Azerbaijan-Georgia and Russia-Armenia-Iran. Another group of scholars claim that Turkey has different interests in the south Caucasus countries, and that’s why its policy is not integrated and comprehensive in this region.

Despite these different points of view, scholars share common opinion on the fact that Georgia due to its geopolitical location plays key role in the regional policy of Turkey. First of all Turkey’s common border with Georgia became that “territory” where the interests of the Turkic-speaking states are united. Balcı, Göksel, Çelikpala argue, that Georgia is a critical strategic, most stable and direct link between Turkey and Azerbaijan, as well as

Central Asian. Georgia participates in transport projects of regional importance. In this context it is very important to mention the Baku-Tbilisi-Kars railway (the completion time is expected in 2017). This railway will connect Azerbaijan, Georgian and Turkish railways (826 km). It will connect European countries with Asian countries, bypassing Russia and Armenia. The Baku-Tbilisi-Kars railway will boost trade between Azerbaijan, Georgia and Turkey, volume of which will be about \$10 billion per year.

Since February 2016 also has began the transit of electricity (approximately 80 megawatts of power) from Azerbaijan to Turkey via Georgia. In fact, Georgia has acquired the status of a transit-service country for Turkey.

Georgia’s role is very huge in the energy policy of Turkey. Georgia’s engagement in Caspian energy projects as a transit country has strengthened Georgia’s role in Turkey’s foreign policy and has made the two countries necessarily interdependent. Due to the efforts of Turkey and the support of the West, today Georgia participates in the energy projects of the region (the Baku-Tbilisi-Ceyhan oil pipeline (June 2006), the Baku-Tbilisi-Erzurum gas pipeline (Mart 2007), the Trans-Anatolian and Trans-Adriatic gas pipelines (the construction of the last two should be completed by 2019)).

The role of Georgia in the strategic initiatives of Turkey is also important. At the current stage, Turkish-Georgian bilateral relations have become an integral part of the “strategic trio”: Turkey-Azerbaijan-Georgia. As a result of this, the meetings of the foreign ministers of the three countries are held starting from 2012 (2 times a year), with a view of discussing the issues of regional cooperation. Since 2014, trilateral military cooperation has been also deepening, in the context of ensuring the safety of pipelines [7]. In Batumi in May 2017, in a regular meeting of defense ministers of the

3 countries, was stressed the need for cooperation in this field. Since 2012, Turkish-Georgian-Azerbaijani military exercises “Caucasus Eagle” (Caucasus Eagle) with the participation of special operations forces of the three countries are taking place.

All this facts show that Georgia has profound and indispensable role in the regional policy of Turkey. P. Akpınar and B. Aras claim, that “it is in Turkey’s best interests to continue positive relations with Georgia, considering border security and energy resources” [1].

Turkey, in turn, is a key country in Georgia’s foreign policy. Georgia views Turkey as a counterweight to Russia, with which she has complicated relations. Georgia overcame its economic problems due to Turkish market, especially after August war in 2008. Second, Georgia views Turkey as its guide to integration into NATO and the EU. In addition, Georgia is interested in its “key role in the transit of Caspian hydrocarbons to foreign markets” [16].

These facts, as well as the influence of external factors, conditioned the formation and further development of bilateral Turkish-Georgian relations.

The military-political aspect in Turkish-Georgian relations at the current stage

Turkey became the first state in the world to recognize Georgia’s independence after the collapse of the USSR (December 16, 1991). Diplomatic relations between the two countries were established on May 21, 1992. On June 30, 1992 between the two states was signed the treaty on “Friendship and Cooperation”, which became the basic document of the legal framework of bilateral relations.

The initial period of the Turkish-Georgian relations were highlighted by a certain tension, which was caused by the Georgian-Abkhaz conflict. Turkish government officially supporting the territorial integrity of Georgia, “by no means restricted the activities of the groups/associations of Abkhaz or Caucasian origins

within Turkey” [5]. Over time, Turkey’s involvement in the solution of the Georgian-Abkhaz conflict created a good image of Turkey in the eyes of the Georgian politics. After the Georgian-Abkhaz war Turkish-Georgian relations moved to a new stage of rapprochement, a stage of building mutual trust. In this period Turkish-Georgian bilateral relations were expressed mainly in the military sphere. On April 25, 1998, between Georgia and Turkey was signed a memorandum of cooperation and mutual consent in the military field. As a result, Georgia received 5.5 million dollars for the reconstruction and modernization of military facilities, for the construction of a training center for the Georgian military academy and for financing the Georgian army [14]. In addition, Georgian soldiers were given the opportunity to receive education in Turkish military educational institutions. Turkey began to train Georgian soldiers in the framework of the NATO program. According to the agreement of 1998, Ankara provided Tbilisi with 1,125 million dollars for the reconstruction of the military airfield in Marneuli with the help of Turkish specialists, in exchange for which Turkey was given the right to use this airport for free and 5 years without a queue.

In January 2000 Turkey with Georgia took the initiative to create a “South Caucasus stability pact”, the aim of which was to establish more constructive relations between the South Caucasus republics (first of all Azerbaijan and Georgia) with the participation of Turkey and the West. “The pact was designed to increase Turkey’s profile in region and enhance Western involvement in the area” [24]. However the initiative collapsed, caused by Armenian-Azerbaijan conflict and disagreement of Russia.

In Turkish-Georgian relations a new stage has gained momentum since 2002 (when the AKP came to power in Turkey) which can be divided into three sub-periods. The first period of Turkish-Georgian relations includes the

years between 2002 and 2008. In this period activating its South Caucasus policy, Turkey managed to achieve its objectives in relation to Georgia. The main aspects of cooperation between the two countries became energy, transit, security cooperation. The success of the Turkish policy has been also facilitated by Georgia's foreign policy. After the Rose Revolution (2003), under the rule of President M. Saakashvili, cooperation with Turkey was proclaimed one of the main priorities of the country's foreign policy (The Concept of National Security of Georgia 2005). In political term Turkish-Georgian relations were expressed by mutual visits of dignitaries of the two states. Turkey continued to support Georgia in the military sphere, retaining its role as one of the main military donors of this country. In 2005, Turkey provided the Armed Forces of Georgia with 1 million 550 thousand dollars, in 2006 — 1,8 million dollars, and in 2008 — 2,125 million dollars.

The South Ossetian war of 2008 became a watershed in Turkish policy towards Georgia in the following senses. First of all, Turkey's neutral position at the outset of the war showed that Turkish-Georgian relations are to a certain extent subject to Turkish interests in the region. This fact produced certain tension between strategic partners. Second, Turkey, being a NATO member, has had to balance its relations with Georgia and USA, as well as Russia, which is an important trade partner and Turkey's biggest source of natural gas [1]. "Turkey's diplomatic initiative to create the "Caucasus Stability and Cooperation Platform" by only grouping regional actors to manage regional problems, quickly showed the limitations of Turkey's power in its immediate surroundings". Third, the strengthening of Russian positions in the region and the peak of the deterioration of Russian-Georgian relations pushed Turkey to intensify the South Caucasus policy. One of the objects of the "ze-

ro-problem policy" became Georgia. Despite the fact that this policy was not successful as a whole and in the academic and political circles it is discussed that Turkey's neighbors has turned into "zero partners" [15], in case of Georgia this policy worked by and large.

In the context of this strategy, Turkey has begun to implement a more active policy towards Georgia. This is evidenced by the official visits of the former Prime Minister (2003-2014) and the current president (since 2014) of Turkey Recep Tayyip Erdogan to Georgia during this period. So, if from 2003 to 2007 the number of these visits were 2, then from 2008 to 2011 the visits were annual (4 visits).

In the military sphere, there were also active relations. In 2009 Turkey provided Georgia with ammunition of \$ 1 million. In 2010, the military trade turnover between the two countries amounted to more than 3 million 350 thousand dollars. The two countries also participate in joint exercises within NATO. Turkish-Georgian relations during "golden years" of AKP in Turkey and presidency of Mikheil Saakashvili in Georgia can be determined as peak of warm bilateral relations. In this sub-period Turkey succeeded, among other instruments, to acquire political and military levers of influence in Georgia and create a prosperous platform for advancing its interests.

The beginning of the conditional third sub-period in the Turkish-Georgian relations starts in 2012, which was caused by internal and foreign transformations. In October 2012, the opposition coalition Georgian Dream, having won in the parliamentary elections in Georgia, began to seek ways to diversify the country's foreign policy and begin implementing a pragmatic policy in the region. The reason for the new approach was the fact that the anti-Russian, clearly oriented pro-Western and in the context of this pro-Turkish policy of Georgia under the administration of President M. Saakashvili (2004-2013) led the country in

political, economic, energy dependence not only from Turkey but also from Azerbaijan. To prevent further deepening of this phenomenon, the Georgian Dream Coalition developed and adopted in Parliament a resolution on the directions of Georgia's foreign policy. According to this resolution Georgia has taken a course of preserving its pro-Western stance in foreign policy, while at the same time refusing anti-Russian rhetoric in favor of a dialogue with Russia. The analysis of this document shows that Georgia while supporting multilateral cooperation with Turkey and Azerbaijan, is trying to reduce its economic and energy dependence on this states by intensifying relations with Russia and Iran. This trend is also due to the involvement of Turkey in the Middle East game, which "slowed down" the activity of the South Caucasus foreign policy vector of Turkey. This is evidenced by the map of R. T. Erdogan's foreign visits, according to which, since 2012, he has not visited Georgia.

Nevertheless, the Turkish-Georgian relations continue their active pace of cooperation. Georgia continues to be open to Turkish policy, which creating an area of influence in the neighboring country in almost all spheres, promotes its interests both within the country and in the region. Since 2012 bilateral relations have started to develop in the context of Turkey-Azerbaijan-Georgia trilateral relations. This phenomenon was discussed in the first section of this article.

Turkey and Georgia continue to actively cooperate within the framework of NATO. From 10 to 12 November 2016 in Georgia, were held "Georgia-NATO-2016" international exercises, which were also attended by Turkish servicemen.

It is important to note the fact that Turkey stands for the territorial integrity of Georgia and supporting Georgia's position, does not recognize the independence of South Ossetia and Abkhazia. This approach is fixed in the

official page of the Turkish Foreign Ministry, and this rhetoric is preserved in all statements of the Turkish officials at the entrance of meetings with their Georgian counterparts. Georgia in turn in international organizations supports the Turkish-Azerbaijani position with regard to the Karabakh conflict.

In bilateral political relations, in addition to mutual understanding, there are also some problems in parallel with the overpopulation of Meskhetian Turks in Georgia, the construction of a cascade of hydroelectric power stations on the Chorokh river (Adzharia), some changes with the visa regime, construction of a mosque in Adjara, close relations of Turkey with Abkhazia.

Despite the fact that these problems appear on the agenda of the two countries from time to time, they manage to circumvent these problems by placing emphasis on the development of bilateral relations.

TURKISH-GEORGIAN ECONOMIC RELATIONS AT THE CURRENT STAGE

After the collapse of the USSR, the expansion of economic relations with Georgia became an important part of the regional policy of Turkey. The latter began to consider Georgia as a springboard for penetration into Azerbaijan and the Turkic-speaking states of Central Asia. Georgia, in turn, began to accept Turkey as a direct economic exit to the West. These facts indicate that bilateral economic relations were built on mutual interests. In addition to geopolitical factors, the establishment of close economic relations was facilitated by the existence of common land and sea borders.

The foundations of bilateral Turkish-Georgian economic relations are laid in two important documents. The first one is a treaty on "Friendship and Cooperation" (1992), which includes an article on investment and protection of investment capital, and the second one is the agreement on "Trade and Eco-

conomic Cooperation” (1992). In addition, an economic joint commission [9] and the Turkish-Georgian Business Association were established [13, p. 49]. At that time, the Turkish “Exim” bank provided Georgia with a loan of about 50 million dollars.

Nevertheless, until the mid-1990s, due to Georgia’s internal political instability and Turkey’s desire to realize primarily the above-mentioned “Turkish model”, Turkish-Georgian economic relations have been passive and ineffective.

The situation has changed since the mid-1990s, when Georgia has already become part of regional energy and transport projects. Turkey for promoting its regional policy has become an active pace to enter the economic sector of Georgia, thereby creating an area of influence within the country and providing a reliable corridor to the Turkic-speaking states. This policy of Turkey has been intensively developed since the middle of the 2000s [8].

The whole picture of the evolution of the dynamics of the Turkish-Georgian economic relations is clearly shown by the statistical data provided by the National Strategic Office of Georgia. If in 1995-2003 the trade turnover between Turkey and Georgia did not exceed 200 million US dollars, then this figure doubled since 2004-2007. For example, in 2005 trade between the two countries amounted to \$ 405 million (including imports from Turkey amounted to \$ 283 million, exports - \$ 122 million). This jump was due not only to Georgia’s foreign policy after the Rose Revolution, but also to the active economic policy of Turkey in the region. The fact is that Turkey reacted very clearly and quickly to the deterioration of Russian-Georgian relations, when Russia placed an embargo on the export of Georgian wine, mineral waters, fruits and vegetables. Turkey offered new initiative projects to Georgia, as a result of which the two countries signed the Free Trade Agreement and on the prevention of

double taxation of income and the prevention of non-payment of taxes (2007). Due to this agreement, the Turkish-Georgian close relations in the context of regional projects and the deterioration of Russian-Georgian relations, Turkey has become the main trading partner of Tbilisi. According to the statistical data, the trade turnover between the two countries in 2016 reached \$ 1.51 billion, where only imports from Turkey amounted to \$ 1.33 billion.

The same picture of evolution can also be traced in Turkey’s investment policy towards Georgia. Thus, in 1997-2003, Turkey’s direct investments in Georgia amounted to \$ 203 million. Since 2004, Turkish investments in the country have reached 834 million US dollars. Turkish investment is expressed mainly in the sphere of industry, services, in the construction and modernization of state and military facilities, railways and highways, and so on. Turkey is already in the top five in terms of investment in Georgia. The Turkish investment policy in Georgia has also created more levers of control over the Georgian economy.

One of the largest Turkish companies in Georgia is Türksell, which acquiring the controlling shares Geosell (Geosell) has become dominant in the telecommunications industry of the country, because 90% of the population is a subscriber of this connection.

Turkey makes investments in the industrial sector. In Georgia is known the company Şener Arda Group (Şener Arda Group), which realizes its activity in heavy industry, construction, logistics, food industry. This company established a joint Turkish-Georgian Batumi Limited Enterprises, which built the railway platform and the terminal of the port of Batumi, in return receiving the right to operate this terminal for 30 years.

Among other companies in Georgia, the Turkish Şişecam concern is known, which is considered one of the largest glass producers in Europe. There are also Turkish construction

companies in Georgia, like Baytur, Borova, Burc, Ustay, Zafer, etc. Among implemented projects are known the construction of the Turkish embassy in Tbilisi and the Georgian one in Ankara, the construction of an oil terminal in Supsa, etc. In accordance with the bilateral agreement of 2005, the Turkish joint concern TAV & Urban modernized Tbilisi International Airport, built a new airport building and reconstructed the Batumi airport. The concern was also able to obtain the agreement of the Georgian side for the management of airports and flight services.

Turkey provided its presence in the banking industry of Georgia. In 1998, in Georgia was established a branch of Elmak Bank, which in 2001 was registered as a branch of Ziraat Bank. There are also Exim Bank, Turkish-Georgian Didibank. Since 2012, the branch of Ishbank is operating in Batumi. The second branch of the bank in 2014 was opened in Tbilisi. The purpose of Turkish banks is to lend to the commercial process, and also to finance individual projects.

The development of the Turkish-Georgian economic relations was also promoted by the agreement on the cancellation of visa regime (2011). According to this agreement the citizens of Turkey and Georgia has the right to cross the Sarpi border with internal passports on the principle of “one window” [21], which stimulates the Georgian labor force to look for jobs in Turkey.

It is important to note the fact that in Georgia Turkish companies operate with the help of only Turkish specialists and workers, thanks to which Turkey decides the creation of jobs for its citizens. This is precisely the peculiarity of the Turkish business, which is moving forward with the strengthening of the demographic basis. This policy is mainly expressed in Adjara, towards which Turkey has a special strategy. Turkey considers Adjara within its geopolitical borders, and tries to connect with

it by economic, political, regional and cultural threads. Turkey’s investment policy in Adjara is rather developed. In Batumi, most of the hotels exist thanks to Turkish capital. In this city there are areas where almost all the shops belong to the Turks. Turkish businessmen in Adjara make investments in the agricultural sector, in tourism, and in the textile industry.

Comparing annual indicators of Turkish goods imports into Georgia and Turkish investments in this country, it can be noted the following interesting fact. Thus, the volume of Turkish imports to Georgia on average 10 times exceeds the volume of Turkish investments and it can be concluded that Turkey views Georgia as a broad consumer market, and through capital investment seeks to ensure its control over the vital branches of the country.

These all facts show that Turkish-Georgian close relations led them to economic interdependence. Due to Georgian open and Turkish active foreign policy two states from neighbors have turned to strategic, economic partners. It is fact, that Turkey’s “zero problems with neighbors” is successful towards Georgia in general.

“SOFT” POWER POLICY OF TURKEY IN GEORGIA

Many researchers in analyzing Turkish-Georgian relations pay less attention to Turkish-Georgian cultural ties, which intensively influence bilateral relations. Turkey uses cultural ties as a one of the most important instruments of “soft power”.

The “soft power” strategy in Turkey’s foreign policy acquired special significance after 2002, when the AKP came to power. The main goal of this strategy is the inclusion of new countries and actors in its sphere of influence, due to the active development of the economy, science, technology, education and diplomacy. The main directions of the “soft power” policy of Turkey are as follows:

- Cultural cooperation and language advancement,
- Cooperation in the field of education and science,
- Economic cooperation.

Georgia has become one of the most important objects of application of the “soft power” of Turkey. Ahmet Davutoğlu, pointing out intense economic interdependence with Georgia, Turkey’s relations with this country considers as “the most striking example of Turkey’s success in the region” [10]. Ivan Chkhikvadze claiming some problems in Turkish-Georgian relations, in general supports Davutoğlu’s point [8]. In parallel with economic and military-political activity, Turkey successfully increased its diplomatic and cultural presence in Georgia, which contributes to the strengthening its role in the country, as well as in region.

The main agencies and institutions implementing Turkey’s “soft power” policy in Georgia are the Ministry of Foreign Affairs, the Ministry of Tourism and Culture, the Ministry of Public Diplomacy, the Turkish International Cooperation and Development Agency (TIKA), the Yunus Emre Foundation and the Turkish Religious Affairs Department (Diyamet).

TIKA began to implement large-scale projects in Georgia since 1994. These projects occupy a special place in the Turkish-Georgian economic cooperation, tourism, culture, education, healthcare, humanitarian assistance, and also the rehabilitation and construction of schools. Since 2000, it has been implementing the “Turkology” project, within the framework of which in higher educational establishments of Georgia were established departments of Turkic studies. The aim of these departments is to expand the scope of research about Turkey and increase the level of interest of Turkey among Georgians. In terms of the number of implemented projects, Georgia, in the framework of TIKA, ranks second in the post-Soviet space after Kyrgyzstan [25]. This fact un-

derlines the special importance of Georgia in Turkey’s foreign policy and the productivity of the Turkish “soft power” in this country.

With the participation of Yunus Emre fund in 2012 in the Tbilisi State University after I. Javakhishvili, was opened the cultural center of Yunus Emre, the purpose of which is a comprehensive study of Turkey. The center conducts cultural events, days of Turkish culture in Georgia, implements scientific projects and conducts training courses in the context of Turkic studies.

Due to Diyanet Turkey introduces to Georgia the Turkish interpretation of Islam, thereby expanding its influence on the Muslim minority of the country. It should be noted that Diyanet has strong ties with the Muftiate, which is the official body representing the interests of Adjarian Muslims [20]. In Georgia with the help of Diyanet are realized restoration and construction of mosques, propaganda of Islam, selection of Georgian students for study at theological courses in Turkey.

These institutions also successfully implement the activities of public diplomacy, which is aimed at the formation of a positive image of Turkey in Georgia. The task of improving the interconnection between these institutions is carried out by the Ministry of Public Diplomacy under the Prime Minister of Turkey. Public diplomacy as a driving tool of “soft power” successfully forms an attractive image of Turkey in Georgia.

Recently, Turkish Georgians (known by the name “Chevenbury” (“ours”)), who have strong ties in Adjara, are viewed by Turkey as a powerful tool of “soft power” in this region. In the context of these intentions, Turkey created the Turkish-Georgian cultural and educational foundation in 2000, which carries out joint conferences, seminars, cultural events.

Despite the fact that Turkey is actively implementing its policy towards Georgia in accordance with the strategy of “soft power”,

Turkey still has a great deal of work in terms of education, civil society development and cultural programs in Georgia.

CONCLUSION

The South Caucasus has been and remains at the center of political interests of Turkey. The spread of its influence in the region is a vital part of the Eurasian policy of Turkey. In political current conditions Georgia is an important part of the South Caucasus policy of Turkey. This country realizes an important function of a corridor between Turkey and Turkic speaking countries of Central Asia and South Caucasus. Georgia's important role in the regional policy of Turkey is conditioned by its presence in transport and energetic projects of regional importance. In addition, Turkish-Georgian relations should be viewed in the context of Turkey-Azerbaijan-Georgia relations, which are developing at a fast pace.

At the political-military level Turkey and Georgia enjoy close relations. On the other hand it is important for Turkey to build a dialog with regional superpower, its trade and

energetic partner Russia. In conditions of Russian-Georgian complicated relations, it is difficult for Turkey to formulate policy, which will satisfy Georgian and Russian expectations at the same time.

The close economic Turkish-Georgian relations and cooperation of the two states in the context of energy policy led to economic interdependence. Georgia is viewed by Turkey as an important trade and economic partner and a platform for investment. Georgia in turn views Turkey as window to western markets.

Due to policy of "soft power" Turkey increasingly spreads its influence on the culture, education, military and political life of Georgia.

The Turkish-Georgian close relations and positive image of Turkey within Georgia provide favorable conditions for the further implementation of the "soft power", as a result of which the Turkish influence in the country will be felt even more. Important to mention that despite the fact that Georgia is trying to diversify its foreign policy Turkish-Georgian bilateral relations will continue to develop at a fast pace.

REFERENCES

1. Aras B., Akpınar P. The relations between Turkey and the Caucasus. *Perceptions*. 2011; 3(16):53-68.
2. Aydın M. Turkish foreign policy: Framework and analysis. Ankara: Centre for Strategic Research; 2004. 123 p.
3. Areshev A. Turkey's policies in the Southern Caucasus and regional security mechanisms. *Turkish-Russian academics: A historical study on the Caucasus*. 2016;4:7-21.
4. Çaman E., Akyurt A. Caucasus and Central Asia in Turkish Foreign policy: The time has come for a new regional policy. *Alternatives. Turkish journal of International relations*. 2011; 2-3(10):45-64.
5. Çelikpala M. From a failed state to a weak one? Georgia and Turkish-Georgian relations. *The Turkish Yearbook*. 2005;36:159-199.
6. Çelikpala M. Türkiye ve Kafkasya Reaksioner dış politikadan Proaktif ritmic diplomasiye geçiş. *Ulusları ilişkiler akademik dergi*. 2010;7:93-126.
7. Çelikpala M., Veliyev C. Azerbaijan-Gürcistan-Türkiye işbirliğinin başarı örneği. *Policy Brief*. 2015;3:25.
8. Chkhikvadze I. Zero Problems with Neighbors: The Case of Georgia. *Turkish Policy Quarterly*. 2011;2(10):1-9.
9. Çolakoğlu S. Türkiye-Gürcistan ilişkileri. *Stratejik Öngörü*. 2011;6:29-39.

10. Davutoğlu A. Turkey's foreign policy vision: An assessment of 2007. *Insight Turkey*. 2008;1(10):77-96.
 11. Davutoğlu A., Stratejik D. Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre yayınları; 2003. 584 p.
 12. Ekinci D. Partnership in the marketing since 1991: Black Sea and Caspian Concerns of Turkey and Georgia. Tbilisi-Batumi: Globalization and Security in Black and Caspian Seas regions; 2011. pp. 43-56.
 13. Foreign policy discourse of leading actors of Turkish policy (2010-Summer 2015). Moscow: Dashkov; 2015. 88 p.
 14. Gadjev K.S. Geopolitics of Caucasus. Moscow: International relations; 2001. 463 p.
 15. Gürzel A. Turkey's role as a regional and global player and its Capacity: Turkey's engagement with other emerging states. *Revista de Sociologia de Politica*. 2014;50(22):95-105.
 16. Grenevetsky S.R., Zhiltsov S.S., Zonn I.S. Geopolitical casino of the Black Sea region. Moscow: East-West; 2009. 351 p.
 17. Göksel D. Caucasus policy of Turkey. The Caucasus Neighborhood, Turkey and The South Caucasus. Yerevan: Dasan; 2008. pp. 15-29.
 18. Göksel D. Turkey and Georgia, Zero problems? *Black Sea Trust for Regional Cooperation*. 2013;6:8.
 19. Hüsni K. Türkiyeden Güney Kafkasyaya Beşeri Sermaye Akımının Etkileri. *Turkish-Russian academics: A historical study on the Caucasus*. 2016;4:391-404.
 20. Ivanov V. Religious dimension of Turkey's policy in Ajaria and the Georgian Orthodox church. *Central Asia and the Caucasus*. 2011;3(12):79-90.
 21. Kirişçi K., Moffat A. Turkey and the South Caucasus: An Opportunity for Soft Regionalism. *Regional Security issues*. 2015;1:67-89.
 22. Kardaş Ş. Turkey: a regional power facing a changing International system. *Turkish studies*. 2013;14:637-660.
 23. Kengerly Z. Turkey's geopolitical interests in Caucasus. *Central Asia and Caucasus*. 2004;6:34-65.
 24. Larrabee S., Lesser İ. Turkish foreign policy in an age of uncertainty. New York: Rand corporation; 2003. 240 p.
 25. Ter-Matevosyan V. Cooperation paradigms in the South Caucasus: Making sense of Turkish-Georgian relations. *Varia*. 2014;4:103-125.
 26. Ülgül M. Continuity or Change in Turkish Foreign Policy? Analyzing the Policy Fluctuations during the Justice and Development Party Era. *Journal of Global Analysis*. 2017;1(7):61-81.
 27. Winrow G. Turkey's relations with the Transcaucasus and the Central Asian Republics. *Perceptions*. 1996;2:129-145.
 28. Zhiltsov S. S. Pipeline architecture in the Caspian region: results and prospects. *Politbook*. 2015;2:114-132.
-
 Статья получена 21.10.2017
 Received 21.10.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лариса М. Алексанян, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119992, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2; larisa.aleksanyan@mail.ru

Larisa M. Aleksanyan, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka Street, Moscow, Russia, 119992; larisa.aleksanyan@mail.ru

DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-321-335

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Индийский интерес к Арктике в контексте арктической политики Китая

Николай А. Николаев

*Северо-Восточный Федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия,
nikolaev200366@gmail.com*

Аннотация. В исследовании рассматриваются общее и отличное в арктической политике Индии и Китая и вероятность соперничества между этими двумя азиатскими державами в вопросе распределения ресурсов Арктики. Также были рассмотрены индийские и китайские исследовательские тенденции по арктической тематике.

Начиная с середины XX в. Индия и Китай выступают в качестве давних соперников. Периодически между обеими сторонами вспыхивали военные стычки на общей границе. Несмотря на то что ключевые территориальные вопросы на общей границе между Индией и Китаем урегулированы военные провокации с обеих сторон не прекращаются. Последним инцидентом стал переход индийских отрядов на зоны китайской границы в районе провинции Сикким. Обе державы Азии являются крупными потребителями энергоресурсов, то в той или иной степени заинтересованы в ситуации на мировом энергетическом рынке. В Арктике имеются колоссальные запасы различных ресурсов. Определенные сложности и ограничения с получением доступа к ресурсам и их справедливому распределению могут заставить эти страны соперничать друг с другом. Однако отсутствие конкретной позиции по вопросам Арктики или сформулированной региональной стратегии у Индии и Китая создает массу сомнений по поводу их истинных намерений. Изучение исследовательских тенденций, активности индийских и китайских бизнес-структур, а также арктической деятельности Индии и Китая дает лишь приблизительные ответы на этот вопрос.

Потенциалы Индии и Китая в Арктике различаются. Сильными сторонами Китая выступают активное участие в международных научных исследованиях, наличие квалифицированного экипажа «ледового класса», активное инвестирование в энергетические и инфраструктурные проекты стран Арктики, достаточно стабильные торговые отношения с большинством арктических стран. Слабой стороной Китая выступает её негативный образ. Жители многих арктических стран с большой настороженностью относятся к «подъему Китая» и её растущему интересу к Арктике.

Сильными сторонами Индии выступают положительный образ и представительная диаспора в арктических странах, особенно в США и Канаде. В будущем это позволит Дели успешно продвигать инициативы в Арктике. Слабой стороной Индии можно считать отсутствие судна «ледокольного класса», слабая инвестиционная активность индийских бизнес-структур и слабо изученность арктических проблем с точки зрения индийских вопросов.

Ключевые слова: Арктика, изменение климата, Индия, Китай, соперничество, исследовательские тенденции

Для цитирования: Николаев Н. А. Индийский интерес к Арктике в контексте арктической политики Китая. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(4):321-335. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-321-335

Indian Interest in the Arctic in the Context of China's Arctic Policy

Nikolay A. Nikolaev

*North-Eastern Federal university named M. K. Ammosov, Yakutsk, Russia,
nikolaev200366@gmail.com*

Abstract: The study examines the general and excellent in the Arctic policy of India and China and the likelihood of rivalry between the two Asian powers in the allocation of resources to the Arctic. Also, Indian and Chinese research trends on Arctic topics were considered. Since the middle of XX century. India and China act as long-standing rivals. Periodically, military clashes broke out between the two sides on a common border. Despite the fact that the key territorial issues on the common border between India and China are resolved military provocations from both sides do not stop. The latest incident was the transfer of Indian troops to the Chinese border zone in the province of Sikkim. Both powers of Asia are major consumers of energy resources, they are more or less interested in the situation on the global energy market. In the Arctic there are colossal reserves of various resources. Certain difficulties and limitations with access to resources and their equitable distribution can force these countries to compete with each other. However, the lack of a specific position on Arctic issues or the formulated regional strategy for India and China creates a lot of doubt about their true intentions. The study of research trends, the activity of Indian and Chinese business structures, as well as the arctic activities of India and China, gives approximate answers to this question. The potentials of India and China are very different in the Arctic. China's strengths are active participation in international scientific research, the availability of a qualified ice-class crew, active investment in energy and infrastructure projects in the Arctic countries, and fairly stable trade relations with most Arctic countries. The weak side of China is its negative image. Residents of many Arctic countries are very wary of the «rise of China» and its growing interest in the Arctic. Strengths of India are a positive image and a representative diaspora in the Arctic countries, especially in the US and Canada. In the future this will allow Delhi to successfully promote initiatives in the Arctic. The weak side of India can be considered the absence of a ship «icebreaker class», the weak investment activity of Indian business structures and poor knowledge of Arctic problems from the point of view of Indian issues.

Keywords: Arctic, climate change, India, China, rivalry, research trends

For citation: Nikolaev N. A. Indian Interest in the Arctic in the Context of China's Arctic Policy. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(4):321-335. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-321-335

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с середины XX в., Индия и Китай выступают как постоянные соперники. Коренные интересы стран нередко пересекались и принимали местами конфронтационный характер, вплоть до прямых военных стычек. Поскольку обе державы Азии являются крупными потребителями энергоресурсов, то в той или иной степени заинтересованы ситуацией на мировом энергетическом рынке. В Арктике имеются колоссальные запасы энергоресурсов. Проблемы ограниченного доступа к запасам энергоресурсов и её будущее распределение могут заставить Китай и Индию перейти к соперничеству.

Отсутствие конкретной позиции по Арктике у Индии и Китая также добавляет массу сомнений по поводу их истинных намерений. Изучение исследовательских тенденций, активности индийских и китайских бизнес-структур, а также арктической деятельности может дать определенные заключения по поводу истинных намерений Индии и Китая.

В проводимом исследовании ставится цель рассмотреть индийский интерес в Арктике в контексте арктической деятельности Китая. Для решения цели исследования ставятся следующие задачи: 1) рассмотреть общее и отличие в арктической политике Индии и Китая; 2) проанализировать вероятность риска конфликта интересов двух держав по вопросам Арктики в будущем; 3) выявить особенности в научных исследованиях китайских и индийских ученых по арктической тематике.

Вопрос энергетической безопасности для Индии и Китая имеет важное значение. В связи с этим открытие и начало эксплуата-

ции ресурсов Арктики активизирует интерес Дели и Пекина к вопросам арктических месторождений. Интересы обеих азиатских держав также могут быть направлены на российский Север, которая занимает большую часть пространства Арктики. Иными словами, это напрямую коснется российской арктической политики.

В настоящее время, в политологических исследованиях китайских и индийских ученых весьма весомое место стала занимать арктическая тематика. Обзор работ ученых показывает, что сложились определенные исследовательские течения (тенденции).

КИТАЙСКАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ

Рассмотрение работ китайских политологов по арктической тематике позволило нам выделить две исследовательские тенденции. Первая тенденция: позиционирование КНР как независимого игрока в Арктике. Вопрос об Арктике в Китае рассматривается больше специалистами из военно-морской, морской и полярной (арктической) сферы. Основную часть Арктики занимает Северный Ледовитый океан, соответственно все вопросы, относящиеся к морской части, регулируются международным морским правом. Существование такого узкого формата как Арктический Совет и наличие в регионе весьма весомых в международных отношениях игроков как Россия и США заставляет китайское правительство осторожно подходить к разработке своей арктической политики. «Угроза Китая» в Арктике присутствовавшая в начале 2000-х гг. напугало не столько население арктических стран, сколько заставило КНР кардинально снизить радикальность сво-

ей арктической деятельности. По мнению китайских полярников, продолжающиеся противоречия между арктическими странами по континентальным шельфам могут дать Китаю определенные преимущества. Такие вопросы как разграничение хребтов Ломоносова и Менделеева, определения будущего статуса Северо-Восточного и Северо-Западного проходов и т. д.

Вопрос об арктических морских путях является наиболее изученным аспектом китайских полярных исследований. Интересы КНР к арктическим морским путям подкреплены потенциальными выгодами как сокращение дальности плавания, экономия транспортных расходов и высокая гарантия безопасности для иностранных судов. В связи с этим китайские ученые придают большое значение Северному Ледовитому океану как потенциальному морскому пространству международного судоходства. Но существуют расхождения во мнениях по поводу будущей роли арктических проходов. Некоторая часть полярников из КНР выступает за интернационализацию морских территорий за пределами 200-300 миль, вплоть до того, что предлагают Пекину выступать за ограничение юрисдикции Канады и России над исключительной экономической зоной, поскольку по морским проходам проходят и иностранные суда. В соответствии с международным морским правом путь должен иметь международный статус. Другая часть исследователей выступает за заключение соглашения с арктическими странами, по которым проходят морские пути.

Имеются различия и по поводу свойства будущих морских путей. Одни считают, что это будет морским транспортным коридором между Европой, Северной Америкой и Восточной Азией. Другая часть ученых рассматривает арктический морской путь как маршрут транспортировки энергоресурсов,

добываемых в Арктике на рынки Восточной Азии и Европы.

Неопределенность международного правового статуса Арктики рассматривается китайскими исследователями как возможность перейти к активной форме участия в этом процессе. Ученые считают, что благодаря этому Китаю удастся укрепить право голоса в арктических делах [9], [10]. Китайские исследователи предлагают определять политику КНР в этом направлении, следующим образом: «1) строительство правовой системы арктического региона, обращенного для выгод большего числа неарктических стран; а также в интересах целого международного сообщества в сторону её благоприятного развития; 2) обеспечить Арктике условия мира и устойчивости, чтобы получить возможность осваивать и развивать регион, отвечающий ожиданиям большинства членов международного сообщества» [10]. При этом базисом будущего международного правового статуса Арктики китайские исследователи считают Конвенцию ООН по морскому праву. В соответствии с Конвенцией ООН Китаю предлагается отстаивать международный характер Арктики. Существуют и взгляды, предлагающие заимствовать опыт «Договора об Антарктике» (1959), которая подразумевает заморозку споров на континентальные шельфы, подводные образования и океанское дно Арктики с последующей совместной добычей ресурсов региона [11].

Вторая 2-я тенденция: исследование возможностей и перспектив установления взаимоприемлемого, взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с арктическими странами. Часть китайских исследователей выступает за равноправное сотрудничество, с арктическими странами которым принадлежит основной суверенитет над арктическими территориями. В 2013 г. КНР стала

официальным наблюдателем Арктического Совета. Иными словами, Китай в соответствии с Правилами процедуры Арктического Совета прошла процедуру признания суверенитета, суверенных прав и юрисдикции арктических стран. Китайские бизнес-структуры активно ведут деятельность на территории арктических стран.

Суверенитет, по мнению китайских исследователей, непоколебима [12]. Китай выступает за соблюдение её коренных интересов, которая включает неизбежность территориальной целостности и суверенитета страны. Эта часть китайских политологов предлагают руководству КНР признать неизбежность суверенитета, суверенных прав и юрисдикции арктических стран над пролегающими территориями и исключительной экономической зоной. Суверенитет арктических государств подкрепляется наличием коренных народов Арктики. Такое постоянное присутствие на территориях создают опору на историчность суверенных прав и юрисдикции арктических государств. Поэтому они не подвергают критике суверенитет стран в Арктике, считая его базой международно-правового статуса Арктики.

Китай имеет весьма хорошие отношения с Исландией, Норвегией (не члены ЕС) и Россией. Между Исландией и Китаем уже имеется Соглашение о свободной торговле, а также ряд договоренностей между частными компаниями по эксплуатации месторождений минеральных ресурсов. Процесс переговоров между Норвегией и Китаем о свободной торговле находились в почти завершающей фазе, но были сорваны в связи с «Нобелевским инцидентом». На данный момент существует Соглашение о свободной торговле между странами Европейской Ассоциации Свободной Торговли (ЕАСТ) и китайским Гонконгом.

Что касается российского направления, китайские политологи призывают свое пра-

вительство сотрудничать с Россией, которая имеет колоссальный опыт освоения и добычи топливно-энергетических ресурсов на сухопутных территориях Арктики [13], [14]. Указывается на возможность сотрудничества КНР и России в сфере шельфовой добычи энергоресурсов, т. е. в эксплуатации технологий морской добычи нефти и газа. Китай является одним из лидеров в морской шельфовой добычи [14]. В Китае пытаются теоретически осмыслить и связать российский Северный морской путь с проектом Китая «Один пояс — один путь» (Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковой путь) [15].

Таким образом, оба исследовательские тенденции имеют сильные расхождения в своих подходах к проблемам и перспективам Арктики. Главное различие можно усмотреть в подходе к арктическим странам у китайских ученых. Если первые стремятся утвердить статус Китая в Арктике, то вторые выступают за более приемлемое и равноправное сотрудничество с арктическими странами, выстраивая с ними только взаимовыгодные отношения. Слабой стороной и контраргументом для исследователей первой тенденции являются территориальные споры Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Поскольку в регионе этих морей Китай также сама выступает за признание суверенных прав над морскими пространствами, где пролегает морской проход. Китай выступает за интернационализацию будущего Арктического морского пути, что можно охарактеризовать как политика «двойных стандартов». Вторая слабость первой тенденции заключается в том, что каждая арктическая страна не станет терпеть великодержавное позиционирование Китая в регионе. Напротив, такой подход Китая может привести к объединению арктических стран против неё.

Сильных сторон у второй тенденции больше, чем у первой, поскольку тут исследователи предлагают более рациональный путь, где отсутствует прямое государственное участие Китая. Правительству предлагается продвигать частный бизнес и инвестиции в Арктический регион. Для второй тенденции в настоящее время существует благоприятная почва, выражаемая в Стратегическом партнерстве России и Китая, хороших отношениях Китая с Исландией и Норвегией, а также заинтересованности в китайских инвестициях, рынке и бизнесе. К тому же у Китая имеется одна из передовых технологий по шельфовой добыче, чем не располагают многие арктические страны, в том числе Россия [2, с. 586-590].

ИНДИЙСКАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ

Среди индийских исследований сложно выделить определенные исследовательские течения. Поскольку в Индии еще не сформировалось полноценное арктическое направление политических исследований [1, с. 16], но отдельные эксперты приводят достаточно интересные заключения. В этой связи мы выделяем следующие вопросы, затрагиваемые в индийских исследованиях. Первый вопрос: исследования в области глобального потепления климата. По мнению индийских специалистов, эксплуатация Норвегией и Россией нефтяных и газовых месторождений может ускорить процесс таяния ледников Арктики и замедлит переход стран к «зеленому» технологиям и в целом процесс переговоров по противодействию изменению климата. Последствия этого может сказаться на весь мир, в т.ч. на Индию. Кроме того, они считают, что активизация международного морского сообщения по Северному Ледовитому океану может снизить значимость морских коммуникаций, проходящих через Индийский океан. Поэтому альтернативный морской

маршрут через Северный Ледовитый океан, рассматривается как вызов.

Индийские эксперты Уттам Кумар Сингха и Арвинд Гупта считают, что научные доказательства помогают разрабатывать политику в области климата и вести индийскую климатическую дипломатию [8]. Стоит отметить, что влияние таяния ледников на экологическую ситуацию в Индии еще не доказана.

Второй вопрос: исследования направленные на превращение Арктики в зону общего достояния человечества по аналогии с Антарктикой. Эта часть индийских исследователей предлагает разработать универсальный договор с целью возрождения первоначальной окружающей среды северных широт, но с полным запретом добычи ресурсов Арктики. Иными словами, эта категория ученых Индии предлагает установить международный контроль над Арктикой на базе универсального договора.

Таким образом, видно, что индийские специалисты начинают проводить политологические исследования касательно арктических вопросов. Как видно, экологические изменения, происходящие в Арктике, рассматриваются как потенциальный вызов для интересов и национальной безопасности Индии.

АРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ИНДИИ

Индия еще являясь доминином Британской империи стала участником Шпицбергенского трактата (1920). Однако за прошлый век Индия не проявляла активности к арктическим вопросам.

Интерес Индии к Арктике появился в начале XXI в. В отличие от Китая у Индии в распоряжении не было судна «ледового класса» как «Снежный дракон». Дели располагает лишь одним исследовательским судном «Sagar Kanva». Пока активная форма арктической деятельности Индии

ограничена слабостью транспортных возможностей. Тем не менее по данным Арктического института, с 2013 по 2015 гг. Индия инвестировала в арктические исследования около 12 млн. долл.

В последние годы Индия выступает как 4-й крупный потребитель энергии. Продолжают расти потребности Индии к энергетическим ресурсам как быстроразвивающейся экономики с динамичным частным сектором. Ожидается, что потребление энергии Индией повысится с 5,8% (2014) до 9% от ВВП к 2031-2032. Индия, как и Китай заинтересована в изучении освобождаемых ото льда нефтяных и газовых месторождений на арктических шельфах. В отличие от активно инвестирующего Китая, Индия достаточно тщательно рассматривает целесообразность инвестиций в бизнес-проекты Арктики. Индусов пугают трудности освоения месторождений в регионе, экологические риски, высокая стоимость проектов, длительный период возврата инвестиций.

Пока соперничество Индии и Китая может выражаться в научных исследованиях и интересах различных бизнес-групп в энергетической сфере. И если в будущем человечество не найдет альтернативу существующим энергетическим ресурсам, то может усугубиться ситуация на международном энергетическом рынке. В таком случае, соперничество Индии и Китая за арктические ресурсы может принять иной характер.

Вопросами Арктики в Индии занимается Министерство наук о Земле. Данному органу подчиняется Национальный центр антарктических и океанических исследований (NCAOR), которая координирует и организует арктические исследования. Постепенно по мере роста интереса к Северному полюсу сфера деятельности по Арктике была отведена к данному учреждению. С 1998 г. Национальный Центр начинает осущест-

влять программы изучения Арктики, Северного Ледовитого океана и её ледников.

Состав Комитета по экономическим вопросам Индии выделила сумму в 1051,13 рупий (171 млн. долларов) на приобретение Полярного исследовательского судна для Министерства наук о Земле. Считается, что судно сможет не только выполнять исследовательские и логистические функции на Северном Полюсе, но также стать исследовательской платформой для ученых на Южном океане.

Возможности Индии и Китая сильно различаются. Сильными сторонами Китая выступают регулярное участие в совместных научных исследованиях, наличие собственной квалифицированной команды «ледового класса», активное инвестирование в энергетические и инфраструктурные проекты Арктики, стабильные торговые отношения с большинством арктических стран. Слабой стороной Китая является её негативный образ в некоторых арктических странах.

Сильными сторонами Индии выступает положительный образ и наличие предпринимательской диаспоры в арктических странах, позволяющей успешно продвигать инициативы в Арктике. Слабой стороной Индии можно считать отсутствие судна «ледокольного класса» и слабая инвестиционная активность индийских бизнес-структур.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНДИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА

Индия и Китай являются давними соперниками в азиатских регионах. Пик противоречий в отношениях Индии и Китая пришлись на вторую половину XX в. Зонами столкновения интересов двух стран стали Кашмир, Сикким, Тибет, Непал и Бутан. На территории севера Индии действует преимущественно коммунистическая (прокитайская) вооруженная группировка наксалитов. В 2003 г. Дели официально

признала Тибетский автономный район неотъемлемой частью КНР, в свою очередь Китай признала Сикким индийской провинцией. Несмотря на это в Индии продолжает пребывать Далай-лама XIV. Это затрудняет решение проблем двусторонних отношений. Косвенную поддержку от Дели получают и правые силы на территории Непала и Бутана, а левые получают поддержку от Пекина. Тем не менее обе крупные державы Азии достаточно осторожно относятся к вопросам касающимся вышеупомянутых районов. Возможно при ухудшении ситуации на международном энергетическом рынке новой зоной соперничества Индии и Китая может стать Арктика. Особенно по вопросу распределения энергетических и других ресурсов Арктики в другие страны мира. Неопределенный статус ресурсов, находящихся в районах покрытыми вечными льдами за пределами исключительной экономической зоны также может усилить соперничество двух стран.

Однако на данный момент у Индии и Китая отсутствует конкретная позиция по Арктике. Поэтому в данном исследовании мы рассмотрим то чем располагают эти две азиатские державы по арктическим вопросам.

ОБЩЕЕ В АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ И ИНДИИ

Можно выделить следующие общие моменты. Во-первых, это статус официального наблюдателя Арктического Совета. В 2013 г. в Кируне на министерской сессии Арктического Совета (АС) Индия и Китай стали постоянными наблюдателями. Статус наблюдателей позволяет ставить обе державы на равные позиции в рамках диалога Арктического Совета. Во-вторых, обе державы Азии являются участниками Шпицбергенского трактата (1920). В соответствии с ней располагают собственными исследовательскими станциями на архи-

пелаге Шпицберген. Китайская исследовательская станция «Хуанхэ» (2003) может принимать 11 ученых, тогда как индийская станция «Химадри» может разместить до 8 специалистов. В-третьих, в обеих странах отсутствует сформулированная стратегия по Арктике. Официальные представители органов обеих стран, занимающихся вопросами Арктики весьма сдержанны в своих высказываниях. Поэтому вопрос о конкретной позиции Индии и Китая по Арктике остается открытым. В-четвертых, научные экспедиции Китая и Индии проводят исследования по схожей тематике. Пекин и Дели используют фактор глобального изменения климата как повод для форсирования своей деятельности в Арктике. Объясняя это тем, что таяние ледников как следствие глобального потепления может привести к повышению уровня Мирового океана. Это в свою очередь угрожает жизненно важным финансовым, экономическим и политическим центрам Индии, расположенным на прибрежных районах.

СРАВНЕНИЕ АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ И ИНДИИ

Во-первых, и Индия и Китай являются мировыми державами обладающими ядерным арсеналом. Однако, если Китай подписав Договор о нераспространении ядерного оружия (1968) стала «легальной» ядерной державой, то Индия совершив испытание ядерного оружия в 1974 г. не смогла получить такой статус. Соответственно формально Индия остается непризнанной ядерной державой. 11 мая 1995 г. на Обзорной конференции по ДНЯО, договоренность была продлена на бессрочный срок. Но к нему не присоединилась Индия. 24 сентября 1996 г. на Женевской конференции был открыт для подписания Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Индия оценила со-

глашение как дискриминирующий и указала, что создание Международной системы мониторинга (МСМ) означает отказ легальных ядерных держав от обязательств по разоружению. В мае 1998 г. Индия испытала ядерное оружие объявила себя ядерной державой. В конце XX в. напряженность в отношениях между Индией и Пакистаном практически не дошла до ядерной войны. Мировое сообщество осудило действия южноазиатских держав. Однако инцидент не повлиял на состояние отношений между Индией и арктическими странами. Это достаточно странный подход к действиям Индии со стороны арктических стран.

Во-вторых, это образ Индии и Китая в арктических странах. Несмотря на то что в соответствии с Правилами процедуры Арктического Совета Китай официально принял условия ограничивающие его интересы и деятельность в Арктике, многие арктические страны продолжают рассматривать арктическую деятельность КНР как угрозу для своей национальной безопасности. По отношению к Индии арктические страны не питают ярко выраженной антипатии. Её образ положительно воспринимают в арктических странах.

В-третьих, кадровый вопрос в этих странах на арктическом направлении. У Китая помимо опытных кадров, корабля «ледового класса», имеется достаточно квалифицированный научный состав, работающий совместно с другими учеными из арктических стран. Это позволяет китайским ученым перенимать опыт своих арктических коллег. В частности, Китай предоставляет для совместных международных исследований ледокол «Снежный Дракон» (雪龙). Тем не менее, кадры Китая находятся на стадии формирования. У Индии также имеется научный состав, имеющий богатый опыт работы в резких климатических условиях Антарктики и Южного океана, но

практически отсутствуют специалисты по кораблям «ледового класса».

В-четвертых, различие в подходах Индии и Китая по вопросу перспектив Северного морского пути и Северо-Западного прохода. Для Индии вопрос о перспективах Арктического (альтернативного) морского сообщения не выгоден. Поскольку начало эксплуатации арктических морских путей может привести к сокращению товаропотока через Индийский океан. Такая арктическая альтернатива может поставить под сомнение дальнейшее использование морских коммуникаций, проходящих через индийское побережье Индийского океана. Еще в 2012 г. министр обороны Индии заявил, что «таяние полярных ледников будет иметь существенные последствия с точки зрения пригодности тех или иных частей Мирового океана для морской навигации в будущем». Индийские порты получают крупные доходы, обслуживая судна, проходящие по транзитному морскому сообщению из Азии в Европу. Если морское сообщение через Арктику начнет функционировать, то это в будущем может сильно ударить по индийской экономике.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИНДИИ С АРКТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ СКАНДИНАВИИ

Индия закрепила многоцелевой подход привлечения стран Северной Европы на сотрудничество. Состояние отношений Индии с арктическими странами Скандинавии сильно повлияло на торговый баланс.

Индийско-норвежские отношения имеют противоречивый характер. В период Гражданской войны на Шри-Ланке Норвегия выступила против вмешательства Индии в конфликт на острове. После вмешательства Индии в дела острова, двусторонние отношения были несколько ухудшены. Кроме того, норвежские инвестиции в Индии

не получили заметного успеха. Индийский министр финансов нанес визит в Норвегию и призвал сгладить препятствия в двусторонних отношениях и в дальнейшем консолидировать усилия на перспективах Индии в Арктике. Было высказано, что Дели стремится привлечь около 700 млрд долл. в Фонд национального благосостояния Норвегии. Помимо оффшорных нефтяных месторождений в Баренцевом море в соответствии с новой норвежской политикой лицензирования разведки были открыты новые месторождения для разработки.

Финляндия и Индия. В 2013 г. во время визита финского премьер-министра в Нью-Дели обсуждались вопросы безопасности. Однако конкретное содержание этих переговоров остаются неизвестны. Финский «План действий для Индии» концептуальный документ для торговли и инвестиций между двумя странами.

В октябре 2014 г. две стороны подписали ряд важных документов: Договоренность о сотрудничестве в области ядерной и радиационной безопасности, Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в области возобновляемой энергии, Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в области биотехнологий и Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в области атмосферы окружающей среды.

Индия и Дания. В 2012 г. индийско-датские отношения ухудшились, когда датское правительство отказалось экстрадировать Нильса Холькса (предполагаемого боевика под псевдонимом «Ким Дэви»). Нильс Холькс или «Ким Дэви» выступал как главный обвиняемый в «деле Пурулия». 17 декабря 1993 г. был совершен сброс несанкционированного оружия с самолета Ан-26 в районе Пурулия в индийском штате Западная Бенгалия. К делу также были приобщены некоторые официальные лица Индии. Несмотря противоречия в поли-

тических отношения стран, двусторонняя торговля показывает положительное сальдо.

У Индии из числа приарктических стран взаимоотношения со Швецией наиболее сильно развиты. Индо-шведские отношения были установлены в 1949 г. Контакты на высшем уровне начались с 1957 г., когда Швецию визитом посетил Премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. В 80-е гг. XX в. шведский премьер-министр Улоф Пальме дважды нанес визит в столицу Индии. Однако 28 февраля 1986 г. Улоф Пальме был убит. По одной из версий, в 1985 г. во время очередного визита в Нью-Дели, Улоф Пальме оказал личное влияние на успешный исход договоренностей по продаже оружия в Индию. Хотя вероятным покупателем шведского оружия на тот момент выступала Франция. Это и стало возможной причиной его убийства. Впоследствии Индия откажется от предложений ряда шведских поставщиков по закупке 126 средних многоцелевых боевых истребителей Сааб JAS39 «Грипен».

Индийские инвестиции в Швецию составили 700-800 млн. долларов. Обими сторонами был подписан Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в сфере железных дорог. В настоящее время, в Швеции проживает около 22800 индусов. Большинство работают в академической среде, торговле или бизнесе.

Между *Россией и Индией* имеется ряд соглашений бизнес-структур. Так, «Роснефть» и индийская «ONGC Videsh Ltd.» подписали договор о купле-продаже 15% акций компании «Ванкорнефть». Ведутся переговоры по налаживанию поставок СПГ с использованием мощностей завода «Арктик СПГ-2» на полуострове Гыданский и в Обской губе.

В 2014 г. президент РФ В.В. Путин нанес краткий визит в Нью-Дели. По итогам переговоров был подписан Меморандум о взаи-

мопонимании по сотрудничеству в разведке арктических углеводородов в подвешенном состоянии. Это наметило перспективы российско-индийского сотрудничества по Арктике. По мнению индийских экспертов Уттама Кумара Сингха и Арвинда Гупта, у Индии и России имеется многолетнее военно-морское сотрудничество, которая базируется в основном на российском Севере. Но исторические связи и взаимопонимание с Россией нуждаются в обновлении с учетом арктического контекста [8]. В феврале 2015 г. в Пекине состоялась встреча представителей Индии, России и Китая, где обсуждалось дальнейшее сотрудничество по нефтегазовой сфере.

Россия и Индия могут выступать как союзники в области инвестиций в перспективные проекты и проведения климатические исследования. В условиях западных санкций, Россия более заинтересована в индийских инвестициях в сырьевой сектор. Это позволит России «... существенно укрепить экспортный потенциал страны, расширить географию поставок, диверсифицировать рынки сбыта, частично компенсировать потери от внешних ограничений» [1, с. 16].

ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ С АРКТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ

Двусторонние отношения Китая с каждой арктической страной Скандинавии достаточно сильно отличается. В основном Китай опирается на экономический, торговый и инвестиционный инструментарий в развитии отношений со своими арктическими партнерами.

Отрицательное сальдо в *китайско-норвежской торговле* объясняется тем, что обе стороны вводили ограничения на ряд товаров экспорта и импорта.

Сдвиг в двусторонних отношениях 2008 г. позволил Китаю и Норвегии достаточно далеко продвинуться в переговорах по

подписанию Соглашения о свободной торговле. Однако развитие отношений была приостановлена из-за заочного присуждения Нобелевской премии мира Лю Сюбо (2010). Китайская сторона отказалась от дальнейшего ведения переговоров, [6, с. 2]. Двусторонние связи на всех уровнях немедленно были заморожены. Торговля между двумя сторонами стала терпеть неблагоприятное воздействие Нобелевского инцидента. В частности, ухудшение отношений сильно повлияло на экспорт лосося в Китай. К 2010 г. Норвегия почти доминировала в экспорте лосося в Китай, занимая 92% доли на рынке Поднебесной. Ежегодный доход составлял свыше 450 млн норвежских крон (45 млн фунт стерлингов).

Кроме того, из-за вышеуказанного инцидента процесс переговоров по китайско-норвежскому *Соглашению о свободной торговле* был заморожен на неопределенное время.

После инцидента с Нобелевской премией мира в августе 2010 г. состоялась встреча Си Цзиньпина с главой МИДа Норвегии Йонасом Гаром Стёре. На встрече китайский лидер потребовал уважать коренные интересы Китая, которые определялись следующим образом: 1) соблюдение политической стабильности внутри Китая; 2) уважение территориальной целостности и национального суверенитета КНР.

Примечательно, что несмотря на заморозку политических связей на высшем уровне, но связи по линии «второго трека» продолжали функционировать. Вплоть до того, что некоторым китайским корпорациям удалось вложить инвестиций в размере 4 млн долларов США. Так, в 2008 г. китайцы инвестировали на бурительные услуги и эксплуатацию нефтяных танкеров в районе Авилко; в 2011 г. инвестировали на соляные технологии и компьютеры для энергоэффективной добычи высококачественного угля на Елкеме [5, с. 17].

На официальном уровне также были заметны очевидные изменения в подходах руководства Норвегии к КНР. В начале 2013 г. премьер-министр Эрна Сульберг заявила, что Норвегия отказывается от участия в проекте Дреки и объявила мораторий на нефтедобычу (де-факто в октябре 2013 г.) Но уже в ноябре того же года Осло поменяла свою позицию и согласилась стать третьим партнером через норвежскую компанию «Петоро». Тем самым Норвегия получила 25% доли в проекте разработки месторождения Дреки. Остальную долю в 75% разделили между собой Китайская национальная шельфовая нефтяная корпорация (60%) и исландский Эйкон (15%). Сделка по Дреки не только способствовала расширению присутствия китайского бизнеса в Арктике, но и также повысила роль Исландии в регионе [7].

В июле 2014 г. Китайская национальная шельфовая нефтяная корпорация (КНШ-НК) и норвежская инженерная и строительная компания Кварнер объявили, что будут развивать совместное предприятие в области международных нефтяных инженерных проектов. Все крупные сделки были достигнуты на фоне дипломатической конфронтации официального Осло и Пекина. Тем не менее это позволило Норвегии занять значимое место в китайских бизнес интересах, заинтересованных в Арктике [7].

В начале 2000-х гг. Норвегия неоднократно выступала против предоставления Китаю статуса официального наблюдателя Арктического Совета (АС). Этот фактор также стал сильно влиять на дальнейший процесс нормализации отношений двух стран. В 2013 г. Норвегия неожиданно для всех участников АС пересмотрела свою позицию и проголосовала за предоставление Китаю статуса наблюдателя.

В мае 2014 г. Далай Лама прибыл с трехдневным визитом в Норвегию по приглаше-

нию Нобелевского комитета на 25-й годовщине присуждения ему Нобелевской премии мира. Но ожидаемых встреч с представителями правоцентристского правительства Норвегии не состоялось. Визит Далай-ламы повлиял и сделал более чувствительными китайско-норвежские отношения [7].

В сентябре 2014 г. произошла утечка проекта норвежского правительственного документа, в котором был изложен потенциальный план новой нормализации отношений с Китаем. Проект документа был опубликован в издании Dagens Noeringsliv. Ранее в 2013 г. аналогичный план был отвергнут уходящим премьер-министром Йенсом Столтенбергом как слишком примирительная по отношению к Пекину. Публикация проекта документа соответственно вызвала китайский запрет на импорт лосося из Норвегии, в т. ч. и из архипелага Шпицберген. Обоснованием для этого стала якобы опасность продукта для здоровья людей. Китайский ученый Чэнь Сяньвэнь сказал, что «Китайский бойкот норвежского лосося повлияла больше на китайских потребителей, чем на норвежских экспортеров лосося».

В январе 2015 г. норвежско-китайские отношения в очередной раз ухудшаются, когда Служба политической безопасности Норвегии обвинила китайского студента инженерного профиля Норвежского Университета в кибершпионаже. В феврале того же года Служба политической безопасности Норвегии обнародовала доклад о потенциальной угрозе Китая кибербезопасности Норвегии, обозначив это как политическое вмешательство Пекина.

19 декабря 2016 г. состоялся визит министра иностранных дел Бёрге Бренде. В ходе визита обеим сторонам удалось обменяться мнениями по возобновлению и улучшению китайско-норвежских отношений и достигнуть важный консенсус. По словам офици-

ального представителя МИД КНР Хуа Чунин, «Китай хотела бы работать с Норвегией над продвижением вперед двусторонних отношений на устойчивый путь основываясь на уважении и отношении друг к другу как равным и полной уступке в обоюдных коренных интересах и основных проблемах».

Среди приарктических стран *Исландия для Китая* занимает особое положение. Между обеими странами уже действует подписанное Соглашение о свободной торговле (2013). На территории Исландии размещается самый крупный дипломатический штат Китая во всей Европе. Страны совместно проводят разработку ресурсов в районе микроконтинента Ян-Майен [3, с. 57-66].

Арктическое направление в *российско-китайских отношениях* развивается на достаточно серьезном уровне. Руководство обеих стран поддерживают совместное сотрудничество бизнес-структур в арктическом регионе. Между госкорпорациями и частными компаниями обеих стран были подписаны ряд ключевых соглашений по совместной разведке и добыче месторождений.

В 2013 г. во время визита председателя КНР Си Цзиньпина «Роснефть» и Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) договорились о совместной разработке Западно-Приноземельского участка в Баренцевом море, Южно-Русского и Медынского-Варандейского участков в Печорском море. В том же году были достигнуты соглашения между «Газпромом» и CNPC по разведывательным работам в Арктике, а на встрече высшего уровня было подписано соглашение о покупке CNPC 20% акций «Ямал СПГ». Она предусматривала строительство завода по производству сжиженного природного газа на базе Южно-Тамбейского месторождения, создание инфраструктуры способных принять крупнотоннажные СПГ-танкеры и строительство аэропортов в поселках Сабетта на Обской губе.

3 сентября 2015 г. в Пекине во время официального визита В. В. Путина в Китае было подписано Соглашение о совместной реализации проекта строительства железнодорожной магистрали от Соликамска через Сыктывкар до Архангельска. В декабре того же года «Новатэк» и китайский Фонд Шелкового пути заключили договор о предоставлении 15-летнего займа на сумму 730 млн евро для финансирования проекта «Ямал СПГ».

В январе 2016 г. президент РФ В. В. Путин подписал закон о ратификации протокола к соглашению между правительствами России и КНР о реализации проекта «Ямал СПГ».

Российско-китайское сотрудничество в арктическом направлении достаточно быстро развивается. Китайские компании и госкорпорации активно инвестируют в сырьевой потенциал российского Севера. Отмечая, то что на арктической части РФ сконцентрированы значительные запасы ресурсов, интерес к ним со стороны индийского и китайского бизнеса может еще более вырасти.

Таким образом, интересы Индии и Китая в арктическом направлении постепенно расширяются и в ближайшем будущем они рискуют столкнуться. Однако только Китай активно использует экономический, научный и инвестиционный инструментарий, тогда как Индия начинает проверять возможность вложить инвестиции в арктические проекты. Что касается индийских научных исследований, то они только начинают проводиться. Иными словами, по сравнению с китайскими полярными исследованиями индийские заметно отстают.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отношения Индии с арктическими странами Скандинавии имеют противоречивый характер. Определенные успехи

хи наблюдаются в индийско-норвежских отношениях. Тем не менее, у Индии достаточно хорошие перспективы развития политических отношений с арктическими странами, хотя слабые связи в торговле могут стать для этого препятствием.

Торговый баланс Китая с Финляндией и Данией показывает достаточно хорошие показатели. Но политические взаимоотношения между этими странами ЕС и Китая носит достаточно неопределенный характер, тогда как в области экономики и инвестиций у Китая с Финляндией и Данией есть результаты. Причина отрицательного торгового сальдо в торговле между Китаем и Норвегией объясняется сложной ситуацией в китайско-норвежских отношениях.

Вместе с тем, среди приарктических стран у Китая есть доверенный партнер в лице Исландии. Последняя добивается того, чтобы стать полноправной арктической страной. Стремление Рейкьявика поддерживает Китая. В частности, китайский бизнес активно инвестирует в Исландию. Обе страны совместно проводят разведку и разработку месторождений на северных районах островного государства.

В Китае в научной среде арктическое направление получило заметное развитие. В Индии только начинают проводиться исследования по арктическому направлению, хотя интерес у индийского научного сообщества к арктической тематике уже проявился. В фокусе исследований Индии находятся перспективы альтернативных морских путей через Северный Ледовитый океан, между странами Восточной Азии, Европы и Северной Америки. В Индии придерживаются оценок, что это станет угрозой национальной безопасности и серьезным вызовом для страны в будущем.

Будущая арктическая деятельность двух азиатских держав, скорее всего, будет направлена на проведение научно-исследовательских работ и инвестиционной деятельности. Поэтому в ближайшее время полноценной региональной политики в отношении Арктики в полном смысле этого слова у Китая и Индии не появится.

Направления научных исследований по Арктике в определенной степени проецируют и интерес со стороны официальных властей. Это особенно характерно для Индии и Китая, где доминирует число государственных научно-исследовательских учреждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Махмутов Т. А. Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы. Доклад №26.2016. Москва: Российский совет по международным делам (РСМД); 2016. С. 16
2. Николаев Н. А. Основные тенденции в геополитических исследованиях Китая по Арктике. В: Материалы Всероссийской конференции научной молодежи. Якутск. Издательский дом СВФУ; 2016. С. 586-590.
3. Николаев Н. А. Сотрудничество Китая и Исландии в Арктике. *Арктика. XXI век. Гуманитарные науки*. 2016;2(8):57-66.
4. Jecker H. China's Political Priorities in the Nordic Countries: from technology to core interests. *Policy Brief*. 2016;12:2.
5. Marc L. China's emerging Arctic strategies economics and institutions. Reykjavik: The Centre for Arctic Policy studies (CAPS) of University of Iceland; 2014. Pp. 16-20.
6. Uttam K. The Arctic and India: Strategic Awareness and Scientific Engagement. *Strategic Analysis*. 2014;6(38):Pp. 872-885. DOI:10.1080/09700161.2014.952945
7. 黄德明·章成. «中国海外安全利益视角下的北极外大陆架划界法律问题». 载《南京社会科学》: 2014年第7期. 第84页.

8. 刘惠荣. 董跃: «海洋法视角下的北极法律问题研究» · 中国政法大学出版社2012年版. 第15页.
9. 日兹宁著 · 王海运 · 石泽译审. “俄罗斯能源外交” · 北京: 人民出版社; 2006年 65页.
10. 李振福 · 王文雅 · 朱静. 北极航线在我国 «一带一路» 建设中的作用研究 · 亚太经济版. 2015;9:26.

REFERENCES

1. Makhmutov T. A. Asian players in the Arctic: interests, opportunities, prospects. Report №26. 2016. Moscow: The Russian International Affairs Council (RIAC); 2016. P. 16. (In Russ.)
2. Nikolaev N. A. Main trends in China's geopolitical research on the Arctic. In: Material of the All-Russian Conference of Scientific Youth. Yakutsk. Publishing House of NEFU; 2016. P. 586-590. (In Russ.)
3. Nikolaev N. A. Cooperation between China and Iceland in the Arctic. *Arctic. XXI Century. Humanitarian sciences*. 2016;2(8):57-66. (In Russ.)
4. Jecker H. China's Political Priorities in the Nordic Countries: from technology to core interests. *Policy Brief*. 2016;12:2.
5. Marc L. China's emerging Arctic strategies economics and institutions. Reykjavik: The Centre for Arctic Policy studies (CAPS) of University of Iceland; 2014. Pp. 16-20.
6. Uttam K. The Arctic and India: Strategic Awareness and Scientific Engagement. *Strategic Analysis*. 2014;6(38):Pp. 872-885. DOI:10.1080/09700161.2014.952945
7. Huang M. · Zhang Ch. The problem of legal definition of the boundaries of the continental shelves of the Arctic from the angle of the interests of China's external security). Nanking: Scientific community of Nanking; 2014. P. 84. (In Chine)
8. Liu H. S. The study of the law in the Arctic from the angle of the law of the sea). Pekin: Publishing house of the Chinese Politico-Law University; 2012. P. 15. (In Chine)
9. Ri Zi Ning Zhu · Wang Hai Yun · Shi Ze Yi Shen. Russian energy diplomacy. Beijing: Edition "People"; 2006. P. 65. (In Chine)
10. Li Zhen Fu · Wang Wen Ya · Zhu Jing. The study of the influence of Arctic sea routes on the concept of our «One belt - one way». *Journal "Asia-Pacific Economy"*. 2015;9:26. (In Chine)

.....
Статья получена 07.09.2017

Received 07.09.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Николай А. Николаев, Северо-Восточный Федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия; 677000, Россия, Якутск, ул. Белинского, д. 58; nikolaev200366@gmail.com

Nikolay A. Nikolaev, North-Eastern Federal university named M. K. Ammosov, Yakutsk, Russia; bld. 58, Belinsky str, Yakutsk, Russia, 677027; nikolaev200366@gmail.com

Сравнительный анализ концепций военной безопасности Норвегии и Дании в Арктическом регионе

Игорь С. Дорошенко

*Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,
is.doroshenko@gmail.com*

Аннотация: рост интереса западных стран к арктическому региону повышается с каждым новым заявлением о резком изменении климата и таянии ледников Северного Ледовитого океана. Помимо угроз, связанных с экологической обстановкой в арктической зоне, желание участвовать в изучении и разработке шельфов (шельф — это прибрежная зона, так что не вижу смысла использования «прибрежный» в этом случае), потенциальная возможность активно использовать морские пути региона как арктическими, так и не-арктическими государствами, создает угрозу безопасности стран Северной Европы. Под критерии прибрежных государств, которые, в случае эскалации напряженности будут находиться в эпицентре регионального конфликта в Арктике, попадают Норвегия и Дания. Именно поэтому анализ уровня военной безопасности этих двух стран, на фоне усиления конфронтации между Россией и Западом и изменения климатической обстановки в регионе, является актуальным, но прийти к необходимому уровню обороноспособности и обеспечению безопасности государственных границ и зон исключительных экономических интересов в условиях низких температур - нелегкая задача. В данной статье рассматривается норвежский и датский подходы к новым вызовам военной безопасности в арктическом регионе. В работе была исследована доктринальная основа военной безопасности, главные документы, формирующие концепции безопасности двух стран в арктическом регионе, а также отчеты министерств обороны и обзоры научных институтов военной деятельности в Арктике.

Для сравнения было выбрано три направления выработки политики прибрежных стран в вопросах военной безопасности. Во-первых, это отношения с США, как с лидером североатлантического альянса, что позволяет определить значение Норвегии и Дании в построении безопасности НАТО на северном направлении. Во-вторых, рассмотрены отношения с ЕС и отдельно со странами Северной Европы, что дает возможность определить уровень вовлеченности европейского сообщества в вопросе обеспечения безопасности Арктики. В-третьих, отношения с Россией, как обладателем самого большого военного контингента на северных широтах среди стран членов Арктического совета, что дает возможность проанализировать возможное развитие российско-норвежских и российско-датских отношений, в частности, речь идет о поиске диалога по сохранению безопасности региона. В конце каждого подраздела приведены выводы о выбранных векторах

политики безопасности, в заключении дана оценка нынешнему положению обороноспособности Дании и Норвегии, а также рассмотрено влияние совместных учений НАТО на ведение арктической политики России, с целью показать роль прибрежных государств в данном контексте.

Ключевые слова: военная безопасность, Северная Европа, Арктика, Дания, Норвегия, прибрежные государства

Для цитирования: Дорошенко И. С. Сравнительный анализ концепций военной безопасности Норвегии и Дании в Арктическом регионе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(4):336-346. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-336-346

Comparative analysis of military security policy of Norway and Denmark in the Arctic region

Igor S. Doroshenko

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
is.doroshenko@gmail.com*

Abstract: The interest of Western countries in the Arctic region is growing with each new statement about the sharp climate change and the melting of the Arctic Ocean's glaciers. In addition to the threats related to the environmental situation in the Arctic zone, the desire to participate in shelf research and development, the potential of using the sea routes of the region by both the Arctic and non-Arctic states creates threats to the security of the Nordic countries.

The coastal states, which in case of the escalation of tensions will be in the midst of a regional conflict in the Arctic, are Norway and Denmark. Therefore, the analysis of a level of Norwegian and Danish military security against a backdrop of increasing confrontation between Russia and West and changing climate situation in the region is urgent. Nevertheless, to ensure a necessary level of defence capability as well as security of borders and zones of exceptional economic interests in the conditions of low temperatures is not so easy. This article examines the Norwegian and Danish approaches to the new military security challenges in the Arctic region. The paper contains examination of the doctrinal basis of military security along with the main documents that form the security concepts of the two countries in the Arctic region, and the reports of the defense ministries and scientific institutions surveys of military activities in the Arctic.

Three directions of coastal countries' policy making in the issues of military security were chosen for comparison. Firstly, the relationships with the USA, the leader of the North Atlantic alliance, which allow us to determine the significance of Norway and Denmark in building NATO security in the north. Secondly, the relationships with the EU and separately with the Nordic countries are considered. This case shows the level of involvement of the European community in the issue of ensuring the Arctic security. Thirdly, the relationships with Russia which has the largest military contingent in the northern latitudes among the members of the Arctic Council, are reviewed. That gives an opportunity to analyze the possible development of Russian-Norwegian

and Russian-Danish relationships, particularly the dialogue on maintaining security in the region. At the end of each subsection the author highlights the main findings on selected vectors of the security policy. In conclusion, the assessment of the current defense capability of Denmark and Norway is given, as well as the impact of NATO joint exercises on Russia's Arctic policy making is considered in order to highlight the role of coastal states in this context.

Keywords: Military security, Nordic countries, the Arctic, High North, Denmark, Norway, Coastal countries

For citation: Doroshenko I. S. Comparative analysis of military security policy of Norway and Denmark in the Arctic region. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(4):336-346. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-336-346

ВВЕДЕНИЕ

Рост интереса западных стран к арктическому региону повышается с каждым новым заявлением о резком изменении климата и таянии ледников Северного Ледовитого океана. Помимо угроз, связанных с экологической обстановкой в арктической зоне, желание участвовать в изучении и разработке прибрежных шельфов, потенциальная возможность активно использовать морские пути региона как арктическими, так и неарктическими государствами, создает угрозу безопасности стран Северной Европы. Под критерии прибрежных государств, которые, в случае эскалации напряженности будут находиться в эпицентре регионального конфликта в Арктике, подпадают Норвегия и Дания, именно поэтому анализ уровня военной безопасности этих двух стран является актуальной темой для научной работы.

Статус «прибрежных государств»: внутренние морские воды и территориальное море (12 морских миль), право вести хозяйственную деятельность в их исключительных экономических зонах (200 миль), также право на разведку и разработку континентального шельфа делают Норвегию и Данию весомыми игроками на арктической арене. Однако, отсутствие военных кораблей, сконструированных и оборудованных

для плавания в арктических льдах, отсутствие частей ВДВ [1], делает из прибрежных стран уязвимую цель для потенциальных агрессоров.

По заверению заместителя помощника Госсекретаря США по вопросам исследования океанов, международным природоохранным и научным делам Дэвида Балтона, вероятность военного конфликта между РФ и США в арктическом регионе маловероятна. Однако, на фоне усиления конфронтации между Россией и Западом и изменения климатической обстановки в регионе, вопрос обеспечения безопасности прибрежных стран является актуальным, но прийти к необходимому уровню обороноспособности государственных границ и зон исключительных экономических интересов в условиях низких температур — нелегкая задача [2]. В данной статье рассматриваются норвежский и датский подходы к новым вызовам военной безопасности в арктическом регионе.

КОНЦЕПЦИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НОРВЕГИИ

Роль Норвегии в процессе эскалации напряженности в арктическом регионе является ключевой, так как она является активным защитником интересов Североатлантиче-

ского альянса в Арктике и имеет водную и сухопутную границы с Россией [3].

Военная стратегия Осло на Крайнем Севере была впервые определена в декларации норвежского правительства по вопросам внешней политики от 4 февраля 2007 года (The Soria Moria declaration on international policy). В этом документе ставилась задача «усилить норвежское военное присутствие и укрепить суверенитет на Севере, включая постоянную готовность норвежских вооруженных сил к чрезвычайным ситуациям экологического характера, а также укрепление потенциала Службы береговой охраны по контролю за природными ресурсами и готовности к чрезвычайным ситуациям». Позднее, декларация получила свое развитие и дополнялась в 2009 и 2014 гг., вопросы безопасности и норвежского суверенитета в Арктике оставались приоритетными.

Стоит отметить, что смещение акцента норвежской военной стратегии на Арктику привело к передислокации штабов ВС Норвегии на север. В августе 2009 г. штаб оперативного командования ВС был перенесен из Ятты (Jättå) на юге страны в Рейтан (Reitan), базирующийся в окрестностях Бодэ в Заполярье. Тем самым, Норвегия стала первой страной, разместившей командование ВС в арктических широтах. Последние обзоры военной активности показывают, что основное внимание уделено самой северной области Финмарк, где Норвегия граничит с Мурманской областью РФ [4].

Сотрудничество Норвегии и России в Арктике выстраивалось постепенно. Знаменательным событием стало заключение соглашения в 2010 г. между двумя странами об окончательной делимитации в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане после 40 лет переговоров. Решения вопроса границ способствовал сотрудничеству двух стран, но с началом украинского кризиса, который совпал с приходом к власти ново-

го норвежского правительства (Консервативной партией и Партией прогресса), сотрудничество в первую очередь в военной сфере, было заморожено. В сложившейся нестабильной ситуации, норвежские консерваторы решили внести поправки в военную политику, которые в значительной степени были сосредоточены на активизации в Арктическом регионе, что наблюдается до сих пор.

Норвегия является проводником интересов стран Запада в Арктике, в свою очередь это подразумевает жесткую позицию во внешней политике государства в регионе относительно попыток других прибрежных арктических государств разработать механизмы использования ресурсов континентального шельфа. Политика Осло также направлена на восстановление сплоченности НАТО в период продолжающегося кризиса, который связан не только с неопределенностью в отношении политики России, но и с углублением разногласий внутри НАТО после критики альянса со стороны американского Президента Дональда Трампа.

С 2006 г. норвежские и другие союзнические войска НАТО проводят двухгодичные широкомасштабные учения «Холодные вызовы» в северной части Норвегии. Они направлены на неспецифические угрозы в холодных условиях, и являются хорошим тренировочным лагерем для подготовки потенциальных арктических операций [5]. В 2013, 2015 и 2017 гг. Норвегия была ведущей страной крупных военных учений на севере Скандинавии, «Arctic Challenge» в непосредственной близости от российских границ. Двухстороннее сотрудничество Норвегии и США в военном вопросе также накладывает свой «отпечаток» на российско-норвежские отношения, так в июне 2017 г. было объявлено о расширении военного сотрудничества Норвегии и США. Согласно информации новостного портала

“SOFREP”, проведение на территории Норвегии учений американских морских пехотинцев продлятся до конца года. Российское посольство в Осло выразило озабоченность по данному вопросу, но реакции со стороны норвежского МИДа не последовало.

Анализируя обзор военной стратегии «Норвежские вооруженные силы в переходный период», представленный Правительством Норвегии в 2016 г., можно сделать вывод, что акцент с единственного потенциального агрессора (России) смещается на построение обороноспособности своих границ от любых возможных угроз, в силу нарастающего конфликта интересов не только между Россией и Западом, но и остальных приактических государств. По заявлениям официальных представителей власти Норвегии прослеживается стремление избегать открытых конфликтов с Россией и стараться снизить напряженность в отношениях после очередной активности натовского контингента. Так, Премьер-министр Норвегии Эрна Сульберг выразила позицию правительства о том, что оно уведомляет Москву о любых военных учениях, которые собирается проводить, а также выражает надежду на низкий уровень напряженности в регионе и минимальное военное присутствие.

КОНЦЕПЦИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДАНИИ

Позиционируя Данию как арктическое государство, в первую очередь стоит отметить, что речь идет об автономии на острове Гренландия. Именно Гренландия, является фактором, за счет которого Данию можно причислить к арктическим государствам наравне с Норвегией. Остров представляет интерес не только для научных исследований и добычи полезных ископаемых, но и в качестве опорного пункта для возможной передислокации вооруженных сил страны,

что отображено в стратегических соображениях построения обороны в Арктике.

Доктринальные основы арктической стратегии Копенгагена, включая ее военный компонент, были определены в Стратегии Королевства Дания в отношении Арктики на 2011–2020 гг. В качестве основных направлений деятельности Дании стратегия устанавливает:

- обеспечение мирной, защищенной и безопасной Арктики (приоритетное использование норм международного права, усиление безопасности судоходства, осуществление суверенных прав);
- достижение самообеспеченного роста и развития (применение наивысших стандартов при разработке месторождений, использование возобновляемых источников энергии, устойчивая эксплуатация биоресурсов, рост и развитие на основе научных данных, активное вовлечение в международную торговлю);
- содействие развитию при бережном отношении к климату, окружающей среде и природе Арктики (расширение знаний о последствиях изменения климата, защита природной среды и биоразнообразия);
- тесное международное сотрудничество с иностранными партнерами (поиск глобальных решений для глобальных вызовов, расширение регионального сотрудничества, обеспечение национальных интересов на двусторонней основе).

Помимо общей стратегии, вопросы безопасности были рассмотрены в оборонном соглашении на 2010-2014 гг., где основное внимание уделялось рационализации существующих командных структур путем слияния командования Фарерских островов и командования Гренландии в общее арктическое командование со штаб-квартирой в Нуук (Гренландия). Это также привело к ряду инициатив, направленных на охрану окружающей среды на море.

В дополнение, в 2012 г. было разработано оборонное соглашение на 2013-2017 гг., в котором также акцентировалось внимание на Арктике. Соглашение предполагает широкие инвестиции в обороноспособность Гренландии вовлечение местного населения в деятельность Вооруженных сил. 8 декабря 2016 года датское правительство, социал-демократы, датская социал-либеральная партия и датская народная партия заключили соглашение об укреплении будущих миссий и задач Министерства обороны Дании в Арктике. Вместе с соглашением был обнародован ряд рекомендаций правительства.

Основными рекомендациями является оптимизации имеющихся возможностей, а не приобретение новых единиц военной техники, таких как дополнительные суда и летательные аппараты, увеличение финансирования на наблюдение, коммуникации и поисково-спасательные подразделения. Премьер-министр Ларс Локке Расмуссен обещал выделить 800 миллионов крон на расходы по обеспечению безопасности в 2017 г., пишет агентство Bloomberg, однако дефицит бюджета в Дании уже близок к бюджетным ограничениям ЕС и увеличение расходов на оборону не пройдет незаметно.

Повышение налогов с самым высоким уровнем налогообложения в Европе вызовет массу протестов, что делает 2% требование НАТО тяжелым бременем для страны, а решение разделить ответственность вместе с Норвегией за размещение натовского военного контингента для «сдерживания» России, сталкивает датское правительство с Москвой.

Второй отличительной чертой после автономности Гренландии и Фарерских островов, является членство ЕС. Когда число постоянных наблюдателей было значительно увеличено на саммите Арктического совета

в Кируне в 2013 г., заявление ЕС было заблокировано по разным причинам — как Канадой, так и Россией. Как и в случае с НАТО, роль ЕС в Арктике также может стать раздражительным фактором по отношению к России. Восприятие Россией статуса ЕС кардинально изменилось после введения санкций, поэтому любые попытки Дании включить ЕС в переговорный процесс по вопросам обеспечения безопасности в арктическом регионе может добавить напряженности в российско-датские отношения. Тем не менее, датские политики признают, что Россия в значительной степени действует прагматично в Арктике, особенно в ситуациях потенциального двустороннего разногласия — например, о территориальных претензиях в Северном Ледовитом океане.

Проанализировав основные документы, касающиеся военной безопасности двух стран, были выделены их позиции по нескольким направлениям:

Отношения с США: Королевства Норвегии и Дании входят в НАТО, имеют прибрежные территории в арктическом регионе и оба представляют интерес для США в вопросе построения противоракетной обороны. Дания и Норвегия фактически входят в НОРАД, которая обеспечивает противовоздушную и противоракетную оборону США и Канады на северном направлении. Эта инфраструктура традиционно связана с российско-американским ракетно-ядерным сдерживанием, продолжающимся со времен холодной войны [6]. Норвегия играет ведущую роль в крупных военных учениях на севере Скандинавии и тесно сотрудничает в военных вопросах с США. Основная задача военных сил Норвегии заключается в мониторинге воздушных и морских пространств арктического региона. Для реализации этой задачи, норвежским Министерством Обороны было при-

обретено пять новых морских патрульных самолетов P-8 Poseidon у компании Boeing. По сообщению Министра Обороны Инне Эриксона Шрейде (Ine Eriksen Søreide), самолеты будут стратегическим активом не только для Норвегии, но и для Соединенных Штатов. Это один из нескольких способов, с помощью которых Норвегия вносит вклад в коллективную безопасность НАТО.

Дополнительно, в ноябре в Норвегию придут первые истребители F35, с осени прошлого года норвежские летчики тренировались на авиабазе Люка в Аризоне, изучая новый самолет.

Размещение американских морских пехотинцев в Норвегии, приобретение американских самолетов и дальнейшее расширение ротационного взаимодействия подтверждает отмеченную в концепции военной безопасности Норвегии тенденцию выступать «северным форпостом» как НАТО, так и США в частности.

Дания принимает активное участие в военных учениях в арктическом регионе и сотрудничает с США в рамках НАТО. Альянс является главной опорой для обеспечения безопасности страны, помимо имеющихся обязательств, новое правительство объявило, что намеревается значительно увеличить расходы на финансирование в предстоящем многолетнем соглашении по обороне 2018-2022 гг. На национальном уровне политические переговоры с целью достижения этой цели и содействия коллективу безопасности Североатлантического союза уже ведутся. Согласно опросам Датского института международных исследований, дополнительные расходы на оборону будут приняты датчанами негативно, что вынуждает правительство Дании искать альтернативные выходы заручиться поддержкой в первую очередь США в вопросах безопасности. Таким выходом представляется Гренландия, для США остров

всегда представлял интерес с точки зрения обеспечения собственной безопасности. Однако, потеря доверия со стороны гренландского правительства к Дании, его желание провозгласить суверенитет, а также острый интерес Китая увеличить свое присутствие за счет инвестиций в Гренландию, мешают использовать «гренландскую карту» [7] в решении вопросов безопасности арктического региона.

Таким образом, заявленная в оборонном соглашении на 2013-2017 гг. задача инвестировать в безопасность в Гренландию не возымела должной реализации в силу ухудшений взаимоотношений Дании и Гренландии, новое соглашение будет разработано с учетом сложившейся ситуации, есть повод полагать, что Гренландия останется главным вопросом обеспечения безопасности в арктическом регионе.

Отношения с ЕС: Через все основные документы по безопасности Норвегии прослеживается намерение улучшить взаимодействие ЕС с НАТО, главными направлениями в этом процессе являются развитие отношений с отдельными членами Евросоюза в вопросах безопасности, содействие укреплению потенциала гражданского и военного кризисного управления в Европе, эффективному контролю за внешними границами, тесное сотрудничество полиции и разведки, а также меры по борьбе с радикализацией и интеграцией.

Для Норвегии Европа — это место, где закладывается экономическая основа безопасности и благосостояния страны, поэтому принято считать, что внешняя политика Норвегии начинается в Европе, и Министерство обороны Норвегии имеет долгосрочные проекты с европейскими странами, например такие, как постройка подводных лодок. Нынешний подводный флот Норвегии, класс ULA, достигнет своего лимита срока эксплуатации к 2028 г., в этой связи плани-

руется приобрести новые подводные лодки, которые будут готовы к 2026 г., желание сотрудничать выразила французская сторона.

НАТО, ЕС, ОБСЕ и Совет Европы составляют краеугольные камни европейской архитектуры безопасности. Норвегия участвует во всех этих организациях. Однако не являясь членом ЕС, она не может на прямую влиять на арктическую стратегию Евросоюза. Поэтому Норвегия делает акцент на двухстороннем сотрудничестве. Говоря об арктическом регионе, в первую очередь речь идет о членах ЕС Швеции и Финляндии. Помимо двухсторонних отношений для кооперации в регионе было создано Североευропейское оборонное сотрудничество (NORDEFCO), куда также входит Дания и Исландия [8].

Несмотря на то, что Королевство Дания выступает представителем интересов ЕС в Арктической пятёрке стран, вопросы безопасности датское правительство предпочитает обсуждать в рамках НАТО и двухсторонних переговорах. В оборонном соглашении 2013-2017 гг. аббревиатура НАТО упоминается 29 раз, когда ЕС только единожды в обеспечении безопасности радио служб. Также стоит отметить, что Дания еще в 1993 г. проголосовала против включения в процесс построения совместной обороны Союза и не может участвовать в «разработке и осуществлении решений и действий Союза, имеющих оборонные последствия». На практике это означает, что Дания не может участвовать в военных операциях ЕС или в сотрудничестве по разработке и приобретению военного потенциала в рамках ЕС, также Дания не участвует в принятии каких-либо решений или планировании в этом отношении, что уравнивает ее с Норвегией.

Позиция европейского сообщества по вопросам безопасности в Арктике проявляется слабо, ЕС продолжает развиваться

как актор безопасности, особенно после Лиссабонского договора, расширяя свои возможности комплексного планирования безопасности в последние годы. Договор включает положения о взаимопомощи и солидарности, а также способствовало развитию общей политики безопасности и обороны (CSDP), но пока ни одна из проведенных операций под руководством данной инициативы не была направлена на арктический регион, в ЕС сферу безопасности в Арктике только начинают обсуждать.

Отношения с Россией: После присоединения Крыма все наработки в сотрудничестве по безопасности между Норвегией и Россией были заморожены, несмотря на это, прослеживается стремление избегать открытых конфликтов с Россией и стараться снизить напряженность в отношениях. В любом случае, Россия является потенциальным «агрессором» номер один в регионе и обязательства перед НАТО вынуждают Норвегию усиливать свое присутствие на северном направлении, тем самым обостряя российско-норвежские отношения, даже учитывая мнение, высказанное в обзорной военной стратегии Норвегии 2016 г., о том, что акценты смещаются, идет построение защиты от любых угроз, проявление военной активности в непосредственной близости от российской границы будет беспокоить Москву не меньше [9].

На данный момент, в Арктике поддерживаются прямые линии связи между норвежскими и российскими вооруженными силами, сотрудничество между береговой охраной и пограничниками, поисково-спасательное сотрудничество. Норвежская и российская береговая охрана работают конструктивно вместе в таких областях, как управление рыболовством, поиск и спасение в море.

Для датского правительства одной из приоритетных задач является поддержание диалога и сотрудничества с всеми странами

ми, в том числе Россией, по вопросам безопасности в Арктике [10]. Основной упор приходится на Илулисатскую декларацию, призванную сохранить Арктику как регион с низким напряжением. Дания отмечает, что Россия привержена к этой декларации и выражает надежду, на дальнейшее избегание конфликтов. Претензии на континентальный шельф будут решаться в правовом русле, как видно из позиций двух сторон, а совместные учения в рамках НАТО несет косвенное влияние на российско-норвежские отношения. Согласно изданной датским правительством в июне 2017 г. политике безопасности и международных отношений, Дания усилит свое посольство в Москве для обеспечения интересов в отношении политики безопасности в Арктике, что говорит о возможном налаживании отношений и транспарентности в арктическом регионе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таяние льдов, увеличение периода навигации, новые возможности добычи полезных ископаемых в Арктике — все это заставляет всерьез обратить внимание на суровый регион и начать планомерно его осваивать. В силу своего географического положения, прибрежные государства имеют большие предпочтения с этого процесса, но для активного участия в освоении необходимо защищать и продвигать свой статус арктического государства, чем в последнее время занимается Норвегия и Дания.

Без помощи НАТО ни Норвегия, ни Дания не смогут обеспечить обороноспособность прибрежных территорий в полной мере. Норвежские вооруженные силы не обладают достаточными вооруженными единицами для патрулирования прибрежных районов — как с воздуха (без недавних приобретений эта задача выполнялась всего шестью морскими наблюдательны-

ми самолетами С-3 Ориона), так и с моря (в распоряжении Береговой охраны Норвегии — 15 кораблей, большинство из которых на службе уже более 30 лет). Проблемы связаны также с тем фактом, что норвежские военные претерпели значительное сокращение в предыдущие годы и некоторые должности в профессиональной военной службе остаются вакантными. Для проведения реформ по данным направлениям необходимы ощутимые финансовые вложения, однако требование НАТО ввести в 2014 г. норму минимальных военных расходов для членов альянса (2% от ВВП), которую Норвегия одна из немногих выполняет в полном объеме, не оставляет альтернатив норвежскому правительству, кроме как рассчитывать на наговские войска. В дополнение, эксплуатация обновленного воздушного флота подразумевает значительные расходы, если речь идет о постоянном мониторинге морских пространств.

В Дании нет отдельной береговой охраны, ее функцию выполняют датские вооруженные силы. Постоянный арктический потенциал Вооруженных Сил состоит из двух кораблей инспекции класса Thetis с вертолетами Lynx на борту, двух военных судов класса Knud Rasmussen, одного патрульного резака класса Agdlek (который, согласно отчету Министерству обороны Дании, вскоре будет заменен на судно класса Knud Rasmussen), который патрулирует только небольшой участок восточной части Гренландии, что говорит об ограниченности в функционале датских вооруженных сил. Помимо НАТО, Дания представляет интересы ЕС и это накладывает двойную ответственность за сохранение мирного сосуществования как с соседями, не входящими в блок НАТО, так и скептически настроенным к ЕС Норвегии и Канаде, не говоря уже о российско-датских отношениях по арктическим вопросам.

Для России точечная милитаристская активность в виде закупок новых самолетов для береговой охраны Норвегии или обновление патрульных кораблей Дании не играет весомую роль, однако совместные учения НАТО и постепенное стягивание систем ПРО у российских границ вызывает закономерную обеспокоенность Москвы. Защита северных границ является весьма чувствительным вопросом для России, относительно быстрый и доступный способ нанести ракетные удары по территории страны через северные широты обуславливает высокий уровень обороноспособности, к которому российские вооруженные силы только стали приближаться за последние годы.

Дания и Норвегия стремятся лишиться раз не провоцировать Россию своими действиями в арктическом регионе, однако натовский блок имеет определенные планы на прибрежные государства и не собирается их менять. Несомненно, американский президент Дональд Трамп своими заявлениями о нецелесообразности финансирования НАТО за счет американского бюджета «растворил» уверенность в рядах альянса, но за неимением возможности обеспечить обороноспособность своими силами, по крайней мере, в ближайшее время, а также в связи с отсутствием каких-либо эффективных во-

енный союзов Северной Европы, скандинавские приграничные государства вынуждены принимать агрессивно настроенную военную политику НАТО, что негативно воспринимается как жителями Гренландии, так и норвежскими северными губерниями Трумс и Финмарк.

Говоря о климатической обстановке, стоит отметить, что реальные изменения разняться с ожиданиями от данных изменений и в большей степени заявления ученых о резком потеплении и таянии ледников искусственно «раздуты» СМИ. Информация о долгосрочных перспективах продвигает развитие судостроения, навигационных систем, разработку экипировки для жизнедеятельности в условиях крайнего севера. Последние успешные учения по запуску ракеты «Булава» на Северо-Западе России с ядерной подлодки «Юрий Долгорукий», которая поразила цель на другой стороне страны, разработка универсального многоцелевого патрульного корабля арктической зоны проекта «23550», заказанного специально для ВМФ России, высадка российских военных парашютистов за полярным кругом — все это лишний раз доказывает серьезные намерения России закрепиться в регионе. Суровые климатические условия играют все меньшую роль в достижении данной цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wezeman S. T. Military capability in the Arctic: a new cold war in the high north? Stockholm: SIPRI Background Paper; 2016. pp 12-13.
2. Зонн И. С., Жильцов С. С. Арктическая гонка: захватить и разбудить. Москва: Восточная книга; 2013. 264 с.
3. Жильцов С. С. Основные этапы политики России в Арктике. В: Материалы XI Международной научной конференции «Современные проблемы использования потенциала морских акваторий и прибрежных зон» (Москва); 26 марта 2015 г.; Москва. Московский университет им. Витте; 2015. с. 22-37.
4. Семенов А. В., Жильцов С. С., Зонн И. С., Костяной А. Г. Арктическая геополитика и интересы России. *Образовательные ресурсы и технологии*. 2014; 5:3-13.
5. Saxi H. L. Norwegian and Danish Defence Policy in the Post-Cold War Period: A Comparative Study. Oslo: Department of Archaeology, Conservation and History University of Oslo; 2009. pp. 73-80.

6. Steinberg P. E., Tasch J. T., Hannes G. M. Contesting the Arctic: Rethinking Politics in the Circumpolar North. Oslo: I.B.Tauris & Co Ltd.; 2015. pp. 87-90.
7. Henriksen A. B.; Rahbek-Clemmensen J. N. The Greenland Card: Prospects for and Barriers to Danish Arctic Diplomacy in Washington. *Danish Foreign Policy Yearbook*. 2017;1:75-98.
8. Konyshov V. N. Contemporary military strategy of Norway in the arctic and the security of Russia. *National Interests: Priorities and Security*. 2017;2(13):353–368.
9. Жильцов С. С., Зонн И.С. Политика России в Арктике: современный этап. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология*. 2015;2:7-22.
10. Pezard St. Maintaining Arctic Cooperation with Russia Planning for Regional Change in the Far North. Santa Monica: RAND Corporation; 2017. pp. 50-59.

REFERENCES:

1. Wezeman S. T. Military capability in the Arctic: a new cold war in the high north? Stockholm: SIPRI Background Paper; 2016. pp. 12-13.
2. Zonn I. S., Zhiltsov S. S. Arctic Rush: Grab and Drill. Moscow: Vostochnaya Kniga; 2013. 264 p. (In Russ.)
3. Zhiltsov S. S. Main Stages of the Russia's Policy in Arctic. In. Proceedings of the XI International Scientific Conference "Modern Issues of Managing the Potential of Offshore and Coastal Zones (Moscow); March 26, 2015; Moscow. Moscow Vitte University; 2015. Pp. 22-37. (In Russ.)
4. Semenov A. V., Zhiltsov S. S., Zonn I. S., Kostianoy A. G. Arctic Geopolitics and Interests of Russia. *Educational Resources and Technologies*. 2014;5:3-13. (In Russ.)
5. Saxi H. L. Norwegian and Danish Defence Policy in the Post-Cold War Period: A Comparative Study. Oslo: Department of Archaeology, Conservation and History University of Oslo; 2009. pp. 73-80.
6. Steinberg P. E., Tasch J. T., Hannes G. M. Contesting the Arctic: Rethinking Politics in the Circumpolar North. Oslo: I.B.Tauris & Co Ltd.; 2015. pp. 87-90.
7. Henriksen A. B.; Rahbek-Clemmensen J. N. The Greenland Card: Prospects for and Barriers to Danish Arctic Diplomacy in Washington. *Danish Foreign Policy Yearbook*. 2017;1:75-98.
8. Konyshov V. N. Contemporary military strategy of Norway in the arctic and the security of Russia. *National Interests: Priorities and Security*. 2017;2(13):353–368.
9. Zhiltsov S. S., Zonn I. S. Russia' Policy in Arctic: Modern Stage. *Proceedings of the Peoples' Friendship University of Russia. Series Politology*. 2015;2:7-22. (In Russ.)
10. Pezard St. Maintaining Arctic Cooperation with Russia Planning for Regional Change in the Far North. Santa Monica: RAND Corporation; 2017. pp. 50-59.

.....
Статья получена 08.10.2017

Received 08.10.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Игорь С. Дорошенко, Аспирант, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119992, Россия, Москва, Остоженка, д. 53/2;
is.doroshenko@gmail.com

Igor S. Doroshenko, Post-Graduate Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostogenka str., Moscow, Russia, 119992; is.doroshenko@gmail.com

Внешняя политика и экономика Словакии: российский вектор

Гопта Иво

*Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,
ivohopta@gmail.com*

Аннотация: Прочные узы сотрудничества и кооперации, которые формируются на протяжении нескольких десятилетий вначале в формате Чехословакия – Россия, а после «бархатного развода» и обретения Словакией независимости и суверенитета в 1993 г. — в формате Словакия – Россия доказывают, что Россия была и до сих пор остается стабильным, надежным и стратегически важным партнером Словакии. Не только в областях внешней политики и дипломатии, хозяйственно-экономического сотрудничества, образования, культуры, но и в сфере энергетики и неправительственных организаций.

В статье анализируется внешнеполитическое и экономическое сотрудничество Словакии и России, при этом учитываются трансформации, происходящие сегодня на международной арене. В частности, большое внимание уделяется позиции Словакии по крымскому вопросу и проблеме антироссийских санкций, которые в последние годы относятся к наиболее обсуждаемым темам в отношении не только европейских политических структур, но и государств-членов ЕС, в т. ч. Словакии. Автор доказывает, что введенные в 2014 г. Западом антироссийские санкции, которые ежегодно продлеваются, спустя три года показали свою бессмысленность и контрпродуктивность, так как их основная цель — загнать Россию в угол международной арены — не была достигнута. Долгосрочное «замораживание» политических и экономических отношений Запада с Россией, наоборот, нанесло существенный ущерб государствам-членам ЕС, в том числе и Словакии, которая выступает субподрядчиком крупных государств. Негативное влияние антироссийских санкций и последующее введение Россией ответных санкций негативно сказались на экономике Словакии, в первую очередь по причине «вынужденного» сокращения словацкого экспорта в Россию. Поэтому не удивительно, что словацкое правительство крайне обеспокоено сложившейся ситуацией и официально выражает заинтересованность в полной отмене или хотя бы частичном смягчении антироссийских санкций.

Анализируя сложившуюся ситуацию, автор также обращает внимание на личностный фактор, который оказывает непосредственное влияние на формирование внешнеполитического направления Словакии по отношению к России. Анализ подкрепляется высказываниями высокопоставленных политических деятелей и представителей политических сил Словакии.

Ключевые слова: антироссийские санкции, внешняя политика, экономика, Россия, Словакия, сотрудничество

Для цитирования: Гопто И. Внешняя политика и экономика Словакии: российский вектор. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(4):347-355. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-347-355

Foreign Policy and Economy of Slovakia: the Russian Vector

Hopta Ivo

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
ivohopta@gmail.com*

Abstract: The lasting ties of cooperation and cooperation that have been formed for several decades in the Czechoslovakia-Russia format, and after the «velvet divorce» and Slovakia's independence and sovereignty in 1993 - in the format Slovakia-Russia prove that Russia has been and still is remains a stable, reliable and strategically important partner of Slovakia not only in the areas of foreign policy and diplomacy, economic and economic cooperation, education, culture, but also in the energy and non-governmental organizations.

The article analyzes in detail the foreign political and economic cooperation of Slovakia and Russia, while taking into account the transformations taking place today in the international arena. In particular, special attention is paid to the position of Slovakia on the Crimean issue and the problem of anti-Russian sanctions, which at the moment are among the most discussed topics regarding not only European political structures, but also EU member states, including Slovakia. The author proves that the anti-Russian sanctions introduced by the West in 2014 and annually prolonged, after three years showed their senselessness and counterproductive nature, since their main goal - to drive out Russia into the corner of the international arena - was not achieved. The long-term «freezing» of political and economic relations between the West and Russia, on the contrary, caused significant damage to EU member states, including Slovakia, which is a subcontractor of large states. The negative impact of anti-Russian sanctions and the subsequent imposition of retaliatory sanctions on Russia adversely affected the Slovak economy, primarily because of the «forced» reduction in Slovak exports to Russia. Therefore, it is not surprising that the Slovak government is extremely concerned about the current situation and officially expresses interest in the complete cancellation or at least partial easing of anti-Russian sanctions. Analyzing the current situation, the author also draws attention to the personal factor that directly influences the formation of the foreign policy direction of Slovakia in relation to Russia. The analysis is supported by statements of high-ranking political figures and representatives of political forces of Slovakia.

Keywords: Anti-Russian Sanctions, Cooperation, Economy, Foreign Policy, Russia, Slovakia

For citation: Hopta I. Foreign Policy and Economy of Slovakia: the Russian Vector. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(4):347-355. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-347-355

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития международных отношений в условиях продолжающейся глобализации выработка концепции внешней политики и ее последующая реализация играет стратегически важную роль в жизни любого государства. Во внешнеполитической концепции заложены не только фундаментальные ценности и интересы государства, определены его основные внешнеполитические цели, направления и задачи, но и отображена система взглядов государства на постоянно меняющийся мир. Поэтому не удивительно, что многие страны уделяют своей внешней политике большое внимание. Так, Словакия и Россия являются государствами, объединенными не только общностью историко-культурного наследия, но и географической и языковой близостью, что способствует созданию благоприятных условий для реализации взаимодействия и сотрудничества в разных областях.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАК СФЕРА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ СЛОВАКИИ И РОССИИ

Взаимоотношения между этими двумя народами начали формироваться еще в послевоенный период, когда страны являлись составной частью других государств — Чехословакия и СССР. Официальной датой установления дипломатических отношений между Словакией и Россией можно считать день образования Словакии — 1 января 1993 г. Отправной точкой налаживания взаимных двусторонних отношений стало подписание 26 августа 1993 г. президентами М. Ковачем (Словакия) и Б. Н. Ельциным (Россия) «Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Словацкой Республикой». В данном документе, указывалось, что «договаривающиеся Стороны будут развивать свои отношения как дружественные госу-

дарства, сотрудничающие в духе взаимного уважения, взаимопонимания и партнерства, последовательно руководствоваться принципами суверенного равенства, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, территориальной целостности, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела, соблюдения прав человека и основных свобод равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, добросовестного выполнения обязательств по международному праву» [1].

Таким образом, Словакия с самого начала своего существования понимала, что нельзя исключать Россию из процесса формирования своей внешней политики, европейские и трансатлантические векторы которой стали приоритетными во внешнеполитической стратегии новообразованного государства. Тем более, что Словакия на протяжении многих лет была стабильным, надежным и стратегически важным партнером России в области внешней политики и дипломатии, хозяйственно-экономического сотрудничества, образования, культуры и в других сферах. Это подтверждается и тем фактом, что только до 1995 г. словацко-российские отношения развивались на основе 55 международных соглашений, а также 112 соглашений, действовавших со времен единого федеративного государства чехов и словаков — Чехословакии [5].

На современном этапе взаимные двусторонние отношения между Словакией и Россией в области внешней политики и дипломатии характеризовались разной степенью интенсивности и динамичности. Они зависели от внутренних (внутриполитическая обстановка в стране и связанная с ней расстановка политических сил, экономическое состояние государства и др.) и внешних факторов (политические, экономические кризисы, трансформации на международной арене).

Словакию всегда можно было считать более лояльной по отношению к России по сравнению с другими государствами Европы. Однако это не означает, что Словакия всегда занимала пророссийские позиции. Одним из наиболее удачных примеров можно считать период нахождения у власти первого премьер-министра Словакии В. Мечьяра¹. В отличие от других политиков Европы, он выдвигал идеи о необходимости создания политического моста между Востоком и Западом. Он подчеркивал, что Словакия является славянским государством и поэтому должна строить продуктивные отношения не только с западными, но и с восточнославянскими странами, в том числе, с Россией. В данный период Словакия считалась одним из последних европейских союзников России, из-за чего бывший министр иностранных дел и государственный секретарь США М. Олбрайт публично назвала ее «черной дырой на карте Европы» [7]. Из-за интенсивности двусторонних отношений с Россией, Словакия была исключена из «очереди» на вступление в НАТО [2]. Резкой реакцией на это стало заявление В. Мечьяра, который сказал: «Если нас не хотят на Западе, пойдем на Восток» [6].

В настоящее время в Словакии и в России можно найти немало политических деятелей, которые с уважением и пониманием относятся друг к другу. К таким политикам можно отнести действующего премьер-министра Словакии, председа-

теля словацкой правящей политической партии «Направление — социальная демократия» Р. Фицо². Именно он стал в свое время первым европейским политиком, возложившим на Грузию ответственность за кровопролитие в российско-грузинском конфликте в 2008 г. Тогда Фицо заявил, что «государства-члены ЕС, которые признали суверенитет Косово, должны иметь очень убедительные аргументы, чтобы объяснить разницу между провозглашением независимости Косово³, с одной стороны, и Абхазией и Южной Осетией, с другой. Нельзя упускать из виду негативную роль Грузии в этом конфликте, тем более, что речь идет о провокациях и других негативных актах грузинской стороны».

Свои симпатии к России Р. Фицо — один из самых расположенных к России политиков на всем пространстве ЕС — не скрывал и в 2015 г., когда, несмотря на предупреждения со стороны США и ЕС, посетил Москву и присутствовал на параде Победы на Красной площади. Своим политическим шагом Р. Фицо дал понять всему миру, что, являясь членом ЕС и НАТО, Словакия не теряет историческую память и чтит своих освободителей — солдат Красной армии, патриотов мирного человечества, которые стояли насмерть перед лицом смерти и своим героическим подвигом внесли не-

¹ Владимир Мечьяр (*1942 г.) — словацкий политик, государственный деятель, юрист. В. Мечьяр был одним из главных инициаторов разделения Чехословакии. В. Мечьяр являлся первым и третьим премьер-министром Словакии в 90-х годах XX века. Долгие годы занимал пост депутата Национального совета СР. В 1999 г. и 2004 г. баллотировался на пост президента СР, но безуспешно. В период 1991–2013 гг. являлся председателем ДЗДС. В 2013 г. ушел из политики. В. Мечьяр получил множество международных премий и наград, является также почетным доктором Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

² Роберт Фицо (*1964 г.) — словацкий политик, юрист, государственный деятель, действующий премьер-министр СР. В 1992 г. стал депутатом Словацкого национального совета. С 1993 г. по 2005 г. непрерывно занимал пост депутата Национального совета СР. Р. Фицо много лет представлял Словакию в Европейском суде по правам человека. В период 2006–2010 гг. занимал пост премьер-министра. После небольшого перерыва в 2012 г. опять стал премьер-министром СР и занимает эту должность до настоящего времени. В 2014 г. безуспешно баллотировался на пост президента СР.

³ Словакия совместно с Грецией, Испанией, Кипром и Румынией являются единственными государствами из всех членов ЕС, которые отказались признать независимость Косово.

оценимый вклад в борьбу с фашистской чумой. Подтверждением тому, что словаки помнят и чтят подвиг советских солдат при освобождении государства от нацистов, является и факт, что на территории Словакии находится немало кладбищ, на которых похоронены советские воины, погибшие при освобождении Чехословакии. Следует добавить, что словаки, в отличие от некоторых народов Восточной Европы, бережно ухаживают за могилами своих освободителей.

Словакия и Россия осуществляют по отношению друг к другу реалистичную сбалансированную и прагматическую внешнюю политику, направленную на развитие взаимовыгодных политических, экономических отношений, углубление культурных и другого рода связей, взаимопонимания и взаимоуважения. Словацко-российские отношения характеризуются высоким уровнем политического диалога, о чем свидетельствует и высокая интенсивность осуществления взаимных официальных и неофициальных визитов не только высокопоставленных политиков, сотрудников министерских ведомств, деятелей и представителей политических сил, чиновников разного уровня, но и представителей организаций, объединений и сообществ.

Словакия, осознавая, что не является государством геополитического значения с весомым влиянием на международной арене, как, например, Россия или США, и находясь на перекрестке интересов Запада и Востока, пытается осуществлять такую внешнюю политику, которая была бы направлена на взаимовыгодное сотрудничество и в то же время — на снижение напряжения в международных отношениях. Поэтому словацкое правительство во главе с премьер-министром Р. Фицо осуществляет весьма плодотворную и значимую для обоих государств работу, которая заключается в устранении препятствий и постепенном укрепле-

нии отношений России с ЕС, НАТО, ООН и другими международными организациями, структурами, институтами, объединениями и государствами. В частности, активная и конструктивная внешнеполитическая деятельность Словакии ведется по таким вопросам, как отмена политических, экономических и др. антироссийских санкций; поддержка перспективы визовой либерализации между ЕС и Россией; оказание содействия в выработке некоторых инициатив и резолюций, предложенных в ООН российской стороной (например, относительно прав человека и разоружения); сотрудничество Словакии и России при поддержке своих кандидатов на выборах в органы ООН и других международных организаций и т. д. Таким образом, Словакия и Россия находят друг в друге надежных партнеров по многим внешнеполитическим вопросам.

УКРАИНА: ИСПЫТАНИЕ ДЛЯ СЛОВАЦКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Несмотря на широкий спектр внешнеполитических проблем, в отношении которых Словакия и Россия солидарны, существуют вопросы, по которым позиции обоих государств частично расходятся или не совпадают, — например, крымский вопрос. Конструктивный диалог между Братиславой и Москвой по данному вопросу затруднен и ограничен определенными факторами.

Одним из таких факторов является катализатор этой проблемы — украинский кризис, который перерос из локального в международный. Международный политический климат, который осложнился присоединением Крыма к России, оказал негативное влияние на отношения Запада и России, в том числе и на двусторонние словацко-российские отношения. В соответствии с единой внешнеполитической стратегией ЕС Словакия совместно с остальными государствами-членами ЕС

осудила политические шаги Москвы и подвергла их критике. В своем официальном заявлении Министерство иностранных и европейских дел Словацкой Республики заявило, что Словакия «...не признает результаты референдума в Крыму, который состоялся 16 марта 2014 г., а также его присоединение к Российской Федерации и по-прежнему считает полуостров Крым частью территории Украины в пределах ее международно признанных границ» [3].

Реакцией ЕС на присоединение Крыма к России стало введение антироссийских санкций. Несмотря на то, что с момента принятия этого решения Советом ЕС 17 марта 2014 г. прошло более трех лет, тема антироссийских санкций до сих пор является весьма актуальной и обсуждаемой в ЕС, в т. ч. и в Словакии. Введение антироссийских санкций затронуло словако-российские отношения и представляет собой значительное препятствие для их развития в последние годы. Несмотря на официальную позицию Словакии по крымскому вопросу, которая совпадает с позицией остальных государств-членов ЕС, по вопросу антироссийских санкций Братислава придерживается мнения, что предпринимаемые Брюсселем политические и экономические шаги являются в значительной мере контрпродуктивными и оказывают эффект бумеранга на ЕС. Санкции ЕС не только негативно влияют на экономику России, но и в существенной мере наносят ущерб как крупным государствам-членам ЕС, так и его субподрядчикам, в т. ч. Словакии. Тяжелые экономические последствия, которые испытывают многие словацкие компании, являются закономерным отражением проводимой ЕС антироссийской политики, из-за чего взаимный товарооборот между Словакией и Россией значительно снизился. Поэтому в последнее время на уровне ЕС, а также парламентов и правительств отдель-

ных стран-членов ЕС все чаще поднимается вопрос о неэффективности антироссийских санкций, наносящих существенный ущерб обеим сторонам. К таким государствам можно отнести и Словакию, которая на протяжении всего кризиса высказывает свою критическую точку зрения по данной проблеме.

Ситуация в значительной мере осложняется и действующим постановлением Правительства России, запрещающим поставки отдельных видов продовольственной и сельскохозяйственной продукции из стран ЕС, Норвегии, США, Канады и Австралии в Россию. В связи с этим словацкие предприятия занятые в выращивании фруктов и овощей, производстве молока и молочных продуктов, а также мяса птицы оказались наиболее пострадавшими. Поэтому правительство Словакии крайне обеспокоено проводимой антироссийской политикой ЕС и уделяет вопросу санкций большое внимание.

На разрушительные последствия санкционной войны между Западом (ЕС) и Россией, которая длится уже более трех лет, регулярно указывает словацкий премьер-министр Р. Фицо, заявляя об этом на заседаниях словацкого парламента и в Брюсселе. В Словакии отмечают, что антироссийские санкции являются бессмысленными и недействующими, поэтому страна выступает за их полное или хотя бы частичное снятие. В связи с этим после окончания одного из саммитов ЕС в Брюсселе Р. Фицо задал риторический вопрос: ««Я спрашиваю, имеет ли смысл взаимное санкционирование, если при этом не изменяется отношение наказываемого к вопросам, которые являются предметом наказания?»».

Свою критическую оценку премьер-министр Словакии высказал и по поводу двойных стандартов европейцев. С одной стороны, ЕС намерен поддержать Украину всеми возможными способами и методами, а с другой — дают свободу таким проектам,

как строительство газопровода «Северный поток 2», из-за которого бюджет Украины ежегодно будет терять 3 миллиарда евро.

Таким образом, сложилась ситуация, при которой Словакия пытается быть надежным партнером ЕС и Запада в целом, когда поддерживает единую внешнеполитическую линию ЕС по крымскому вопросу, заключающуюся в отказе признания крымского полуострова российским. В то же время, понимая значимость сохранения экономической выгоды, вытекающей из долготелого взаимного сотрудничества с Россией, Словакия выступает за полную отмену или хотя бы частичное смягчение введенных Западом антироссийских санкций. Чтобы понять причину такого рода политического действия Словакии, нужно учитывать, кроме вышеизложенных фактов, что похожая ситуация может возникнуть и с этническими венграми, живущими на юге Словакии. Несмотря на то, что официальные словацко-венгерские отношения находятся в хорошем состоянии, Словакия придерживается единой внешнеполитической линии ЕС по крымскому вопросу, чтобы в случае возможного нарушения стабильности на международной арене в будущем не допустить развития крымского сценария.

СЛОВАЦКО-РОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Словацко-российские отношения в сфере экономики пока не обладают большим экономическим потенциалом или международным значением. С формальной точки зрения, они представляют собой отношения двух суверенных, независимых и равноправных партнеров, но с содержательной точки зрения, эти отношения никогда не были равными. Это объясняется тем, что Россия может существовать без импорта словацкой продукции и торгового обмена с ней, поскольку словацкий рынок для нее

является незначительным и не представляет особую важность. Однако, принимая во внимание небольшой экономический объем внутреннего рынка Словакии, развитость обрабатывающей промышленности и недостаточную сырьевую базу, экономика Словакии в значительной степени зависит от торговых отношений с другими странами, в том числе с Россией, которая занимает третье место среди главных экономических партнеров Словакии, уступая лишь Германии и Чехии. Таким образом, Россия, являющаяся стратегически важным экономическим партнером Словакии. Согласно отчету о внешней торговле между Россией и Словакией за 2016 год, Россия поставляла в страну энергетическое и минеральное сырье (86,36 %); машины, оборудование и транспортные средства (5,17 %); продукцию химической промышленности (4,93%); металлы и изделия из них (2,65 %) (табл.1).

Экономическое сотрудничество между Словакией и Россией осуществляется на трех приоритетных уровнях: правительственном — деятельность министерских ведомств и торгово-экономических представительств обоих государств; региональном — сотрудничество осуществляется между совместными комиссиями и выбранными субъектами — регионами РФ; корпоративном — налаживание торгово-экономических контактов через различные организации [4].

К одному из наиболее важных инструментов совершенствования и регулирования словацко-российского экономического сотрудничества можно отнести Межправительственную комиссию по экономическому и научно-техническому сотрудничеству между Словацкой Республикой и Российской Федерацией (МПК). В рамках комиссии активно действуют рабочие группы по энергетике; атомной энергетике; туризму; сотрудничеству в области стандартизации,

Таблица 1

Товарооборот России со Словакией в 2016 г.	
Товарооборот России со Словакией	4 162 440 079 долл.
Экспорт России в Словакию	2 497 036 567 долл.
Импорт России из Словакии	1 665 403 512 долл.
Сальдо торгового баланса России со Словакией	831 633 055 долл.
Доля Словакии во внешнеторговом обороте России	0,8899 % (25-е место)
Доля Словакии в экспорте России	0,8746 % (27-е место)
Доля Словакии в импорте России	0,9137 % (26-е место)

Подготовлено на основе данных Внешней Торговли России, 2016 г.

метрологии и оценки соответствия; образованию и военно-техническому сотрудничеству.

Укреплению словацко-российских экономических отношений служит Торговое представительство Российской Федерации в Словакии, основная цель которого заключается не только в представлении и защите государственных интересов РФ в СР, но и в содействии развитию торгово-экономических связей между РФ и СР, отдельными регионами и организациями данных государств. Большой вклад в развитие и укрепление двусторонних словацко-российских экономических отношений вносит и Российско-словацкий деловой совет, объединяющий влиятельных представителей деловых кругов России и Словакии в сфере экономики. Кроме оказания содействия в развитии экономических связей между Россией и Словакией, основная цель этой некоммерческой организации заключается в координации деятельности российских и словацких компаний по реализации инвестиционных и коммерческих проектов. Прежде всего, в энергетике, в области станкостроения, машиностроения и речного судостроения, химической промышленности, в сфере гостиничного и туристического бизнеса и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении истории существования и развития словацко-российских отношений в сфере внешней политики и дипломатии, а также в сфере экономики оба государства осуществляли политику сбалансированных и прагматических двусторонних взаимоотношений, направленных на взаимовыгодное, плодотворное и эффективное сотрудничество. Исторический, политический, экономический и культурный факторы, которые долгие годы связывают два государства, способствуют созданию благоприятных политико-экономических условий для сохранения, укрепления и развития наиболее важных областей, представляющих для этих государств не только собственный, но и общий интерес.

В силу событий последних лет, произошедших на международной арене, Словакии и России приходится постоянно находить эффективные способы и методы преодоления препятствий на пути к взаимовыгодному сотрудничеству. Речь, прежде всего, идет об украинском кризисе, который в настоящий момент можно отнести к самым большим препятствиям развитию взаимных двусторонних словацко-российских отношений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Словацкой Республикой. *Бюллетень международных договоров*. 1996;5:16.
2. Шишелина Л.Н. Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии. Москва: Российская академия наук, Институт Европы; 2010. С. 258.
3. Cestovné odporúčanie — Krym. Bratislava: Ministerstvo zahraničných vecí a európskych záležitostí Slovenskej republiky; 2014. С. 1-2.
4. Drieniková K. Hospodárska a obchodná spolupráca Slovenska s Ruskou federáciou. Bratislava: EKONÓM; 2010. С. 47.
5. Duleba A. Zahraničná politika Slovenskej republiky. Východiská, stav a perspektívy. Bratislava: Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, Friedrich Ebert Stiftung; 1998. С. 59.
6. Sedlár J. Zahraniční a bezpečnostní politika *In: Od Mečiara k Dzurindovi. Slovenská politika v prvom desaťročí samostatnosti*. Brno: Mezinárodní politologický ústav Masarykovy university; 2003. С. 151.
7. Stolarik M. M. The Czech and Slovak Republics: Twenty Years of Independence, 1993-2013. Budapest, New York: CEU Press; 2016. С. 107.

REFERENCES

1. Treaty on friendly relations and cooperation between the Russian Federation and the Slovak Republic. *Bulletin of International Treaties*. 1996;5:16. (In Russ.)
2. Shishelina L.N. Visegrad Europe: where from and where? Two decades on the path of reforms in Hungary, Poland, Slovakia and the Czech Republic. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Europe; 2010. P. 258. (In Russ.)
3. Travel advice - Crimea. Bratislava: Ministry of Foreign Affairs and European Affairs of the Slovak Republic; 2014. pp. 1-2. (In Slovak)
4. Drieniková K. Economic and Trade Cooperation of Slovakia with the Russian Federation. Bratislava: EKONÓM; P. 47. (In Slovak)
5. Duleba A. Foreign Policy of the Slovak Republic. Goals, Condition and Perspectives. Bratislava: Research Center of the Slovak Society for Foreign Policy, Friedrich Ebert Stiftung; 1998. P. 59. (In Slovak)
6. Sedlár J. Foreign and Security Policy. *In: From Mečiar to Dzurinda. Slovak policy in the first decade of independence*. Brno: International Institute of Political Science of Masaryk University; 2003. P. 151. (In Slovak)
7. Stolarik M. M. The Czech and Slovak Republics: Twenty Years of Independence, 1993-2013. Budapest, New York: CEU Press; 2016. P. 107.

.....
Статья получена 27.10.2017

Received 27.10.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гопта Иво, Аспирант, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119992, Россия, Москва, Остоженка, д. 53/2; ivohopta@gmail.com

Нопта Иво, Post-Graduate Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostogonka str., Moscow, Russia, 119992; ivohopta@gmail.com

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Глобальные риски, как факторы, влияющие на современную систему международных отношений

Ирина А. Зайцева

*Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец, Россия,
zaitsevairin@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема глобализации рисков. Используя данные экспертов Всемирного экономического форума (ВЭФ) за 2015-2017 гг. автором рассмотрено влияние глобальных рисков на социально-экономическое развитие стран. Экономические, социальные, экологические, геополитические, технологические риски анализируются во взаимосвязи. Отмечается, что главные риски находятся в области окружающей среды и экологии. Усиление антропогенного давления, научно-технический прогресс влияют на природную среду. Рост частоты экстремальных погодных явлений увеличивает риски инфраструктурного и экологического ущерба в районах повышенной опасности. Анализируются меры по охране окружающей среды. Возрастанию геополитических рисков способствуют такие факторы, как односторонний подход к решению международных вопросов, вместо коллективных усилий мирового сообщества; развертывание оружия массового поражения (ядерного, химического, биологического) и технологий по производству радиоактивных материалов; эскалация экономической и ресурсной национализации (стремление государств экспроприировать или ограничить экспорт важных для мировой экономики ресурсов) и др. К экономическим рискам относятся риски, вызывающие обеспокоенность с точки зрения вероятности их возникновения и воздействия на макроэкономику, начиная с финансовых систем и инфраструктуры и заканчивая нестабильностью цен и регулятивными вопросами. Социальные риски - это риски, связанные с нестабильностью динамики населения, социальными кризисами и выживанием человека. К технологическим рискам относятся такие проблемы как дефекты программного обеспечения, выход из строя ключевых информационных систем, от которых сегодня зависят промышленное производство, сфера услуг и коммуникации; эскалация крупномасштабных кибер-атак; кражи электронных данных и противоправное использование персональных данных. Также в статье анализируются тенденции, способные усилить глобальные риски или изменить соотношение между ними.

Ключевые слова: глобализация, глобальные риски, Всемирный экономический форум

Для цитирования: Зайцева И. А. Глобальные риски, как факторы, влияющие на современную систему международных отношений. *Проблемы постсоветского пространства.* 2017;4(4):356-363. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-356-363

Global Risks as Factors that Affect the Current system of international Relations

Irina A. Zaitseva

*Yelets State University I.A. Bunin, Yelets, Russian Federation,
zaitsevairin@mail.ru*

Abstract. The problem of the globalization of risks is examined in this article. Based on the World Economic Forum (WEF) report on global risks 2015-2017, the impact of global risks on the social and economic development of countries is examined. Economic, social, environmental, geopolitical, technological risks are analyzed in a coordinated fashion. The article notes that the main risks are in the field of environment and ecology. Anthropogenic pressure amplification, scientific and technological advance have an influence on the natural environment. The risks of infrastructure and environmental damage in danger zone are increased because of the growth of the frequency of extreme weather events. The measures for the protection of the environment are examined. The unilateral approach to solving international issues, instead of the collective efforts of the international community; the deployment of weapons of mass destruction (nuclear, chemical, biological) and technologies for the production of radioactive materials; escalation of economic and resource nationalization (the desire of States to expropriate or restrict the export of important for the world economy of resources), etc. promote the increasing geopolitical risks. Economic risks include the risk in terms of their likelihood their impact on the macroeconomic, as from the financial systems and infrastructure to price volatility and regulatory issues. Social risks are the risks relating to instability of population dynamics, social crises and human survival. Technological risks include such problems as software defects, failure of important information systems, upon which today industrial production is depended, the services and communications sector; the escalation of large-scale cyber-attacks; theft of electronic information and the illegal usage of personal data. The trends that can intensify the global risks or to change the correlation between them are analyzed in this article.

Keywords: globalization, global risks, World economic forum

For citation: Zaitseva I.A. Global Risks as Factors that Affect the Current system of international Relations. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(4):356-363. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-356-363

ВВЕДЕНИЕ

Проблема глобальных рисков в последние годы стала объектом политологических, социологических, культурологических исследований. Глобальные риски - это вероятные события или условия, которые могут нанести серьезный урон одновременно нескольким странам или отраслям

мировой экономики. Эксперты Всемирного экономического Форума рассматривают пятьдесят видов глобальных рисков, которые объединены в пять категорий: экологический, технологический, социальный или демографический, политический и экономический риски.

ГЛОБАЛЬНЫЕ РИСКИ

В отчет Всемирного экономического форума 2017 года о глобальных рисках текущего года (Global Risks Report, 2017) выделены глобальные риски 2017 года [10]. Это: экологические (экстремальные погодные условия, масштабные стихийные бедствия, возможность антропогенных экологических катастроф, неспособность человечества справиться с климатическими изменениями и природными катастрофами), геополитические (террористические акты, межгосударственные конфликты и неэффективное государственное управление), социально-экономические (масштабная вынужденная миграция и незаконная торговля, включающая контрабанду, производство и распространение контрафактной продукции, незаконное движение финансовых средств, уклонение от уплаты налогов, отмывание денег, формирование картелей и синдикатов международной организованной преступности), технологические (хищение личных и служебных баз данных, крупные мошенничества, связанные с их использованием, достигшие беспрецедентных масштабов, а также риски масштабных кибер-атак) [8].

Главные риски находятся в области окружающей среды и экологии. Усиление антропогенного давления, научно-технический прогресс влияют на природную среду. Загрязнение атмосферного воздуха, природных вод, почвенного покрова, лесов, животного мира, выбросы промышленных предприятий, выхлопные газы от транспорта неизбежно приводят к ухудшению экологической ситуации. Гибнут экосистемы лесов, многие виды растений и животных находятся на грани исчезновения. Возрастает число экологических катастроф и погодных катаклизмов (наводнения, бури, пожары, землетрясения, смерчи, ураганы, извержения вулканов и т. д.). ООН по сни-

жению риска бедствий (UNIDR) отметило, что около 1 млрд. человек пострадали от стихийных бедствий в 2015 году. Истощение биологических ресурсов приводит к необратимым изменениям окружающей среды, наносит вред таким отраслям, как рыболовство и лесничество. Растет число экологических катастроф по вине человеческого фактора (разливы нефти, аварии на АЭС). Рост частоты экстремальных погодных явлений увеличивает риски инфраструктурного и экологического ущерба в районах повышенной опасности. Экологические риски тесно взаимосвязаны с другими категориями риска. Так, например, изменение погодных условий, кризисы водных ресурсов способны спровоцировать или усугубить такие геополитические и социальные риски, как внутренний или региональный конфликт, вынужденную миграцию. Всемирный банк прогнозирует, что «недостаток воды» может привести к крайнему общественному напряжению в таких регионах, как Ближний Восток и страны Африки к югу от Сахары (Сахель), где экономические последствия дефицита воды могут поставить под угрозу 6% ВВП к 2050 году. Всемирный банк также прогнозирует, что наличие воды в городах может снизиться на две трети к 2050 году, в результате изменения климата и конкуренции со стороны производства энергии и сельского хозяйства [1]. К наиболее срочным мерам по охране окружающей среды можно отнести: ограничение вырубki лесов путем усиления контроля над этим процессом, налаживания работы лесников, предотвращение экспорта редких пород деревьев; организация системы правильной утилизации мусора, бытовых и неорганических отходов; усовершенствование систем очистки воды и фильтрации воздуха на предприятиях; переход на экологическое топливо [8]. Международные организации и правительства государств предпринима-

ют меры по минимизации влияния экологических рисков. Например, в 2016 году более ста стран, в том числе США и Китай, ратифицировали Парижское соглашение по климату 2015 года, которое регулирует меры по снижению углекислого газа в атмосфере. Международная организация гражданской авиации согласовала «рыночный механизм», который обеспечит нулевой чистый рост авиационных выбросов после 2020 года. Целевая группа Совета по финансовой стабильности по раскрытию финансовой информации, связанной с климатом (the Financial Stability Board's Taskforce on Climate-related Financial Disclosure) разрабатывает рекомендации для управления физическими рисками, ответственностью и транзитными рисками изменения климата [6].

Эксперты Всемирного экономического форума отметили, что характерным признаком 2016-2017 гг. являлась геополитическая нестабильность фактически во всех регионах мира (выход Великобритании из ЕС; выход России, Южной Африки, Бурунди и Гамбии из Международного уголовного суда; Китай отверг вердикт международного трибунала по Южно-Китайскому морю; попытка государственного переворота в Турции; политические проблемы в Украине; политический кризис в Южной Корее, связанный с вотумом недоверия президенту; военные действия в Сирии, Ираке; выход США из Парижского соглашения по климату). Возрастанию геополитических рисков способствуют такие факторы, как односторонний подход к решению международных вопросов. Вместо коллективных усилий мирового сообщества страны выдвигают взаимные обвинения государств во вмешательстве во внутренние дела друг друга. Развертывание оружия массового поражения (ядерного, химического, биологического) и развитие технологий по производству радиоактивных материалов;

эскалация экономической и ресурсной национализации (стремление государств экспроприировать или ограничить экспорт важных для мировой экономики ресурсов) также усиливают нестабильность.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ

К экономическим рискам относят риски, вызывающие обеспокоенность с точки зрения вероятности их возникновения и воздействия на макроэкономiku, начиная с финансовых систем и инфраструктуры и заканчивая нестабильностью цен и регулирующими вопросами. Европейские аналитики среди наиболее опасных тенденций указывают на проблемы с безработицей, фискальные кризисы, разрастание долгов государств, неуправляемую инфляцию, неуправляемое и неконтролируемое распространение внутрикорпоративных мошенничеств и коррупции, проблемы в банковской системе (например, ситуация в банковском секторе Италии). Аналитики называют также риски, связанные с неравенством и поляризацией общества [3]. Уровень неравенства снижался последовательно в промышленно развитых странах с начала XX века, но с 1980-х годов доля дохода, принадлежащего населению в топ-1%, увеличилась в Соединенных Штатах, Великобритании, Канаде, Ирландии и Австралии (хотя такой тенденции не было в Германии, Японии, Франции, Швеции, Дании или Нидерландах) [5].

Результаты опроса Bloomberg, в котором приняли участие 146 экономистов, главными рисками для стабильности мировой экономики в 2017 году назвали политику избранного президента США Дональда Трампа и результаты выборов в Европе. Неопределенность будущей политики Трампа назвали главным риском для глобальной безопасности 38% опрошенных экспертов. У 37% респондентов обеспокоенность вы-

зывают парламентские выборы в Германии и выборы президента во Франции [9].

Нестабильное состояние экономики ведет к обострению проблемы безработицы. Структурные показатели безработицы остаются высокими, особенно среди молодежи в Европе, в США, в России. По оценкам Международной организации труда в 2017 году в мире продолжится рост уровня безработицы (хотя и умеренный — на 0,1 п.п.). По прогнозам, число безработных в 2017 году составит более 201 млн. человек, к которым в 2018 году прибавится еще 2,7 млн. человек. Это объясняется тем, — как заявил генеральный директор МОТ Гай Райдер, — что «темпы экономического роста по-прежнему не оправдывают ожиданий — рост остается невысоким и недостаточно инклюзивным; численность рабочей силы растет быстрее, чем создаются новые рабочие места» [2]. По данным доклада Международной организации труда главной проблемой остается качество рабочих мест. По данным МОТ в развивающихся странах наблюдается замедление темпов сокращения числа работающих бедных. В незащищенную занятость вовлечено около 1,5 млрд. человек (46% от общей численности занятых в мире). Сочетание экономического неравенства и политической поляризации угрожает усилить глобальные риски, разваливая социальную солидарность, на которой основывается легитимность экономических и политических систем государств.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ

К социальным рискам относятся риски, связанные с нестабильностью динамики населения, социальными кризисами и выживанием человека. Это: продовольственный кризис, угроза голода; болезни (несовершенная работа системы отслеживания

появления новых болезней, недостаточное производство вакцин приводят к бесконтрольному распространению инфекционных заболеваний). Также к социальным рискам эксперты относят бесконтрольную урбанизацию, массовую миграцию, критический рост неравенства и поляризация общества по этническим, религиозным и культурным причинам.

К технологическим рискам относятся такие проблемы как дефекты программного обеспечения, выход из строя ключевых информационных систем, от которых сегодня зависят промышленное производство, сфера услуг и коммуникации; эскалация крупномасштабных кибер-атак; кражи электронных данных и противоправное использование персональных данных. По оценке Центра информационной безопасности ФСБ России ущерб от киберпреступлений в мире за последние годы, по разным методикам расчета, составил от 300 млрд. до 1 трлн. долларов США (это от 0,4% до 1,5 % мирового ВВП) [7]. Риски конфликтов усугубляются технологическими новшествами в таких сферах, как военная робототехника и искусственный интеллект.

Социальные медиа, мобильная связь, и технологии обработки больших данных — ключевые компоненты сотрудничества негосударственных субъектов и правительств. В докладе «Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры» (Global Trends 2030: Alternative Worlds) определены четыре базовые технологии, которые к 2030 году будут определять глобальные экономические, социальные и военные разработки, а также действия мирового сообщества, направленные на охрану окружающей среды. Во-первых, информационные технологии. Технологии ввода данных, большой объем хранения информации упрощают глобальное распространение киберуслуг и социальных медиа. Это требует не только

расширения рынков информации, но и повышения уровня безопасности глобальных сетей. Понадобится совмещать преимущества информационных технологий с осознанием новых угроз, которые эти технологии представляют. Во-вторых, новые технологии производства и автоматизации (например, 3D печать, объемное макетирование и робототехника) имеют достаточный потенциал для того, чтобы изменить модели труда как в развивающихся, так и в развитых странах. С одной стороны, данные технологии в развивающихся странах повысят эффективность труда, помогут решить проблемы с занятостью, сократят потребности в привлечении аутсорсинга. но с другой стороны, низко- и среднеквалифицированные сотрудники производства окажутся ненужными для развитых экономик, что, усилит социальное неравенство. В третьих, технологии безопасности жизненно важных ресурсов. Они необходимы для удовлетворения потребностей мирового населения в продуктах питания, воде и энергии, обеспечивают сохранение пищевых ресурсов. В современных условиях развивающиеся экономики испытывают определенные трудности в производстве и поставках ключевых ресурсов. Но любые изменения климата могут эти трудности усугубить. Любое распространение или принятие уже существующих и новых ресурсосберегающих технологий будут в значительной степени

зависеть от общественной реакции, а также от политической воли руководства. В-четвертых, новые технологии здравоохранения, которые вносят вклад в увеличении средней продолжительности жизни, работают на сохранение физического и психического здоровья, повышение качества жизни [4].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эксперты Всемирного экономического форума, проходившего в Давосе в 2017 году, также определили 13 основных тенденций, которые могут усилить или ослабить влияние и удельный вес отдельных глобальных угроз, либо изменить соотношение между рисками или их группами. Это: смещение центров силы; изменение роли международных структур, таких как МВФ, ООН, НАТО; поляризация общества; увеличение разницы в доходах между бедными и богатыми; прирост среднего класса в странах с формирующейся экономикой; усиление национально-ориентированных настроений с одной стороны, а с другой, борьба коренного населения за сохранение идентичности; растущая географическая мобильность населения; усиливающаяся урбанизация; рост числа людей, страдающих хроническими болезнями; стареющее население; увеличение зависимости от цифровых технологий; изменение климата; ухудшение состояния окружающей среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всемирный банк: нехватка воды снизит ВВП на 6%. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/70496> (дата обращения: 30.09.2017).
2. В 2017 году число безработных в мире увеличится на 3,4 млн. человек [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.astera.ru/news/?id=118052> (дата обращения: 30.09.2017).
3. Глобальные риски: взгляд из Давоса [Электронный ресурс]. — URL: <https://interaffairs.ru/news/show/16727> (дата обращения: 30.09.2017).
4. Global Trends 2030: Alternative Worlds (Global Trends 2030). Washington: The National Intelligence Council; 2012. 169 p.
5. Отчет о глобальных рисках-2017 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.forsage.org/>

- mediafiles/u/files/pre-reading/WEF_Otchet_o_globalnyx_riskax_Statya_Kratko.pdf (дата обращения: 30.09.2017).
6. Рабочая группа по вопросам раскрытия финансовой информации, связанной с изменением климата [Электронный ресурс]. — URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/risk/solutions/task-force-on-climate-related-financial-disclosures.html> (дата обращения: 30.09.2017).
 7. ФСБ оценила ущерб от хакерских атак по всему миру в 1 трлн. долларов. 2 февраля 2017 года. [Электронный ресурс]. — URL: <http://izvestia.ru/news/661882> (дата обращения: 30.09.2017).
 8. Эксперты Давоса назвали главные риски для человечества в 2017 году. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rbc.ru/society/11/01/2017/5875ea3e9a79473c709c499d> (дата обращения: 30.09.2017).
 9. Bloomberg перечислило основные экономические риски 2017 года. [Электронный ресурс]. — URL: <https://lenta.ru/news/2016/12/07/trumprisk/> (дата обращения: 30.09.2017)
 10. Global Risks Report, 2017. [Электронный ресурс]. — URL: <http://reports.weforum.org/global-risks-2017/the-matrix-of-top-5-risks-from-2007-to-2017/> (дата обращения: 30.09.2017).

REFERENCES

1. The World Bank. Shortage of Water Cuts GDP by 6%. [Digital Resource]. — URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/70496> (last accessed date is 30.09.2017) (In Russ.)
 2. The World Mounting Unemployment will increase by 3,4 ml in 2017 [Digital Resource]. — URL: <http://www.astera.ru/news/?id=118052> (last accessed date is 30.09.2017). (In Russ.)
 3. Global Risks. View From Davos [Digital Resource]. — URL: <https://interaffairs.ru/news/show/16727> (last accessed date is 30.09.2017). (In Russ.)
 4. Global Trends 2030: Alternative Worlds (Global Trends 2030). Washington: The National Intelligence Council; 2012. 169 p.
 5. Report About Global Risks in 2017. [Digital Resource]. — URL: http://www.forsage.org/mediafiles/u/files/pre-reading/WEF_Otchet_o_globalnyx_riskax_Statya_Kratko.pdf (last accessed date is 30.09.2017). (In Russ.)
 6. Working group connected with the disclosure of financial information related by climate change [Digital Resource]. — URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/risk/solutions/task-force-on-climate-related-financial-disclosures.html> (last accessed date is 30.09.2017). (In Russ.)
 7. Federal Security Service puts value on damage from hack attack at 1 billion dollars. [Digital Resource]. — URL: <http://izvestia.ru/news/661882> (last accessed date is 30.09.2017). (In Russ.)
 8. Davos Experts Announced Main Risks For Humanity in 2017. [Digital Resource]. — URL: <http://www.rbc.ru/society/11/01/2017/5875ea3e9a79473c709c499d> (last accessed date is 30.09.2017). (In Russ.)
 9. Bloomberg Announced General Economic Risks of 2017 [Digital Resource]. — URL: <https://lenta.ru/news/2016/12/07/trumprisk/> (last accessed date is 30.09.2017).
 10. Global Risks Report, 2017. [Digital Resource]. — URL: <http://reports.weforum.org/global-risks-2017/the-matrix-of-top-5-risks-from-2007-to-2017/> (last accessed date is 30.09.2017).
-
- Статья получена 17.07.2017*
Received 17.07.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ирина А. Зайцева, кандидат политических наук, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец, Россия; 399770, Россия, Елец, ул. Коммунаров, д. 28; zaitsevairin@mail.ru

Irina A. Zaitseva, PhD in Political Science, Yelets State University. I.A. Bunin, Yelets, Russia; 28, str. Communards, Yelets, Russia, 399770; zaitsevairin@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Энергетическая политика Кыргызской Республики: итоги и проблемы

Айдана М. Макилова

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

aidanka2382@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется ситуация в топливно-энергетическом секторе, сложившаяся в Кыргызской Республике после распада СССР. Обретение независимости сопровождалось распадом единой системы, в соответствии с которой поставки электроэнергии и углеводородных ресурсов жестко увязывалось с использованием водно-энергетического потенциала. Прекращение действия механизма, который учитывал энергетические интересы всех стран Центральной Азии, негативно отразилось на ситуации в Киргизии. В итоге перед Киргизией остро встала проблема снабжения республики энергоресурсами. Прежде всего, это касалось обеспечения топливными ресурсами населения. Особое внимание уделено исследованию факторов, оказывающих влияние на формирование и реализацию современной энергетической политики Кыргызской Республики. Упор делается на развитие водно-энергетического потенциала. С решением данной задачи тесно связано решение по обеспечению энергетической безопасности.

Незначительные запасы нефти, угля и газа, которые сосредоточены в труднодоступных горных районах со сложными климатическими и горно-геологическими условиями залегания и отсутствие необходимых средств для разработки данных месторождений усиливают интерес Киргизии к использованию водно-энергетического потенциала. С использованием потенциала трансграничных рек в Киргизии связывают надежды на экономическое развитие страны, решение социально-экономических вопросов.

Для этого Кыргызстан имеет все условия, поскольку страна располагает объектами, которые были построены во время СССР. Однако изношенность инфраструктуры и нехватка мощностей ГЭС препятствовало стабильному обеспечению электроэнергией всего населения и негативно отражается на развитии промышленности. Однако на решение данного вопроса негативное влияние оказывают непростые межгосударственные отношения Кыргызстана с соседними странами региона. В итоге, кризис в энергетическом секторе республики долгое время усугублялся политической конфронтацией по водному вопросу с соседними государствами Центральной Азии.

В последние годы наблюдается изменение ситуации. Активизировался переговорный процесс по вопросу использования трансграничных рек стран Центральной Азии, развиваются торгово-экономические отношения между странами региона. Это позволяет ожидать улучшение ситуации в Киргизии и решение спорных вопросов в сфере энергетики.

Ключевые слова: Киргизия, Центральная Азия, энергоснабжение, электроэнергия, гидроэнергетика, водные ресурсы, трансграничные реки

Для цитирования: Макилова А. М. Энергетическая политика Кыргызской Республики: итоги и проблемы. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(4):364-372. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-364-372

Energy policy of the Kyrgyz Republic: results and problems

Aidana M. Makilova

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
aidanka2382@mail.ru*

Annotation: the article analyzes the situation in the fuel and energy sector that developed in the Kyrgyz Republic after the collapse of the USSR. The independence was accompanied by the disintegration of a unified system, in accordance with which the supply of electricity and hydrocarbon resources was rigidly linked with the use of water and energy potential. The termination of the mechanism, which took into account the energy interests of all countries of Central Asia, had a negative impact on the situation in Kyrgyzstan. As a result, the problem of supplying the republic with energy resources was acute before Kyrgyzstan. First of all, it concerned the provision of fuel resources to the population.

Particular attention is paid to researching the factors that influence the formation and implementation of the modern energy policy of the Kyrgyz Republic. Emphasis is placed on the development of water and energy potential. A solution to ensure energy security is closely related to the solution of this problem.

Minor reserves of oil, coal and gas, which are concentrated in hard-to-reach mountainous areas with complex climatic and geological conditions of occurrence and lack of the necessary means to develop these deposits, increase the interest of Kyrgyzstan in the use of water and energy potential. With the use of the potential of cross-border rivers in Kyrgyzstan bind hopes for the economic development of the country, the solution of socio-economic issues.

To this end, Kyrgyzstan has all the conditions, since the country has facilities that were built during the USSR. However, the deterioration of the infrastructure and the shortage of Hydroelectric power station capacity prevented the stable provision of electricity to the entire population and negatively affects the development of industry. However, Kyrgyzstan's difficult interstate relations with the neighboring countries of the region have a negative impact on this issue. As a result, the crisis in the energy sector of the republic was aggravated for a long time by political confrontation on the water issue with the neighboring states of Central Asia.

In recent years, there has been a change in the situation. The negotiation process on the use of cross-border rivers of Central Asian countries has been intensified, and trade and economic relations between the countries of the region are developing. This allows us to expect an improvement in the situation in Kyrgyzstan and solution of disputable issues in the energy sector.

Keywords: Kyrgyzstan, Central Asia, energy supply, electricity, hydropower, water resources, cross-border rivers

For citation: Makilova A. M. Energy policy of the Kyrgyz Republic: results and problems. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(4):364-372. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-364-372

ВВЕДЕНИЕ

Энергетические проблемы в Кыргызстане, обусловлены тем, что страна является энергодефицитной и обеспечивает свои потребности лишь наполовину, в основном за счет электроэнергии. Остальные энергоресурсы: газ, уголь, нефть и нефтепродукты страна импортирует из Узбекистана, Казахстана и России. Данная ситуация стала следствием разрушения прежней системы распределения водно-энергетических ресурсов, которая существовала в период СССР [1].

Данная ситуация заставляет руководство страны обращать внимание на водно-энергетический потенциал трансграничных рек и уже действующие объекты, проводя политику, которая бы учитывала особый характер отношений между странами региона [2]. На территории страны действуют 20 гидроэлектростанций с суммарной мощностью 3071 МВт, включая ирригационные сооружения, входящие в перечень особо важных для Центральной Азии. Кроме того, властями страны в последние десятилетия предпринимались усилия, направленные на снижение потерь. Так, в период с 1990-2008 годов потери электроэнергии в энергосистеме республики составили 31%, а в 2013 году — уже 17,1%.

МОЩНОСТЬ ГИДРОТЕХНИЧЕСКИХ СООРУЖЕНИЙ

Наиболее известные гидротехнические сооружения в Киргизии это: комплекс Токтогульских ГЭС, состоящий из Токтогульской ГЭС (1200 МВт), Курпсайской ГЭС (800 МВт), Ташкумырской ГЭС (450 МВт),

Шамалдысайской ГЭС (240 МВт) и Уч-курганской ГЭС (180 МВт). Также действуют Ат-Башинская ГЭС (40 МВт), расположенная в верхнем течении реки Нарын и 8 малых ГЭС суммарной установленной мощностью 29,78 (МВт). Также действуют 2 ТЭЦ установленной мощностью 716 МВт. Суммарная мощность электрических станций республики составляет 3 787 МВт, а выработка электроэнергии составляет до 15 млрд. кВт*ч [3].

Электроэнергетическая сеть республики включает: 546 км ЛЭП 500 кВ, 1714 км ЛЭП 220 кВ, 4380 км ЛЭП 110 кВ, общая протяженность ЛЭП страны составляет более 70 тыс. км с напряжением от 0,4 до 500 кВ. Также функционирует 490 трансформаторных подстанций напряжением 35-500 кВ, суммарной мощностью более 8 000 МВА.

В целях надежного электроснабжения северной части республики был введен в эксплуатацию ТЭЦ мощностью до 702 МВт с выработкой более 4,1 млрд. кВт*ч и в среднем удовлетворяла 13% потребностей населения севера. Наряду с этим, был введен в эксплуатацию ЛЭП 500 кВ «Токтогульская ГЭС — подстанция «Фрунзенская» для установления связи между энергосистемами севера и юга республики, что обеспечило надежное электроснабжение севера страны.

КРИЗИСНЫЕ ФАКТОРЫ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

В последние годы наблюдается повышение доли электроэнергии ГЭС. Так выработка электроэнергии на ГЭС составляет 85%.

При этом удельный вес добываемого топлива сократился. Данная тенденция ведет к зависимости энергоснабжения республики от вырабатываемой ГЭС электроэнергии, что в свою очередь в условиях маловодья и нестабильности не способствует укреплению энергетической безопасности республики.

Существующий импорт топливно-энергетических ресурсов увеличивает нагрузку на бюджет страны, оказывая негативное влияние на развитие экономики и социальной сферы государства. По оценкам специалистов, учитывая высокий уровень износа инфраструктуры и ненормативные нагрузки, данные цифры являются объективным показателем реальных технических потерь и следствием хищения электроэнергии. Износ основных оборудования предприятий электроэнергетики достиг 70%. За период с 1990-2008 годы в связи с отсутствием финансовых средств была нарушена цикличность ремонта и регламента эксплуатации, что привело к снижению надежности и повышению технических потерь.

Высокая дебиторская задолженность потребителей создала инвестиционный и финансовый кризис в энергетических предприятиях и в целом в отрасли. На начало 2016 года у распределительных электрических компаний сумма дебиторской задолженности потребителей составила 1,82 млрд. сомов [4]. За период 2001-2009 годы распределительными компаниями на основании решений судов и советов директоров было списано задолженность потребителей электроэнергии в размере 3,9 млрд. сомов. Тенденция роста дебиторской задолженности в энергетическом секторе республики приобрела устойчивую форму. Энергетические предприятия не располагают достаточными собственными финансовыми средствами для реконструкции и обновления энергетических оборудования и сетей ТЭЦ

и ГЭС, в связи с высокой задолженностью потребителей.

Природно-климатический фактор влияет на гидрологический режим рек, которые могут быть многоводными, средне-многоводными, средними и средне-маловодными, что в свою очередь влияет на режим работы ГЭС. Так в 2008 году был отмечен маловодный период, во время, которого был введен режим ограничения электроснабжения потребителей Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 9.04.2008 г. №135 «О мерах по накоплению необходимого объема воды на Токтогульском водохранилище и подготовке отраслей экономики и населения Кыргызской Республики к осенне-зимнему периоду 2008/2009 года». Учитывая большую долю электрической энергии, вырабатываемой на ГЭС, в республике наблюдался резкий дефицит энергии, что привело к социальному напряжению.

На экономическую деятельность энергетических компаний, сильное влияние оказывает действующая тарифная политика. Тарифы на электроэнергию в республике являются одним из самых низких в мире. При этом повышение тарифов на энергию и горячую воду в 2010 году вызвало волну возмущений у населения и послужило причиной социального взрыва во всех регионах республики.

Наряду с вышеперечисленными факторами энергетического кризиса в республике на его развитие влияет политический фактор, обусловленный межгосударственными отношениями в сфере управления водно-энергетических ресурсов в бассейне реки Нарын-Сырдарья и параллельной работой с энергосистемами Казахстана, Узбекистана и Таджикистана в Объединенной энергетической сети Центральной Азии. Долгие годы передача выработанной электроэнергии на ГЭС в северную часть республики осуществлялось через энергосистемы Узбе-

кистана и Казахстана, что в свою очередь несло в себе потенциальную угрозу для энергетической безопасности страны [5].

ПОТЕНЦИАЛ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕК

Страны Центральной Азии располагают достаточным количеством водных ресурсов, которые, в свою очередь, распределены неравномерно по территории всего региона. В Казахстане, Узбекистане и Туркменистане имеются большие запасы нефти, природного газа и угольных месторождений. На территории Кыргызстана и Таджикистана формируется большая часть стоков водных ресурсов трансграничных рек, и имеется большой потенциал выработки электроэнергии на ГЭС.

После обретения независимости страны региона начали самостоятельно распоряжаться водными ресурсами трансграничных рек, не учитывая общие интересы и игнорируя выгоды от совместного управления водно-энергетическими ресурсами. Водная политика центрально-азиатских государств было обусловлено стремлением приобрести энергетическую независимость, что привело к игнорированию интересов соседей по региону. В итоге, это спровоцировало обострение двусторонних торгово-экономических и политических отношений Кыргызской Республики с Узбекистаном, Казахстаном и Таджикистаном.

Несмотря на расхождения интересов, страны Центральной Азии предпринимали меры для установления диалога и сотрудничества в водно-энергетической сфере, опираясь на опыт СССР. Так между странами региона было подписано соглашение о создании Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии, главной целью, которой стало обеспечение эффективного управления водными ресурсами региона с учетом интересов всех государств Центральной Азии для вос-

становления Арала. Комиссия не смогла осуществить возложенные на нее задачи и предложить механизм взаимного учета интересов всех сторон.

Все инициированные международные соглашения и иные документы странами Центральной Азии, призванные стать основой для разрешения сложившейся ситуации в сфере управления водно-энергетическими ресурсами, носят декларативный характер. Противоречия интересов стран Центральной Азии по вопросу управления водными ресурсами трансграничных рек отражены в национальных законодательствах, где вода определяется как исключительная собственность государства.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Выращивание сельскохозяйственных культур является традиционным занятием стран низовья. Узбекистан является одним из крупнейших мировых производителей хлопка. Между тем регион испытывает сильные засухи, что в свою очередь, оказывает большое влияние на работу агропромышленного сектора стран региона. Напротив Кыргызстан и Таджикистан, на территории, которых формируются русла рек Аральского бассейна, имеют перспективу для выработки электроэнергии на ГЭС в целях обеспечения надежного электроснабжения и экспорта электричества в соседние страны. В условиях рыночных отношений существующие диаметрально противоположные интересы государств региона являются главной причиной обострения отношений между странами Центральной Азии [6].

Последствия проводимой водной политики государств Центральной Азии наносят экономический ущерб и оказывают пагубное влияние на экологию целого региона [7].

Выше обозначенные факторы оказывают большое влияние на стабильное функционирование энергетического сектора

республики и создают дополнительную потребность в финансовых вложениях для восстановления и поддержания деятельности энергетического сектора.

СТРАТЕГИЯ КИРГИЗИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Энергетическая политика республики реализуется в соответствии с Законом Кыргызской Республики «Об энергетике», в котором определена энергетическая стратегия. Кроме того, на основании распоряжения Правительства Кыргызской Республики от 15 февраля 2006 года №71-р и №310-р от 10.06.2010 года были разработаны Национальная энергетическая программа Кыргызской Республики на 2008-2010 годы и стратегия развития ТЭК до 2025 года. Главной целью стратегии определены задачи, призванные обеспечить энергетическую безопасность республики и энергетическую эффективность экономики для подъема уровня жизни населения и устойчивого развития государства. В целях осуществления поставленных задач Правительством Кыргызстана проводятся мероприятия по осуществлению реформирования и модернизации энергетического сектора для преодоления существующих в ней основных кризисных факторов. Среди них: привлечение иностранных кредитов и грантов на реконструкцию, модернизацию и строительство энергетической инфраструктуры ввиду нехватки собственных денежных средств. По информации Министерства финансов Кыргызской Республики, в период 1991-2013 годов, в энергетический сектор было привлечено иностранных инвестиций в общем объеме 1,36 миллиарда долларов США.

Одним из больших проектов за последнее десятилетие в истории республики стало строительство ЛЭП 500 кВ «Датка-Кемин» и подстанции 500 кВ «Кемин», призванные обеспечить энергоснабжение севера респу-

блики в обход линий электропередач Узбекистана и Казахстана. Для реализации данного проекта были привлечены кредитные средства Экспортного импортного банка Китая, а на строительные работы была привлечена китайская компания «ТВЕА».

В последние годы идут работы по модернизации и реконструкции стратегического объекта — Токтогульской ГЭС. Работы должны завершиться до 2022 года. На финансирование данных работ Азиатский банк развития выделил стране 480 млн. долларов США в виде кредитной и безвозмездной поддержки. В результате ожидается прирост мощности Токтогульской ГЭС на 240 МВт и продление общего срока эксплуатации на 35-40 лет.

В целях сокращения технических потерь и хищения электроэнергии, повышения эффективности использования сетей и уровень собираемости дебиторской задолженности в республике поэтапно внедряется автоматизированная система коммерческого учета электроэнергии. Данные мероприятия осуществляются за счет привлечения инвестиций донорских организаций и за счет собственных средств энергетических распределительных компаний [8].

Потребность страны в энергоснабжении не может быть обеспечена в полной мере за счет внутренних энергоресурсов, в первую очередь за счет электроэнергии. В этой связи Киргизия вынуждена импортировать электроэнергию и другие энергоресурсы из соседних государств. По этой причине существует необходимость строительства ряда малых ГЭС и 8 ГЭС, среди которых значатся Верхне-Нарынские ГЭС и Камбаратинские ГЭС для выработки дополнительных мощностей электроэнергии [9]. По предварительным оценкам на строительство двух Камбаратинских ГЭС потребуется около 3 млрд. долларов США. Еще в 2009 году были подписаны межпра-

вительственные соглашения с Российской Федерацией о выделении инвестиций на строительство Верхне-Нарынского каскада ГЭС. Однако в 2016 году соглашения были денонсированы в связи с невозможностью дальнейшего финансирования проекта. Правительство страны продолжает работу по поиску инвесторов для строительства всех запланированных ГЭС.

Также в Национальную стратегию устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы заложены разработка ТЭО строительства Кара-Кечинской ТЭЦ, модернизация ТЭЦ города Бишкек и реконструкция Ат-Башинской ГЭС [10]. Реализация вышеприведенных проектов позволит снизить дефицит энергоснабжения. Тем более, что темпы роста экономики республики увеличивают потребности в энергоснабжении и для обеспечения растущих потребностей за счет внутренних энергетических ресурсов необходима своевременная реализация всех поставленных задач по наращиванию мощностей выработки электроэнергии.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЕКТЫ

Кыргызстан является участником регионального энергетического проекта CASA-1000 начало работы, которого ожидается в 2020 году. Данный проект нацелен на экспорт электроэнергии из Кыргызстана и Таджикистана в Афганистан и Пакистан. Для его запуска странам-участницам необходимо построить всю необходимую инфраструктуру для транспортировки электроэнергии из стран производителей в страны потребители. Общий бюджет проекта составляет около 1 млрд. долларов, а доля Кыргызстана — 233 млн. долларов. Кредиторами проекта выступают международные финансовые институты, где основным среди них является Всемирный Банк.

Кыргызстан нуждается в постройке и введении в эксплуатацию Верхне-Нарынского

каскада ГЭС, ряда малых ГЭС и проведения мероприятия по модернизации энергетического сектора республики, а также по осуществлению реформы в энергетических компаниях для обеспечения надежности энергоснабжения республики и экспорта электроэнергии в страны Южной Азии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Длительное время Кыргызстан оставался с нерешенными проблемами в энергетическом секторе в связи с постоянно сохранявшимся социально-политическим кризисом внутри страны. Накопление кризисных факторов в топливно-энергетическом комплексе страны создало предпосылки для дефицита энергетических ресурсов и электро-снабжения. Распространенная коррупция в энергетических компаниях республики и отсутствие эффективного управления способствовали обострению кризисных явлений в энергетическом секторе республики.

По этой причине страна нуждается в увеличении мощностей вырабатываемой электроэнергии на ГЭС, расширения сырьевой базы углехимического производства, расширения газифицированных районов республики и обеспечения бесперебойных поставок газа для надежного энергоснабжения в период сезонного максимума. Отсутствие правового механизма регулирования по управлению водными ресурсами региона создает дополнительные сложности для привлечения иностранных инвестиций и политическое напряжение вокруг данного вопроса. Между тем Кыргызстан способен достичь политические договоренности со странами Центральной Азии в вопросах управления водными ресурсами. Этому могут способствовать и отношения в рамках Евразийского экономического союза, в рамках которого возможна выработка взаимовыгодных механизмов решения водно-энергетических проблем [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Жильцов С. С., Зонн И. С. Борьба за воду. *Индекс безопасности*. 2008;3(14):49-62.
2. Жильцов С. С., Бименова А. Н. Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек. *Центральная Азия и Кавказ*. 2015;1(18):90-100.
3. Абдырасулова Н., Кравцов Н. Система распределения и потребления электроэнергии Кыргызстана: анализ и оценка управления. Кыргызстан: Общественный фонд «ЮНИСОН»; 2013. С. 67.
4. Баевтов Б. И. Финансово-экономическая основа энергетической безопасности страны. *Вестник КРСУ*. 2016;10(16):7-10.
5. Zhiltsov S. S. Energy Flows in Central Asia and the Caspian Region: New Opportunities and New Challenges. *Central Asia and the Caucasus*. 2013;4(15):69-79.
6. Zhiltsov S. S. Political Processes in Central Asia: Peculiarities, Problems, Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2016;1(17):21-29.
7. Жильцов С. С. Трансграничные водные ресурсы Центральной Азии: экологический аспект. В: Экологические и природоохранные проблемы современного общества и пути их решения: материалы XIII международной научной конференции (Москва); 30 марта 2017 г.; Москва; Московский университет им. С. Ю. Витте. 2017. С. 19-28.
8. Zhiltsov S. S., Shtol V.V., Egorov V.G. Energy Flows in Central Asia: Issues and Outlook. *Central Asia and the Caucasus*. 2017;3(18):52-61.
9. Национальная энергетическая программа на 2008-2010 годы и стратегия развития ТЭК на период до 2025 года. Бишкек: Министерство промышленности, энергетики и топливных ресурсов КР, КНТЦ «Энергия»: Инсан; 2009. С. 2-6.
10. Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61542> (дата обращения: 7.11.2017)
11. Zhiltsov S. S. Eurasian Integration: Problems and Development Scenarios. *Central Asia and the Caucasus*. 2016;4(17):7-20.

REFERENCES

1. Zhiltsov S. S., Zonn I. S. Fight for Water. *Security Index*. 2008;3(14):49-62. (In Russ.)
2. Zhiltsov S. S., Bimenova A. N. Central Asian Politics Regarding Water Use of transboundary Rivers. *Central Asia and the Caucasus*. 2015;1(18):78-87. (In Russ.)
3. Abdyrasulova N., Kravtsov N. Electricity distribution and consumption system in Kyrgyzstan: analysis and management evaluation. Kyrgyzstan: UNISON Public Fund; 2013. P. 67. (In Russ.)
4. Baetov B. I. The financial and economic basis of the country's energy security. *Herald of the KRSU*. 2016;10(16):7-10. (In Russ.)
5. Zhiltsov S. S. Energy Flows in Central Asia and the Caspian Region: New Opportunities and New Challenges. *Central Asia and the Caucasus*. 2013;4(15):69-79.
6. Zhiltsov S. S. Political Processes in Central Asia: Peculiarities, Problems, Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2016;1(17):21-29.
7. Zhiltsov S. S. Transboundary water resources of Central Asia: ecological aspect. In: Environmental and the nature protection problems of modern society and the ways of their decision: the materials XIII of the international scientific conference (Moscow); 30 March 2017; Moscow; Moscow: S.Yu. Witte Moscow University. 2017. Pp. 19-28. (In Russ.)
8. Zhiltsov S. S., Shtol V.V., Egorov V. G. Energy Flows in Central Asia: Issues and Outlook. *Central Asia and the Caucasus*. 2017;3(18):52-61.

9. The National Energy Program for 2008-2010 and the strategy for the development of the fuel and energy complex for the period up to 2025. Bishkek: Ministry of Industry, Energy and Fuel Resources of the Kyrgyz Republic, KSTC "Energiya": Insan; 2009. Pp. 2-6. (In Russ.)
10. National Sustainable Development Strategy of the Kyrgyz Republic for the period 2013-2017. [Electronic resource] / Access mode: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61542> (07.11.2017) (In Russ.)
11. Zhiltsov S. S. Eurasian Integration: Problems and Development Scenarios. *Central Asia and the Caucasus*. 2016;4(17):7-20.
-
Статья получена 17.11.2017
Received 17.11.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Айдана М. Макилова, аспирант, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119992, Россия, Москва, Остоженка, д. 53/2;
aidanka2382@mail.ru

Aidana M. Makilova, Post-Graduate Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostogenka str., Moscow, Russia, 119992;
aidanka2382@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Политическая элита современной России: кризис формирования

Михаил А. Бурда

*Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия,
byrdamix@mail.ru*

Аннотация: Автор анализирует практику функционирования политической элиты современной России, феномен высокого рейтинга одного из ее акторов и кризис альтернативных политических лидеров. В статье уделяется особое внимание имеющейся, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, широте президентских полномочий. Отдельно рассматриваются особенности сложившегося и в целом закрытого для управляемого общества процесса формирования российской политической элиты. По мнению автора, такой процесс осуществляется в форме отбора кандидатов узким кругом руководящих лиц по субъективным причинам, в связи с чем, политическая элита еще более обособляется от управляемого общества и поднимается на новый, недостижимый уровень элитарности. Обращаясь к имеющейся практике президентских выборов в России в период с начала 90-х гг. XX века до настоящего времени акцентируется внимание на стагнации оппозиционных политических сил, отсутствии политической конкуренции внутри крупных политических партий и их невысокой электоральной поддержки в виду существующего в стране политического абсентеизма. В статье автор рассматривает исторический контекст формирования элитных групп привилегированного меньшинства и обращает внимание на особенности «технократического парламентаризма», который присущ государствам с парламентской формой правления и не реализуем в настоящее время в России с ее сложившейся системой руководства органами государственной власти. В заключении особое внимание автора обращено на имеющийся в обществе политический абсентеизм, скрытый протестный потенциал и, как следствие этого, запрос на обновление политических элит, в особенности в рамках предстоящих выборов Президента Российской Федерации в 2018 году, участия в них новых кандидатов. По мнению автора, учет такого социального запроса общества позволит купировать риски усиления деструктивной части экономической и региональной политической элиты, расширит возможности ротации политических элит, усилит роль институтов гражданского общества и приведет к воспроизводству авторитетных политических лидеров.

Ключевые слова: политическая элита, политическая система, политические партии, политическая власть, электоральные процессы

Для цитирования: Бурда М. А. Политическая элита современной России: кризис формирования. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(4):373-379. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-373-379

Political elite of modern Russia: crisis of formation

Michail A. Burda

Institute of social Sciences Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, byrdamix@mail.ru

Abstract: Author analyzes the practice of functioning of political elite of modern Russia, the phenomenon of high rating of one of its actors and the crisis of alternative political leaders. The article pays special attention to the existing, in accordance with the Constitution of the Russian Federation, the breadth of presidential powers. Separately discusses the features of current and in General closed for the controlled companies to the private process of formation of the Russian political elite. According to the author, this process takes the form of selection of candidates by a narrow circle of senior officials for subjective reasons, in connection with which the political elite even more segregated from the controlled companies and rising to a new, unattainable level of elitism. Referring to the existing practice of the presidential elections in Russia in the early 90-ies of XX century to the present focuses on the stagnation of the political opposition, lack of political competition among major political parties and their low electoral support in view of the existing political absenteeism. In the article the author considers the historical context of the formation of elite groups and privileged minorities, and draws attention to features of "technocratic parliamentarism", which is inherent in States with a parliamentary form of government and does not implement at present in Russia, with its prevailing system of governance by public authorities. In conclusion, the special attention of author is turned on the existing in society political absenteeism, latent protest potential and, as a consequence, the request for the renewal of political elites, particularly in the framework of the upcoming presidential elections of the Russian Federation in 2018, the participation of new candidates. According to the author of the inventory of such social demand companies will allow to stop the risks enhance the destructive part of economic and regional political elite, will enhance the possibility of rotation of political elites, strengthen the role of civil society institutions and lead to the reproduction of an authoritative political leaders.

Keywords: political elite, political system, political parties, political power, electoral processes

For citation: Burda M. A. Political elite of modern Russia: crisis of formation. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(4):373-379. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-373-379

ВВЕДЕНИЕ

Особенности построения политической системы России в начале XXI века обнажили проблему воспроизводства ярких политических лидеров парламентаризма, оппозиции и государственной власти.

Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр) констатирует беспрецедентный уровень одобрения работы действующего Президента Российской Федерации В. В. Путина, который в течение 2017 года находится на стабильном уровне выше 80%. При этом уровень одобрения действий «команды Президента», а именно: Председателя Правительства Российской Федерации Д. А. Медведева, Правительства Российской Федерации в целом, губернаторского корпуса, Государственной думы и Совета Федерации не поднимался выше 50% и это очень усредненное значение, так как в отдельные периоды уровень поддержки действий отдельных указанных политических акторов падал и до 38% [1].

Вертикальная политическая система государственного управления, оказавшись достаточно эффективным механизмом поддержания политической стабильности и реализации властных функций государства, оказалась не способна к порождению нового политического лидера, сопоставимого по масштабу с действующим Президентом В. В. Путиным.

Такой явный дисбаланс народной поддержки политической власти России является феноменом в современной общемировой практике и в своем базисе восходит к условной парадигме «хороший царь — плохие бояре». В определенной мере это противоречит российской политической системе, в которой именно Президент обладает наиболее широкими властными полномочиями не только в отношении правительства, но и парламента. В этой связи, рассмотрим подобный феномен более подробно.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 мая 2012 года №636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти», Президент Российской Федерации осуществляет руководство целым рядом федеральных органов исполнительной власти, а именно МИД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, СВР России, МВД России, МЧС России, Росфинмониторингом и др. [11].

В соответствии с положениями Главы IV Конституции Российской Федерации Президент России вправе отправлять Правительство Российской Федерации в отставку, распускать Государственную Думу Российской Федерации, вводить чрезвычайное положение, отменять законодательные акты, издавать свои законодательные акты, является верховным главнокомандующим [10]. При этом, за счет личностных качеств, харизмы и сформированного годами имиджа действующий Президент, дистанцируясь от неудачных действий правительства, парламента и региональных властей, удерживает высокий уровень электоральной поддержки.

Стабильность работы такого рода политической системы зиждется на определенных правилах «корпоративной этики власти», основным из которых является отсутствие у актора системы политических амбиций оказаться на вершине властной вертикали. Это не исключает создания внутриэлитных группировок либерального или консервативного толка, или иной принадлежности (экономическая элита, военная элита, духовная элита и т. д.), борющихся за различные сферы влияния не только в секторе управления государством, но и в экономике.

Непосредственно процесс формирования такой системы элит носит, по сути, закрытый характер и осуществляется в форме

отбора кандидатов узким кругом руководящих лиц по личностным характеристикам, принадлежности к «команде», землячеству и «особыми критериями элитарности», которые зависят от баланса сил различных лоббистских группировок, альянсов и коалиций, что не соотносится с принципами демократического государства.

Политическая элита, таким образом, еще более обособливается в качестве избранного меньшинства и сосредотачивает в своих руках не только функции принятия политических решений, но и различные экономические рычаги влияния на жизнь общества. Фактически «элитный рекрутинг» стал внутренней функцией высшего сегмента правящей политической элиты, а процесс формирования и обновления элиты превратился в самовоспроизводство правящего класса, практически утратив связи с гражданским представительством [3].

Политическая элита России сосредоточила в своих руках огромные властные, финансовые и информационные ресурсы. Это позволило во всей большей степени усилить концентрацию власти и одновременно лишить трудящихся, прежде всего, рабочих и крестьян, возможности влиять легитимным путем на политические события, участвовать в принятии политических решений, затруднило их рекрутирование в элиту [9]. Такой процесс приводит к формированию технократической по форме и тимократической по сути политической элиты, в которой акторы, становятся одновременно и гарантом, и заложником этой системы.

Стабильное естественное воспроизводство новых политических лидеров приводит к развитию конкуренции идей не только во власти, но и внутри отдельных политических сил (партий).

Анализируя кандидатов в Президенты Российской Федерации в период с 1991 года, можно отметить, что председа-

тели основных оппозиционных парламентских партий регулярно участвовали в выборах Президента Российской Федерации. Г. А. Зюганов от КПРФ (в 1996, 2000, 2008, 2012 гг.) [4], В. В. Жириновский от ЛДПР (1991, 1996, 2000, 2008, 2012 гг.) [6], также регулярно в выборах Президента участвует и лидер партии «Справедливая Россия» С. М. Миронов (2004, 2012 гг.) [7]. Можно предположить, что перечисленные кандидаты также примут участие в избирательной компании по выборам Президента Российской Федерации, запланированным на март 2018 года.

Удивительная «стабильность», не имеющая аналогов в истории иных демократических государств, говорит о наличии удобного для действующей власти пула основных оппозиционных кандидатов на протяжении всей истории современной России. При этом, внутри своих партий построена аналогичная государственной закрытая система внутрипартийных политических элит.

Низкий рейтинг лидеров думских оппозиционных партий обусловлен, в первую очередь, ролью этих партий в жизни общества, а также возможностями парламента в управлении государством. Деградация партийного развития оппозиции привела к абсолютно безальтернативным выборам Президента Российской Федерации в 2018 году, где конкурентами кандидату от действующей власти будут «старые проверенные бойцы» и возможно некоторые политические маргиналы разной направленности от либералов-западников до монархистов.

Кризис альтернативных политических лидеров приводит общество к электоральной дилемме «Кто если не ...?», а непосредственно сам электоральный процесс уходит от состязательности кандидатов к банальной борьбе за «легализацию» выборов путем обеспечения высокой явки при имеющемся существенном в сложившейся

ситуации политическом абсентеизме общества, особенно в молодежной среде.

В силу определённой закрытости тимократической политической системы входящие во власть «молодые технократы» являются, как правило, порождением тимократии, т. е. уже принадлежат к правящему классу, что может стать фактором роста протестных настроений социальных низов и популярности маргинальной части «контрэлиты».

ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Рассматривая данный вопрос в историческом контексте, необходимо отметить, что еще на рубеже XIX-XX вв. г. Моска, В. Парето, Р. Михельс констатировали — в обществе правит элита. Еще ранее в работах античных мыслителей (Сократа, Платона, Аристотеля) этот тип правления назван тимократией, т. е. власть находится у привилегированного меньшинства, обладающего высоким имущественным цензом. Общеизвестно, что в виду естественных различий — умственных, физиологических и прочих — править, быть у власти, т. е. принимать стратегические решения, могут только избранные люди [8]. К таким избранным Т. Веблен отнес «инженеров», которые согласно социальной утопии «Инженеры и Ценовая Система» играют ключевую роль в управлении государством на всех уровнях и во всех сферах.

В последующем эти идеи были продолжены и дополнены в концепциях «стадий роста» У. Ростоу [15], «зрелого индустриального общества» Р. Арона [2], «технотронного общества» Зб. Бжезинского [13], «нового индустриально общества» Дж. К. Гэлбрейта [14].

Концептуальной идеей технократии, как политической формы власти, является принцип формирования структур управле-

ния государством не по идеологическому, а по профессиональному признаку. Таким образом, следуя технократической логике, экономические вопросы находятся в компетенции экономиста, здравоохранение в компетенции медиков, социальная политика в компетенции политологов и т. д. При этом для координации такой работы необходимы эксперты управленцы — менеджеры.

Необходимо отметить, что развитие парламентаризма оказало существенное влияние на принципы формирования современных тимократических элит западных государств, где помимо профессиональных навыков партийная принадлежность также является ключевым критерием для попадания в правящую элиту, в случаях победы представляемой политической партии на выборах. Можно сказать, что в настоящее время мы наблюдаем своеобразный «технократический парламентаризм».

Принцип формирования правительства по итогам парламентских выборов из членов победившей политической партии или коалиции политических партий катализирует политическую конкуренцию элиты и контрэлиты (оппозиции) и связанные с этим политические процессы, является инструментом демократической смены правящей политической элиты в целом.

Безусловным условием политической конкуренции является возможность проведения свободных, демократических выборов на всех уровнях при отсутствии административного давления на кандидатов со стороны действующей власти.

В противовес закрытой тимократической политической системе, «технократический парламентаризм» гораздо быстрее воспроизводит новых политических лидеров на всех уровнях власти и является формой правления «профессионалов», а не «друзей», что в свою очередь повышает ответ-

ственность элиты за принимаемые решения, особенно в период кризисов.

Зачастую кризисы политической системы, связанные с резкой сменой политических элит, провоцировали не только латентные социальные и экономические риски для государства, но и находили свое проявление в форме идеологических и групповых конфликтов, государственных переворотов и репрессий [5].

В свою очередь механизм ротации политической элиты позволяет обеспечить живучесть системы управления государством в меняющихся условиях. В определенных случаях, ротация политической элиты возможна в форме смены поколений этой элиты, что также может являться инструментом трансформации идеологии правящего класса, перегруппировки внутриэлитных политических сил.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях кризиса, последствия которого сказываются на экономическом развитии России, явно ощущается потребность в эффективном управлении, возрастает роль институтов, обеспечивающих социализацию элит, прежде всего науки и образования [12].

Подтверждением данного тезиса можно, в определенной мере, считать процессы смены советской геронтократической политической элиты младореформаторами, которые виду отсутствия социализации и следовательно поддержки управляемого общества были смещены прагматиками их околоэлитных групп, ранее относящихся к номенклатуре «второго-третьего класса».

Невысокая явка (примерно 15%) на выборах муниципальных депутатов в г. Москве

в сентябре 2017 года, активное протестное голосование против «партии власти» и аморфных на муниципальном уровне представителей парламентских политических сил в отдельных районах города является наглядной иллюстрацией имеющегося в российском обществе политического абсентеизма.

Такой латентный протест дает запрос действующей российской власти на новые лица в политической элите, новые лица в ведущих политических партиях, отсутствие которых может негативно отразиться на восприятии обществом электоральных процессов в рамках выборов Президента Российской Федерации в 2018 году.

Все это говорит о назревшей проблеме обновления политической элиты современной России, выдвижения и последующего роста альтернативных политических лидеров в рамках сохранения политической стабильности в государстве. Это требует выработки новой технологии ротации элит, связанной с развитием институтов гражданского общества, парламентаризма, совершенствованием взаимосвязи исполнительной и законодательной власти и проведением свободных от административного давления демократических выборов на всех уровнях. Кроме того, такой подход позволит купировать возможные риски усиления влияния экономической элиты, а также сепаратистски настроенной части региональной элиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. Москва: Академия; 1994. С. 3-45.
2. Ветренко И. А., Воронцов С. А., Понделков А. В. О современном состоянии россий-

- ской политической элиты и направлениях ее реформирования. *Вестник ОмГУ*. 2015;1(75):174-180.
3. Латыпов Р. Ф., Тимашева К. Т. Циклы ротации правящей элиты как фактор кризисов политической системы России. *Власть*. 2016;12:73-78.
 4. Сквоиков А. К. Гаэтано Моска об акторах политического управления и власти. *PolitBook*. 2012;4:104-115.
 5. Сквоиков А. К. Политическая и правящая элиты современной России: взаимодействия и противоречия. *Политика и общество*. 2010;10:15-23.
 6. Шабров О. Ф. Политические технологии. *Знание. Понимание. Умение*. 2012;4(328-330).
 7. Brzezinski Zb. Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era. New York: The Viking Press; 1970. pp. 34-45.

REFERENCES

1. Aron R. Democracy and totalitarianism. Moscow: Academy; 1994. pp. 3-45. (In Russ.)
 2. Vetrengo I. A., Vorontsov S. A., Ponedelkov A. V. On the current state of the Russian political elite and the directions of its reformatting. *Bulletin of Omsk State University*. 2015;1(75):174-180. (In Russ.)
 3. Latypov R. F., Timasheva K. T. Cycles of the rotation of the ruling elite as a factor in the crises of Russia's political system. *Power*. 2016;12:73-78. (In Russ.)
 4. Skovikov A. K. Gaetano Mosca on the actors of political management and power. *PolitBook*. 2012;4:104-115. (In Russ.)
 5. Skovikov A. K. Political and ruling elite of modern Russia: interaction and contradictions. *Politics and society*. 2010;10:15-23. (In Russ.)
 6. Shabrov O. F. Political Technologies. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2012;4:328-330. (In Russ.)
 7. Brzezinski Zb. Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era. New York: The Viking Press; 1970. pp. 34-45.
-
Статья получена 23.09.2017
Received 23.09.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Михаил А. Бурда, кандидат политических наук, Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, проспект Вернадского, 82;
byrdamix@mail.ru

Michail A. Burda, candidate of political Sciences, Institute of social Sciences Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 82, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571;
byrdamix@mail.ru